

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

НОРМАНДЦЫ –
МИГРАЦИЯ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ

ТОМ СОРОКОВОЙ
2022

Дорогие наши читатели и подписчики,
благодарим вас за вашу преданность проекту
и терпение, столь важное и ценное для нас
в это непростое время. Благодаря вашей незримой
поддержке мы продолжаем наш общий путь
по дорогам истории. Обещаем, редакция еще
не раз удивит вас новыми темами исследований
и публикацией уникальных документов.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

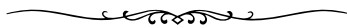

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НОРМАНДЦЫ –
МИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

ТОМ СОРОКОВОЙ

Под общей редакцией С.П. Брюна

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 18.07.2022 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 13,25. Заказ № 110956.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2022

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Кереметский
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко
технический редактор
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
научный сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора Института российской истории РАН

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko
Technical Editor
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University,
History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Deputy Director
of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Л.Ф. Кацис**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

-
- Sergey V. Deviatov**
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov**
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Leonid F. Katsis**
Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica, Head of the Scientific Research Laboratory of Mandelstam Studies of the Russian State University for the Humanities
- Svetlana A. Kirillina**
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin**
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lanskoj**
D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

С.В. Орлов

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

А.А. Улунян

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

В.В. Хутарев-Гарнишевский

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

Alexander V. Marey

Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Stepan V. Orlov

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty

Daniel Panateri

D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences

Alexey E. Titkov

Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Arutyun A. Ulunyan

D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

Vladimir Hutarev-Garnishevsky

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели, коллеги!

Одной из фундаментальных тем для нашего журнала является становление, расцвет и закат империй, а также империй как образований (организационных, военно-политических и социальных), обеспечивших взаимодействие между различными народами, верами, культурами.

Тематические выпуски журнала «Исторический вестник» посвящались моделям управления Римской империи, Османской империи, экспансии монгольской державы. Задуманный редакцией более года назад номер, посвященный норманнскому фактору в европейской истории, казалось бы, лежит в стороне от общего направления изысканий нашей редакции. Норманны по сути не создали империю, хотя по степени своего воздействия на исторические процессы вполне могут быть приравнены к другим народам как строителям, так и потрясателям известной нам вселенной. Однако, не создав империю, норманны, впоследствии нормандцы стали тем связующим раствором, на котором в сочетании с римской и византийской традициями была построена Европа как таковая. Именно они находились во главе латинского движения с севера на юг и с запада на восток. Еще одно направление норманнской экспансии развивалось буквально параллельно, по пути из варяг в греки, став элементом генезиса русского православного мира.

Важно отметить, что тема настолько широка, что редакция в очередной раз приняла решение разделить интересующую нас проблему. Данный номер под редакцией С.П. Брюна вобрал в себя исключительно те материалы, которые связаны с нормандской экспансией в Средиземноморье — с завоеванием Южной Италии, Сицилии, Сирии, Киликии и Галилеи.

Нормандцы стали движущей силой, обеспечившей масштабное и разностороннее соприкосновение латинского Запада с исламским и византийским Востоком.

В номер вошли работы, посвященные самым разным аспектам нормандской экспансии и культуры: политической истории, военному делу, религиозной жизни, нумизматике.

Также для нас крайне важно, что журнал продолжает публиковать источники — в данном случае, русский перевод финальных семнадцати глав «Деяний Танкреда» Рауля Канского, один из основополагающих текстов для изучения истории нормандской экспансии в период Первого крестового похода.

Выражаем надежду, что номер окажется полезным как профессиональным историкам, так и широкому кругу наших читателей, просто интересующихся историей.

А.Э. Титков

*Главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

Dear readers and colleagues!

One of the fundamental themes for our journal is the genesis and decline of empires-entities which (from the socio-political and military perspectives) guaranteed the interaction between various peoples, faiths and cultures. Previous thematic issues of the Historical Reporter were dedicated to such subjects as the governmental models of the Roman Empire, the Ottoman Empire, the expansion of the Mongols. The current issue – conceived a year ago and dedicated to the Norman factor in European history – seems to be a subject that, for a time, lay outside of the editorial board’s direct interests. Properly speaking, the Normans never created an empire, even though the impact of their expansion equates them to the endeavors of other peoples, who built or brought down great states of our oikumene. Never creating a centralized empire of their own, the Normans became the binding agent on which Europe was able to build, combining both Latin (Roman) and Byzantine traditions. After all, it was the Normans who spearheaded the Latin movement from North to South and from West to East. The Normans became a driving force behind the mass and diverse range of interactions between the Latin West and the East (both Islamic and Christian).

Yet another direction of Norman expansion developed in parallel and on its

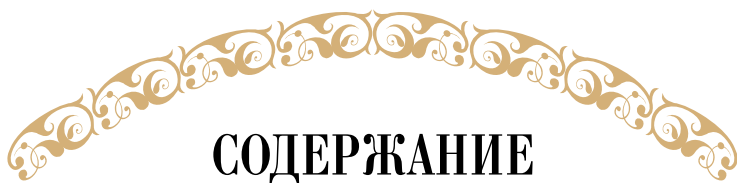

own; that being the route «From the Variags to the Greeks», a route that became a critical element in the genesis of the Russian Orthodox world. It is important to note that the theme in question is so vast, that the editorial board decided to divide it amongst several thematic issues. The given issue, compiled and edited by Sergei P. Brun, is comprised exclusively of the materials that are connected to the Norman expansion in the Mediterranean: namely, the Norman conquests of Southern Italy, Sicily, Syria, Cilicia and Galilee. The issue includes articles dedicated to a wide array of aspects, pertaining to Norman expansion and culture: their political and military history, religious life, numismatics. Our journal gives a lot of thought and effort to the publication of sources. In this issue, the reader will find the Latin original and Russian translation of the final 17 chapters of *Gesta Tancredi* by Ralph of Caen, one of the main sources on the Norman expansion in the East during the First Crusade. We hope that this new issue, the 40th Volume of *The Historical Reporter* will prove to be of interest and use to both — professional historians and a wide range of readers that are partial to history.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief
of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Нормандцы на острие латинского движения
на Восток (XI—XII вв.)..... 12

НОРМАНДЦЫ – ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК

П.В. Кузенков. Разделение между Римом и Константинополем
и нормандское завоевание Италии 20

В.В. Прудников. Норманны и тюрки-сельджуки:
симметрия движения 42

НОРМАНДЦЫ – ЭКСПАНСИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

С.П. Брюн. Экспансия и угасание нормандского элемента:
княжество Антиохийское как зеркало триумфа и кризиса
нормандской государственности 62

В.С. Хомутов. Норманнская монета Великого графа Рожера. 126

ИСТОЧНИКИ

Рауль Канский. Деяния Танкреда. Главы 140–157 148

IN MEMORIAM

Михаил Серафимович Мейер (30 августа 1936 – 19 апреля 2022) ... 184

CONTENTS

THE NORMANS – MIGRATION AND TRANSFORMATION

Editor: **Sergei P. Brun**

Editor's Foreword. The Normans on the Frontline of Latin Expansion
into the Orient (XI–XII C.) 12

THE NORMANS – EASTWARD EXPANSION

Pavel V. Kuzenkov. The Division Between Rome and Constantinople
and the Norman Conquest of Italy. 20

Vitaly V. Prudnikov. The Normans and the Seljuk Turks:
A Symmetry of Movement. 42

THE NORMANS – EXPANSION AND MATERIAL CULTURE

Sergei P. Brun. Expansion and Decline: the Principality of Antioch
as an Example of the Triumph and Crisis of Norman Statehood 62

Vladimir S. Khomutov. The Norman Coinage of Roger I
the Great Count. 126

SOURCES

Radulfus Cadomensis (Ralph of Caen).
Gesta Tancredi. Chapters 140–157. 148

IN MEMORIAM

Mikhail Serafimovich Meyer (August 30th 1936 – April 19th 2022) 184

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Нормандцы на острие латинского движения на Восток
(XI—XII вв.).

ороковой том журнала «Исторический вестник» посвящен истории нормандской экспансии в Средиземноморье. Среди культурных процессов и цивилизационных «сдвигов» в средневековом мире история основания, расцвета и угасания нормандских государств представляет собой одно из ярчайших явлений, а хронология и темпы эволюции, экспансии, расцвета и угасания нормандской государственности выделяются за счет как невиданной у других народов насыщенности, так и быстротечности. Именно нормандцы оказались во главе масштабного движения латинского, франкоязычного мира, мира «высокого» европейского Средневековья с севера на юг (от Англии до Африки) и с запада на восток — из Нормандии в Италию и Анатолию, на Сицилию и в Сирию, на Евфрат и в Галилею. Трансформация «норманнов» — скандинавских завоевателей, бившихся в пешем строю и курсировавших по берегам рек и морей, — в «нормандцев», представителей крупной феодальной аристократии, сражавшейся в конном строю, выступавшей заказчиками великолепных романских и византийских соборов, строителями новых крепостей; воинства, покорившего просторы Востока — от долин Малой Азии, северной Сирии и Галилеи до Балкан и Северной Африки, заняла не более полутора века;

хронологические рамки периода от расцвета до заката их государственности, когда нормандцы сдали позиции на востоке и юге мусульманам или уступили власть в созданных ими государствах другим «франкам» и немцам, колеблются от полувека до столетия.

История нормандской экспансии и ее истоки уводят нас в X в., на земли северной Франции, где на протяжении нескольких поколений и произошло вышеуказанное перерождение северных завоевателей, «норманнов», викингов в «нормандцев», представителей католического, франкоязычного воинства (позднее — полноценного «рыцарства»), ставшего во главе латинских завоевательных кампаний в Южной Италии и Северной Африке, на Сицилии и в Англии, на Балканском полуострове и в сиро-палестинском регионе. У истоков этих процессов стоял договор в Сен-Клер-сюр-Эпте, заключенный в 911 г. между королем западных франков Карлом III Простоватым и вождем норвежских викингов Рольфом Пешеходом. Согласно договору Рольф и его викинги («норманны») получали в ленное владение земли северной Франции — от Бретани на западе до Эра на востоке, с городами Руан и Кан. Эти земли образовали Нормандию, первым правителем которой становился Рольф, принявший крещение с именем Роллон и получивший титул графа Руанского. Договор был скреплен династическим браком, согласно которому Роллон принимал в жены дочь короля Карла III Гизелу. В обмен ярл Рольф / граф Роллон приносил оммаж королю франков.

Трансформация «норманнов» в «нормандцев» по праву может считаться одним из самых удивительных феноменов в истории европейского Средневековья. Знать и воинство Нормандии, перемешиваясь в X в. с франкским населением, приняли католическую веру, старофранцузский язык (ойль) с весьма характерным прононсом, выдававшим их скандинавское происхождение (диалект, ставший нормандским языком), нормы законодательства, военного дела, костюма и быта «франков». От своих скандинавских пращуров они сохранили особую воинственность, жестокость и нарушавшую нормы латинского мира «находчивость», способствовавшую достижению цели любой ценой. Еще одной характерной чертой нормандцев стала их открытость к мореходству, которого чуждалось франкское рыцарство. На протяжении XI–XII вв. кампании нормандцев в северной Европе и Средиземноморье были прикованы к кораблям, только корабли эти — будь они наследниками скандинавских драккаров или византийских дромонов — перевозили уже не викингов, а лучшую тяжелую кавалерию своего времени, подкрепленную контингентами «сержантов», в числе которых были —

в зависимости от региона — и нормандские лучники, и итальянские моряки, и сицилийские арабы. Отзвуком этой трансформации служат прозвища первых правителей Нормандии — графа Роллона, прозвище которого было «Пешеход», и его сына, графа Вильгельма I, которого прозвали «Длинный меч» (Longam-Spatam). Вряд ли стоит напоминать о том, что длинный меч является оружием кавалериста, а не пешего воина, а прозвище графа Вильгельма I, очевидно, было призвано подчеркнуть принятие этого нового оружия, к которому еще не привыкли скандинавские дружинники его отца. История Нормандии X–XI вв. — это история регулярных военных столкновений ее правителей как с собственным нобилитетом, так и с окрестными правителями, прежде всего с графами Анжу. Это противостояние имело особое значение для будущего нормандской государственности.

Уже в правление Ричарда II Доброго (996–1026 гг.), на заре XI столетия нормандские рыцари и сержанты начинают покидать север Франции и искать счастья на противоположном конце континента — в Италии. На южной оконечности Апеннин утверждаются нормандские династии Дренго и Отвиллей; если первая династия — Дренго — смогла утвердиться на престоле графов Аверсы, а затем князей Капуи, то вторая — род Отвиль — прошла путь от захудалой рыцарской семьи, у которой было слишком мало земли и слишком много сыновей¹, до разветвленной династии, которой были подвластны Апулия и Калабрия, Сицилия, Киликия и северная Сирия, кратковременно — Эдесса, Галилея и Тунис.

При правнучке Роллона, Ричарде II Добром, правители Нормандии принимают новый титул «герцога», в первоначальном варианте — князя/принцепса и герцога (*princesps et dux Normannorum*). Титулы герцога позднее будут принимать нормандские правители Апулии и Калабрии, Амальфи и Салерно; титулы князя — нормандцы, утвердившиеся в Капуе, Таранто, Антиохии, а также единственный нормандский сир Галилеи — Танкред. Благодаря Вильгельму Завоевателю пять нормандских государей будут носить титул королей Англии; из-за реализованных амбиций Рожера II де Отвилля четыре нормандских государя будут последовательно принимать венец королей Сицилийских, а два из этих четырех (в том числе сам Рожер II) — именоваться также «королями Африки».

¹ У Танкреда де Отвилля, патриарха этой семьи, был лишь небольшой фьеф на северной оконечности полуострова Котантен, и при этом — двенадцать сыновей, часть которых и отправилась искать счастья в Италию.

При всем триумфе нормандской государственности, который приходится на примерно столетний период между 1066 и 1160 гг. (от нормандского завоевания Англии до падения нормандского королевства Африки), угасание нормандского господства оказалось столь же стремительным. К 1136 г. нормандская династия Отвиллей — после череды военных катастроф и гибели государей — уступила княжеский престол Антиохии аквитанской династии Рамнульфидов; в 1154 г. герцогский престол Нормандии и королевский престол Англии окончательно перешли к анжуйской династии Плантагенетов. В 1158–1160 гг. пало королевство Африки. Сицилийское королевство, остававшееся последним оплотом нормандской государственности, продолжало еще, в правление короля Вильгельма II Доброго, снаряжать масштабные военные кампании против мусульман и ромеев (осаду Александрии в 1174 г., вторжение на Балканы и разграбление Фессалоник в 1185 г.), однако все эти кампании заканчивались поражением нормандцев и истощением ресурсов королевства. Единственной по-настоящему стоящей кампанией Вильгельма II Доброго (точнее, его «аммира/адмирала» Маргарита из Бриндизи, сам король никогда не покидал пределов Сицилии и не возглавлял походов) стала морская экспедиция в Левант в 1187–1188 гг., которая спасла государства крестоносцев (в том числе Антиохию) от окончательного завоевания Салах ад-Дином и дала франкам Заморской земли возможность продержаться до прибытия армий Третьего крестового похода.

Однако и на Сицилии нормандское правление оказалось скоротечным: в 1194 г. скончался король Танкред, а его сын — король Вильгельм III — был свергнут вторгшейся армией священно-римского императора Генриха VI Гогенштауфена, предъявившего (по праву брака с Констанцией, сестрой Вильгельма II Доброго) права на сицилийский престол. К исходу 1198 г. Вильгельм III де Отвилль — не только последний нормандский король Сицилийский, но в принципе последний в истории нормандец, носивший королевский венец, — умер в темнице, в швабском замке Хоэнэмс, после четырех лет заточения и пыток (в ходе которых он был ослеплен и, возможно, кастрирован).

В 1204 г. король Франции Филипп II Август отвоевал у короля Иоанна I Безземельного саму Нормандию, сделав герцогство частью королевского домена. Так завершилась начавшаяся в 911 г. история Нормандии как самостоятельного и самобытного герцогства, а над этой землей, отданной Карлом III, была восстановлена полнота власти «короля франков». В XIII столетии на территориях, некогда подвластных нормандцам, за престолы, ими завоеванные или созданные, будут воевать представи-

тели других династий и других народов: Рамнульфиды и Рубениды — за Антиохию; немцы и французы (а позднее и арагонцы) — за Сицилию и Южную Италию; Плантагенеты и Капетинги — не только за Нормандию, но и за саму Англию (при попытке Филиппа II Августа утвердить своего сына, Людовика VIII Льва, на английском престоле). Показательно, что во время Второй войны баронов в Англии (1264–1267 гг.) во главе противоборствующих партий англо-нормандской знати стояли предводители, нормандцами не бывшие ни по крови, ни по языку, — Генрих III Плантагенет и Симон де Монфор. Нормандские завоевания проложили путь латинской экспансии в Средиземноморье, в корне изменили историю Англии, привели к зарождению новых — адаптированных — форм государственного управления (элементы которого были заимствованы у покоренных народов — англосаксов, арабов, ромеев), к созданию колоссального числа памятников архитектуры и искусства; однако сами нормандцы, в отличие от заявивших о себе в этот же период тюрок-сельджуков, исчезли столь же стремительно, как появились.

В сороковом томе нашего журнала, получившем название «Нормандцы — миграция и трансформация», рассмотрены различные сферы, связанные с экспансией нормандцев в Средиземноморье, социально-политические и религиозные процессы, взаимоотношения нормандцев с ромеями, мусульманами и латинянами (в том числе с теми, «другими франками», которые постепенно вытесняли нормандцев из созданных ими государств), материальная культура нормандских завоевателей. В томе, помимо вступительной статьи, читатель найдет три тематических раздела: «Нормандцы — движение на Восток», «Нормандцы — экспансия и материальная культура», «Источники» и, в качестве приложения, раздел «Ad Memoriam».

В первом разделе «Нормандцы — движение на Восток» представлены статьи, посвященные различным аспектам нормандского присутствия в Южной Италии и Сирии. Открывает раздел статья выдающегося российского историка-византиста, к. и. н. Павла Владимировича Кузенкова «Разделение между Римом и Константинополем и нормандское завоевание Италии». Автор с новой перспективы анализирует хорошо известные события 1054 г., акцентируя роль отдельных политических деятелей, ставших ключевыми в расколе между Римской и Константинопольской церквями, — Вселенского патриарха Михаила I Керулария, Аргира из Бари, папы Льва IX и его легатов, а также раскрывает роль нормандского завоевания византийских провинций южной Италии как одного из центральных факторов в развитии указанного церковного и «цивилизационного»

конфликта. В качестве приложения к статье П.В. Кузенков приводит перевод антилатинского византийского трактата рубежа XI–XII вв., ложно приписываемого Вселенскому патриарху Фотию («Трактат псевдо-Фотия»), наглядно иллюстрирующий ромейские воззрения о вере наступавших на империю нормандцев; перевод и анализ данного текста приводится в отечественной научной литературе впервые.

За статьей П.В. Кузенкова следует работа другого знакового отечественного медиевиста — к. и. н. Виталия Владимировича Прудникова «Норманны и тюрки-сельджуки: симметрия движения». Продолжая тему своих многолетних исследований, посвященных первому (вторая половина XI в.) и второму (начавшемуся с Первого крестового похода) появлениям нормандцев на пространстве византийской Малой Азии и Сирии, В.В. Прудников рассматривает сходные и различные черты «встречного движения» двух народов, боровшихся за господство на территории византийского Востока: пришедших с запада нормандцев и пришедших с востока тюрок-сельджуков. Исход этого противостояния хорошо известен: на территории византийских провинций Азии утвердился тюркская/турецкая государственность, в то время как присутствие нормандцев и других франков в указанном регионе окончательно сойдет на нет к исходу XIII столетия, с мамлюкскими завоеваниями. Однако автор вновь возвращается не к известному «финалу», а к тем причинам, тем факторам в тюрко-нормандском противостоянии, которые привели к подобному исходу.

Следующий раздел «Нормандцы — экспансия и материальная культура» состоит из двух статей. Он начинается со статьи ответственного редактора настоящего издания С.П. Брюна «Экспансия и угасание нормандского господства: княжество Антиохийское как зеркало триумфа и кризиса нормандской государственности», где автор анализирует конкретные этапы, события и факторы, которые привели вначале к пику нормандской экспансии на Востоке (что было неразрывно связано с кампаниями и правлением Танкреда де Отвилля в 1097–1112 гг.), а затем к поступательному сокращению нормандского присутствия в Леванте, обусловленному катастрофическими военными поражениями и гибелью князей Антиохийских в битвах на Кровавом Поле в 1119 г. и у Аназарвы в 1130 г., династическим кризисом сирийской ветви Отвиллей, а также последовательным устремлением других франков Заморской земли к ослаблению нормандцев и «освоению» их государства. Отдельное внимание в статье уделено конкретным персоналиям, в частности — Бодуэну I и Бодуэну II де Бурку, Жослену I де Куртенэ и Фульку Анжуйскому, Раулю I Домфрону и Раймон-

ду де Пуатье, сыгравшим ключевую роль в вытеснении нормандцев из созданного ими государства в Сирии и Киликии. Окончание нормандского правления в княжестве Антиохийском прямо предвосхитило аналогичные процессы, имевшие место в Англии и Нормандии в 1150-х гг. и в конце XII столетия — в Сицилийском королевстве. При этом история отстранения от власти нормандцев в княжестве Антиохийском — в силу непосредственного участия в этих процессах Фулька V Анжуйского и Раймонда де Пуатье — оказалась династически связанной с последующим переходом английской короны и герцогского венца Нормандии к отпрыскам анжуйской династии Плантагенетов и аквитанских Рамнульфидов.

Вторая статья раздела посвящена нумизматике и написана одним из ведущих отечественных знатоков-коллекционеров Владимиром Сергеевичем Хомутовым. По решению редакционной коллегии наш журнал — при наличии необходимого и соответствующего всем научным критериям рецензирования — в исключительных случаях представляет слово знатокам, проявившим себя в различных научно-практических сферах.

Несмотря на лаконичность названия — «Норманнская монета великого графа Рожера», статья В.С. Хомутова представляет собой детальное исследование генезиса, иконографии и стиля одной из самых неоднозначных и во всех смыслах «сложных» монет в истории средневекового мира. Автор скрупулезно анализирует не только сохранившиеся варианты монеты, но и происхождение ее уникальной иконографии, смыслов, образности и символики — как государственной, так и религиозной; также проводятся яркие и осмысленные параллели между данной монетой — нумизматическим шедевром XI столетия — и памятниками декоративно-прикладного и изобразительного (в том числе монументального) искусства рассматриваемого периода, что придает исследованию В.С. Хомутова не только «нумизматическое», но и ярко-выраженное искусствоведческое измерение.

В разделе «Источники» размещен составленный ответственным редактором перевод финальных семнадцати глав (140–157) «Деяний Танкреда» Рауля Канского. Этот хорошо известный латинский источник, ставший своеобразным «жизнеописанием-панегириком» одной из ключевых фигур в истории нормандского завоевания Востока, написанный, но, к сожалению, не завершённый капелланом первых двух князей Антиохийских, раскрывает яркое и сугубо нормандское воззрение на события Первого крестового похода и последующее устройство государств Заморской земли. Рауль Канский не скрывает своих привя-

занностей и антипатий, идеализирует своего главного героя — Танкреда — и при этом показывает всю сложность взаимоотношений первого поколения франко-нормандских завоевателей и крестоносцев не только с «турками», «греками» и «армянами», но и друг с другом. Именно поэтому мы решили обратиться к финальным 17 главам, которые повествуют об устройении франкских государств Заморской земли и судьбе нормандской Антиохии в первые годы, последовавшие за взятием Святого града и окончанием «пути в Иерусалим».

В отличие от поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575 г.), в которой Танкред фактически представлен героем барочной моралистической сказки, текст Рауля Канского — при всей патетике и поэтизации — представляет собой уникальное произведение, раскрывающее самые разные элементы истории, быта и мировоззрения осевших в Сирии и Киликии нормандцев. В этом отношении две публикации в данном томе журнала — перевод «Деяний Танкреда» и посвященный Танкреду раздел в статье «Экспансия и угасание нормандского господства», наряду с изданием прежде неопубликованных образцов монет с образом «сына маркиза» — призваны шире раскрыть аспекты личности этого нормандского государя, так контрастирующие с популяризированными, романтизированными образами кисти французских художников Никола Пуссена и Мерри-Жозеф Блонделя.

В финале журнала читатель найдет раздел *In Memoriam*, в котором приведен некролог доктора исторических наук, профессора Михаила Серафимовича Мейера, ярчайшего отечественного (и общемирового) тюрколога, выдающегося исследователя, автора и педагога, покинувшего нас 19 апреля 2022. Некролог написан одним из учеников М.С. Мейера, членом редакционной коллегии и автором нашего журнала — к. и. н. Дмитрием Рустемовичем Жантиевым. Вместе с Дмитрием Рустемовичем авторский и редакционный коллектив нашего журнала присоединяется к плеяде всех тех исследователей, которые не забудут ни труды Михаила Серафимовича Мейера, ни его как человека, ученого и учителя.

Мы надеемся, что данный номер, сороковой том нашего журнала, внесет свою лепту в отечественную и мировую медиевистику, сможет ознакомить специалистов и широкий круг читателей с новыми публикациями источников (Раулем Канским и трактатом Псевдо-Фотия), с военным делом, искусством, бытом, религиозной жизнью и политической историей нормандцев Средиземноморья.

С.П. Брюн
ответственный редактор

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.40.001

П.В. Кузенков

РАЗДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ РИМОМ И КОНСТАНТИНОПОЛЕМ И НОРМАНДСКОЕ¹ ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ

етом 1054-го — года, который входит во все учебники всемирной истории, — в Константинополе произошли события, положившие начало разделению христианского мира на «католический» Запад и «православный» Восток². Речь идет об инциденте, случившемся в ходе визита в столицу

Восточной Римской империи делегации из Италии во главе с кардиналом Гумбертом, архиепископом Петром и канцлером Фридрихом, в задачу которой входило упрочнение военно-политического альянса между папой Львом IX и византийским императором Константином IX Мономахом. На пути такого союза стояли некоторые спорные церковные вопросы, казавшиеся поначалу второстепенными, разрешение которых и входило

¹ В науке принято два варианта названия завоевателей Южной Италии: «норманны» и «нормандцы»; первый соответствует их латинскому названию (Normanni), второй акцентирует их происхождение из французской Нормандии. Мы используем второй вариант, чтобы избежать путаницы с норманнами-скандинавами, с которыми наши герои не имели почти ничего общего.

² Термины «католический» и «православный» мы берем в кавычки, так как любая христианская Церковь априори считается и *кафолической* (соборной — это слово входит в Символ веры), и *православной* (ортодоксальной, т.е. исповедующей верное, а не еретическое догматическое учение).

в задачу посольства. Однако в ходе переговоров, в которые активно вмешался константинопольский патриарх Михаил I Кируларий, их не только не удалось урегулировать, но напротив: дискуссия вошла в контрпродуктивное русло и вылилась в церковно-дипломатический скандал³.

Конфликт 1054 г.

В субботу 16 июля, в 3 часа утра (около 8.30 по нашему счету) в алтаре собора Святой Софии, где иподиаконы второй седмицы готовились к патриаршему богослужению, появились высокие иностранные гости. Итальянцы находились в Константинополе уже третий месяц; все знали об их успешных переговорах с императором и, напротив, напряженных отношениях с патриархом, который вообще отказался встречаться с Гумбертом и его спутниками, узнав, что пославший их папа Лев IX скончался вскоре после их отъезда из Италии и, таким образом, легаты утратили свои полномочия. Более того, Кируларий открыто заявлял, что прибывшие в Византию послы являются агентами Аргира — наместника Империи в Италии, который в свое время был яростным врагом Византии и, как считали многие, продолжал вести свою игру. Тем не менее никто не ожидал, что ответ легатов будет таким острым.

Войдя в алтарь, иностранные гости положили прямо на Престол Великой церкви какую-то записку, написанную «италийскими буквами». Возмущенные иподиаконы немедленно убрали посторонний предмет со священного места, но положившие записку наотрез отказались взять ее обратно — и эпохальный, как вскоре выяснится, документ оказался на полу, а потом пошел гулять по рукам любопытствующих. Впрочем, понять содержание текста никто не смог: в середине XI в. «ромей», хотя и продолжали считать себя наследниками древних римлян, полностью утратили знание латыни. Пользуясь замешательством, легаты преспокойно удалились. На следующий день они торжественно простились с императором, получили подарки для себя и для папы (которого еще предстояло избрать) и выехали из Золотых ворот по Игнатиевой дороге в западном направлении.

³ Информацию о деталях происшествия сообщают главным образом западные источники. Свод текстов о событиях 1054 г. и вокруг него издал в 1861 г. Корнелиус Виль: *Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saeculo XI composita extant* / Ed. C. Will. Lipsiae; Margurgi, 1963. См. также: Кузенков П.В. Разделение Церквей // Православная энциклопедия. Т. 59. 2020. С. 231–238.

Между тем патриарх Михаил заинтересовался содержанием загадочной записки и поручил составить ее перевод. 19 июля переводчики (выходец из Рима протоспафарий Косма Пир и испанский монах Иоанн) представили греческий текст записки, который произвел на читающих поистине шокирующее впечатление. Послание легатов, адресованное «всем сынам Кафолической Церкви», начиналось с торжественного заявления о том, что «первому и апостольскому» Римскому престолу по обычаю надлежит «как главе» особое попечение обо всех Церквях. Далее провозглашалось, что «сам город» (т.е. Константинополь) является «христианнейшим и православным», что касается «столпов Империи, почтенных и мудрых граждан». Однако Михаил, «незаконно называемый патриархом», и «поборники его глупости» обвинялись едва ли не во всех известных в то время ересях: симонии и арианстве, донатизме и николаитстве, севирианстве и духоборчестве, манихействе и назорействе, а заодно порицались за отращивание волос и бороды. Особенной виной Михаила Кирулария объявлялось то, что он не только не послушал призывов папы (в греческой версии добавлено: «и добрых советов императоров и мудрецов»), но и «среди своих сынов анафематствовал Апостольский престол — вопреки которому он до сих пор пишет себя Вселенским патриархом». Заканчивалась записка страшными заклятиями: «Михаил, самозванный патриарх, неофит, лишь страха ради человеческого принявший монашеский сан⁴ и теперь обличенный многими в тяжких преступлениях, и с ним Лев, называемый епископом Охридским, и сакелларий этого Михаила Константин (в греческой версии — Никифор), который топтал нечестивыми ногами латинское жертвоприношение, и все их последователи в указанных заблуждениях и упрямстве, да будут анафема — маранафа!⁵ — <...>⁶ со всеми еретиками, а точнее — с диаволом и аггелами его — если они не образумятся. Аминь, аминь, аминь!»⁷

Церковная анафема — крайняя мера церковного осуждения, и объявление ее в адрес константинопольского патриарха, признававшегося со времен II Вселенского собора (381) вторым по чести после папы римского иерархом христианского мира, стало событием беспрецедентным.

⁴ Кируларий когда-то был влиятельным сановником, но был обвинен в заговоре и постригся в монахи, чтобы избежать более страшного наказания.

⁵ Древнее арамейское проклятие, буквально означающее «Господь наш грядет!».

⁶ Здесь повторяется «комплект» всевозможных ересей.

⁷ Кузенков П.В. Отлучительная грамота римских легатов патриарху Михаилу Кируларию // Кафедра византийской и новогреческой филологии. № 7. 2020. С. 7–22.

Император Константин IX Мономах.
Мозаика в соборе Св. Софии Константинопольской. XI в.

Конечно, в церковной истории бывали случаи осуждения еретичествующих патриархов, но это делалось всякий раз по решению Вселенского собора, с соблюдением всех положенных судебных процедур, с заслушиванием мнений обвиняемой стороны и после богословских дискуссий. И даже это не спасало от попыток реабилитации осужденных, и всякий раз такие события сопровождались волной смут и расколов. В этот раз ситуация была совершенно иной: анафему произнесли не отцы Собора и даже не папа римский (облеченный в западной эkkлeзиологии высшей властью в Церкви), а группа лиц, сам статус которых вызывал вопросы. Более того, для всех была очевидна абсурдность выдвинутых в адрес Михаила Кирулария обвинений. Особенно нелепым выглядело обвинение в том, что патриарх и его сторонники, «уподобляясь духоборцам, а точнее богоборцам, убрали из Символа веры исхождение Святого Духа от Сына»⁸. Со времен патриарха Фотия⁹ все образованные люди в Византии знали, что дело обстоит прямо противоположным образом: это *франкские* богословы внедрили *Filioque* в Никео-Константинопольский символ веры, и даже в Риме это нововведение долгое время не встре-

⁸ Кузенков П.В. Отлучительная грамота... С. 16 («sicut Pneumatomachi vel Theumachi absciderunt a symbolo Spiritus Sancti processionem a Filio»).

⁹ О церковной полемике с Западом в эпоху патриарха Фотия см.: Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Антислатинские сочинения / Пер. с др.-гр. Д.Е. Афиногенова и П.В. Кузенкова; науч. ред. А.Р. Фокин. М., 2015.

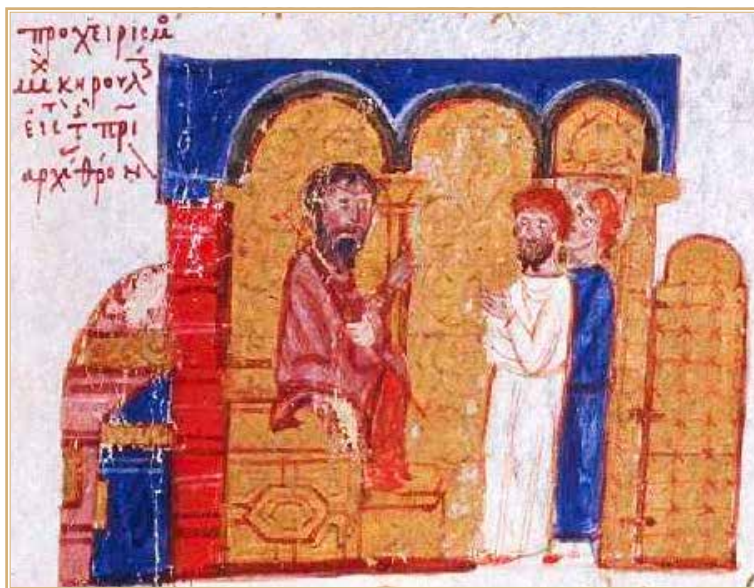
чало поддержки. Любопытно при этом, что в ходе предшествовавшей конфликту богословской полемики ни Михаил Кируларий, ни Лев Охридский, ни Никита Стифат не акцентировали внимание на *Filioque*, основное внимание уделяя так называемым опреснокам (употреблению в латинской литургии пресного, а не квасного хлеба), с которыми византийцы впервые столкнулись в ходе полемики с армянами. Кроме того, легаты не объявляли о разрыве церковных отношений между Римом и Константинополем: напротив, они очевидным образом пытались сыграть на сложных отношениях между императором и патриархом и противопоставить «правую веру» Константина Мономаха и его сановников «ереси» Михаила Кирулария.

Неудивительно, что в Константинополе к демаршу легатов отнеслись не как к важному церковно-политическому событию, а как к хулиганской провокации. Ознакомившись с содержанием записки, патриарх немедленно доложил о нем императору. 20 июля Гумберт и его спутники, успевшие доехать до Силимврии, получили приказ вернуться в Константинополь. В тот же день патриарх Михаил Кируларий созвал в Святой Софии экстренный Собор из 17 митрополитов и 5 архиепископов для рассмотрения дела «о подбрасывании римскими послами на святой алтарь записки против святейшего патриарха». Легаты вернулись, но категорически отказались идти на Собор и заявили императору, что «скорее умрут, чем явятся на суд Михаила». Тем временем атмосфера в столице накалялась; слухи об инциденте пошли по городу, у Святой Софии собралась возмущенная толпа. Константин IX (на Собор, кстати, не приглашенный), опасаясь за жизнь легатов, тайно отпустил их домой. А патриарху объявил, что не властен над иностранными послами¹⁰. Тогда патриарх возбудил против императора толпу, обвиняя его в потворстве латинянам. Чтобы разрядить накалившуюся атмосферу, властям пришлось найти «крайних»: ими стали переводчики, приставленные к легатам, которых обвинили в фабрикация анафемы, ослепили, обрили и выдали Собору. Кроме того, были арестованы зять и сын Аргира. Последний и был объявлен главным виновником данной провокации¹¹.

Любопытно, что инцидент 1054 г. почти не оставил следов в памяти современников. Так, известный Михаил Пселл, который, как

¹⁰ Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saeculo XI composita extant / Ed. C. Will. Lipsiae; Marburgi, 1963. P. 166.

¹¹ Ibid. P. 152, 167.

Миниатюра из «Обозрения историй» Иоанна Скилицы. XII в. (1150-1175 гг.)
(*Matrit. Vitr. 26. N 2. Fol. 225r*)

мы знаем из других источников, был непосредственным участником этих событий, не считает нужным упоминать о конфликте с папой в своих исторических сочинениях¹². Писавший в конце столетия историк Иоанн Скилица также не упоминает о событиях 1054 г., если не считать интерполяции в нескольких рукописях, где разрыв с Римом объясняется инициативой византийских богословов¹³. Это показывает, что сам по себе инцидент с «анафемой» был далеко не столь значительным событием, как обычно считается, и его катастрофические последствия стали результатом неких дополнительных факторов. И главным из них — по крайней мере, с официальной точки зрения византийских властей — стали политические интриги магистра Аргира. На этой фигуре, в судьбе которой, как в капле воды, отразилась атмосфера полного крутых изломов XI столетия, следует остановиться особо.

¹² Краткое упоминание о конфликте можно найти в эпитафии Михаила Пселла, посвященной Михаилу Кирулярию: Μεσαιωνική βιβλιοθήκη / Ἐπιστολαί Κ. Ν. Σάθα. Τ. Δ'. Paris, 1874. Σ. 304–387.

¹³ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. J. Thurn. Berlin, 1973. P. 433–434 («Патриарх Михаил одновременно с рукоположением вычеркнул папу Римского из диптихов, приводя в качестве причины этого извержения вопрос об опресноках; а содействовали ему в этом патриарх Петр Антиохийский, архиепископ Лев Болгарский и вся самая ученая часть Церкви»).

Аргир из Бари

Аргир (Argyrus, Ἀργυρός) был уроженцем Бари, центра византийских владений в Италии. Его отец по имени Мел (Melus, Μέλης) считается представителем лангобардской верхушки города, хотя его собственная подпись Ismahel¹⁴ заставляет вспомнить о временах Барийского эмирата (847–871). В 1009 г. Мел вместе со своим зятем Даттом поднял в Бари восстание, попытавшись создать собственное владение в Апулии, но в 1011 г. был разбит и бежал; его жена Маральда с малолетним Аргиром были захвачены византийцами и как заложники отправлены в Константинополь. В поисках союзников для продолжения борьбы Мел познакомился на Монте-Гаргано с группой паломников из Нормандии, пообещав им легкую и богатую добычу в борьбе с изнеженными греками. Так в Италии появились пресловутые «норманны».

Восстание Мела, несмотря на ряд успехов, окончилось катастрофой при Каннах в октябре 1018 г., когда византийская армия, усиленная варяжско-русским контингентом, разгромила лангобардско-нормандское воинство. Мел бежал и до конца жизни скитался по Европе; перед смертью он, по протекции папы Бенедикта V, получил от римско-германского императора Генриха II титул «герцога (dux) Апулии»¹⁵; и хотя это была лишь тень власти, сам факт легализации апулийских повстанцев говорил о серьезной политической поддержке противников Византии со стороны Запада.

Сын Мела, носивший чисто греческое имя Аргир¹⁶, сумел вернуться в Италию в 1038 г. — и почти сразу же оказался вовлечен в очередную волну антивизантийского движения. В эти годы талантливый, но своенравный полководец Георгий Маниак отвоевал у арабов большую часть Сицилии, утраченной Византией более столетия назад, но все еще имевшей значительное христианское и грекоговорящее население. Вскоре, однако, Маниак был отозван из Италии, а привлеченные им к борьбе за Сицилию лангобарды и нормандцы сами подняли восстание против Византии, во

¹⁴ Посвятительная надпись на так называемой «звездной мантии», подаренной Генриху II, гласит: PAX ISMAHELI QUI HOC ORDINAVIT (sic!). См.: PmbZ #25033.

¹⁵ Римский титул dux, трансформировавшийся в средневековой Европе в одну из высших ступеней феодальной иерархии (duke, duc, Herzog), в Италии XI в. перекликался с византийской должностью δοῦξ, как назывался военный губернатор крупной области.

¹⁶ Имя Аргир идентично фамильному прозвищу императора Романа III Аргира, 1028–1034, все правление которого сын Мела провел в Константинополе. Но есть ли какая-то связь между ними, неизвестно.

главе которого встал некий Ардуин. Формальным предводителем восставших был объявлен Атенульф, брат Пандульфа III Беневентского. Но в феврале 1042 г. он был подкуплен византийцами, и вместо него был избран Аргир. Впрочем, и он вскоре перешел на сторону Империи. Император Константин IX Мономах пригласил Аргира в столицу, присвоил ему пышный титул «дуки (δοῦξ) Италии, Калабрии, Сицилии и Пафлагонии» и поручил навести порядок в Апулии. Аргир, имевший тесные связи в Италии, стал налаживать отношения с соседними владетелями, чьи земли также подвергались грабежам усилившихся нормандцев. Самым важным Аргир считал создание союза с Папским государством.

Папа Лев IX

К этому времени отношения между Византией и Римом уже давно находились в кризисе. Различие церковных обычаев и обрядов, имевшее место уже во времена Римской империи, за многие века изолированного развития Запада и Востока приобрело характер соперничества традиций, которое время от времени перерастало в острые кризисы, самым заметным из которых стало противостояние Константинополя и Рима при патриархе Фотии и папе Николае I в IX в. Важнейшими догматическими разногласиями были западные учения о двойном исхождении Святого Духа от Отца и Сына (*Filioque*) и папском примате. Обострению межцерковных отношений способствовало создание папами в 800 г. альтернативной Византии западной «Римской империи» во главе с франкскими, а с 962 г. — германскими королями. Соперничество двух империй в Италии и борьба «германской» и «византийской» партий в Риме особенно обострились на рубеже X–XI вв. В Византии не признали избрание папой Сильвестра II (999–1003), а Иоанн XVIII (1003–1009) стал последним понтификом, имя которого поминалось в диптихах в Константинополе. Впоследствии поминание пап было прекращено по не вполне ясной причине. Предполагается, что интронизационное послание папы Сергия IV (1009–1012) патриарху Сергию II (1001–1019) могло содержать *Filioque*¹⁷. Известно, что это дополнение было официально включено в Символ веры при папе Бенедикте VIII в 1014 г. при императорской

¹⁷ *Runciman S.* The Eastern Schism: A Study of the Papacy and the Eastern Churches during the 11th and 12th Cent. Oxford, 1955. P. 33–34; ср.: *Jugie M.* Le schisme byzantin. Paris, 1941. P. 166–167.

коронации Генриха II¹⁸. Характерно, что уже через несколько десятилетий сами византийцы не помнили, из-за чего прервалось общение с Римом. В 1054 г. Михаил Кируларий писал патриарху Петру III Антиохийскому, что возношение имени папы за богослужением было прекращено якобы «со времен Шестого Вселенского Собора» из-за нежелания папы Вигилия осудить «три главы»¹⁹. В своем ответе Петр напомнил, что Вигилий жил во времена Пятого, а не Шестого собора, и вспоминал, что лично был свидетелем поминания папы Иоанна XVIII в Антиохии и в Константинополе «45 лет назад» (т. е. в 1008 г.)²⁰.

В 1049 г. после периода нестабильности, во время которого за римский престол боролись кандидаты различных «партий» и кланов, папой был избран граф Бруно Эгисгеймский, выходец из Эльзаса и родственник императора Генриха III, принявший имя Льва IX (1049–1054). Он продолжил курс на нравственное оздоровление церковной жизни, начатый ключниковской реформой и вылившийся впоследствии в реформу григорианскую. Для этого Лев IX собрал вокруг себя группу активных сторонников церковных преобразований, в которую входили его земляки — кардинал-епископ Гумберт (участник событий 1054 г.) и кардинал-иподиакон Гильдебранд (будущий папа Григорий VII), а также уроженец Равенны Петр Дамиан. Важнейшим инструментом преодоления пороков духовенства стал авторитет Престола Святого Петра, который идеологи реформы стремились укрепить всеми способами. Именно на фоне этой борьбы за авторитет папства, вершиной которого станет в конце XI в. пресловутый «*Dictatus Papae*», и происходит разрыв с Византией.

Характерно, что сам папа Лев IX был вполне лояльно настроен и к императору, и к грекам, а настоящими врагами Христа считал нормандцев. Летом 1053 г., пользуясь гибелью лидера итальянских нормандцев графа Дрогона (1051) и убийством его патрона — князя Салерно Гваймара IV (1052), считавшегося лидером лангобардского восстания против Византии, папская армия предприняла попытку наступления на базы нормандцев в Апулии и двинулась навстречу византийским силам Аргира. Однако соединить войска союзникам не удалось. 18 июня 1053 г. папская армия, которой предводительствовал лично Лев IX, была разбита при Чивитате соединенными силами нормандцев во главе с графами Рикардом Аверсским и Гумфредом Апулийским и братом последнего

¹⁸ *Siecienski A.E.* The Filioque: History of a Doctrinal Controversy. Oxford, 2010. P. 113.

¹⁹ *Acta et scripta.* 1861. P. 178–179.

²⁰ *Ibid.* P. 191–193.

Папа Лев IX. *Пассионарий из Вайсенау*. 1170–1200 гг.
(Cod. Bodmer 127. Fol. 191r)

Робертом Гвискардом. Папа попал в плен и был препровожден в Беневенто. Лишь через 8 месяцев, заключив мир с нормандцами, понтифик вернулся в Рим, где вскоре умер (19 апреля 1054 г.)

Несмотря на вынужденное примирение с нормандцами, Лев IX был настроен решительно. В январе 1054 г. он писал императору Константину IX о необходимости совместной борьбы с «врагами Христа»: «Мы должны быть верны нашей миссии защиты христианства, и мы сложим оружие, только когда опасность минует. ... Этот вражеский народ будет изгнан из Христовой Церкви, христианство окажется отомщено»²¹. Это письмо и везли в Византию легаты во главе с Гумбертом, чтобы совместными усилиями христиан Востока и Запада язва нормандской опасности была искоренена.

Норман্দцы в Италии

Феномен движения нормандцев, наиболее яркими эпизодами которого стали завоевание Англии герцогом Вильгельмом Нормандским (1066) и создание государства Отвилей в Южной Италии — во многом зага-

²¹ *Норвич Дж.* Норман্দцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание, 1016–1030. М., 2005. С. 106.

Нормандские завоеватели в Англии. Ковер из Байе. XI в. Байе, Франция

дочен²². Его едва ли можно сравнивать с экспансией их предков, скандинавских норманнов, поскольку и по языку и культуре, и по средствам ведения боя норманны и нормандцы отличаются коренным образом. И напротив, у нормандской экспансии есть ряд общих черт с последующим крестоносным движением. И там, и там речь шла о выходцах из густонаселенных областей Европы, в основном младших сыновей мелких рыцарей, готовых пуститься по свету в поисках лучшей доли и с оружием в руках добывать себе славу и землю.

Первая группа из Нормандии появилась в Южной Италии, как уже было сказано, в 1017 г. и приняла участие в восстании Мела. Несмотря на разгром и гибель большей части рыцарей, поток искателей счастья не иссякал, и в 1041 г. нормандские наемники влились в восстание Аргира, а после его перехода на сторону императора в 1042 г. провозгласили своего предводителя Вильгельма Отвиля «графом Апулии». Георгий Маниак, подавивший восстание, вовлек нормандцев в борьбу за византийский престол. После гибели Маниака (1043) нормандцы вернулись в Италию и начали бесконтрольный захват византийских владений. Легализацию статуса Вильгельма обеспечило его признание со стороны Гваймара IV Салернского, а брат и преемник Вильгельма, Дрогон, получил графскую инвеституру в Риме от императора Генриха III (1047 г.).

²² О нормандской проблеме см.: *Mathieu M. Normans et Byzantins* // *Archivio Storico Pugliese*. 1959. Vol. 12. P. 35–46; *McQueen W.B. Relations between the Normans and Byzantium 1071–1112* // *Byzantion*. 1986. T. 56. P. 427–476; *Savvides A.G.C. Byzantino-Normannica. The Norman Capture of Italy (to A.D. 1081) and the First Two Invasions in Byzantium (A.D. 1081–1085 and 1107–1108)*. Leuven; Paris; Dudley, 2007.

В 1053 г. сменивший Дрогона 3-й брат, Гумфрид, разбил, как было сказано, папское войско, а затем и византийские силы Аргиры. За помощью в Константинополь был направлен Иоанн, архиепископ г. Трани в византийской Апулии, который по пути получил от Льва Охридского полемическое послание «всем архиереям франков и самому почтеннейшему папе», с которого и началась бурная богословская полемика²³.

Богословская полемика и причины разделения

Послание Льва, которое было написано, очевидно, по поручению Михаила Кирулария (или даже самим патриархом)²⁴, стало первым официальным осуждением латинского обычая служения на опресноках. Кроме того, автор осуждает западные обычаи употреблять в пищу дичь, пойманную в силки, и исключение пения «Аллилуия» из богослужений Великого поста. Впрочем, причины этих заблуждений послание ищет не в самой Римской церкви, а во внешних влияниях и именует «франков» «людьми Божиими».

Трудно сказать, чем были движимы византийские богословы, когда использовали момент наибольшего военно-политического сближения Рима и Византии для выяснения церковных отношений. Но эффект был крайне болезненным. Кардинал Гумберт немедленно перевел послание на латинский язык, причем как совместное письмо Льва Охридского и патриарха Михаила²⁵. Затем папа Лев IX написал ответную апологию, в которой провозглашались главенство Престола Святого Петра над всеми Церквями мира и его абсолютная неподсудность, для доказательства чего впервые в греко-латинской полемике были привлечены подложный канон Никейского собора и пресловутый «Константинов дар» (целиком вставленный в текст)²⁶. Переходя к ответным обвинениям, папа перечисляет ереси, возникавшие в Константинополе, осуждает титул «Вселенский» и рукоположения евнухов. Еще более резким ответом стал анонимный «Диалог римлянина и константинопольца», авторство которого приписывается Гумберту²⁷. «Римлянин» обвиняет оппонента

²³ См.: Бармин А.В. Полемика и схизма: История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 128–130.

²⁴ Michel A. Der Autor des Briefes Leos von Achrida: Eine Väterversammlung des Michael Kerullarios // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1922. Bd. 3. S. 49–66.

²⁵ Acta et scripta. 1861. P. 61–64.

²⁶ Acta et scripta. 1861. P. 65–85; см.: Бармин А.В. Полемика и схизма. С. 130–137.

²⁷ Acta et scripta. 1861. P. 93–126; см.: Бармин А.В. Полемика и схизма. С. 139–142.

в том, что он и его единомышленники превзошли наглостью всех еретиков, безумно навязывая собственное мнение «первому и апостольскому престолу с наложением анафемы» (хотя в послании Льва Охридского никакой анафемы не присутствует). В ответ на попытку усмотреть в опресноках и субботнем посте влияние иудеев греки сами обвиняются в общении с «яковитами» и «теопасхитами» (сирийцами и армянами) и в том, что они сами уподобляются иудеям, отменяя пост в субботу. Критикуются литургические обычаи византийцев (вырезание евхаристического Агнца на проскомидии, погружение Тела Христова в чашу и причащение с помощью лжицы). Греческое духовенство обвиняется в закапывании или бросании в колодезь непотребленных Святых Даров, служении литургии после супружеского общения, в недопуске к причащению женщин в период нечистоты, в отказе в крещении младенцев до 8-го дня и в изображении на иконах мирян у Распятия.

Показательно, что эта полемика не мешала тесным дипломатическим контактам. В конце 1053 г. папа римский Лев IX получил письма от императора Константина IX и патриарха Михаила Кирулария: оба призывали Льва крепить единомыслие против «франков», а патриарх, ни словом не упоминая о спорных вопросах, предложил восстановить поминание имени папы «во всей вселенной» (*in toto orbe terrarum*) на условиях взаимности. В ответе Лев IX благодарит императора за обещанную поддержку в борьбе с нормандцами и жалуется на Михаила Кирулария, который «анафематствовал всех служащих на опресноках» и пытается подчинить своей власти Александрийского и Антиохийского патриархов. Предложение «дражайшего брата» восстановить взаимное поминание папе кажется «чудовищным»: ведь Римская церковь не только не одинока, но есть «глава и мать Церквей», и любой народ в мире, не находящийся с ней в согласии, есть «сборище еретиков, скопление схизматиков и синагога сатаны».

На таком фоне частный конфликт папских легатов и патриарха, разразившийся в Константинополе в 1054 г., выглядит хотя и внезапным, но вполне естественным. Стороны говорили на совершенно разных богословских языках и исходили из принципиально несогласуемых эклезиологических позиций. Но эти различия появились задолго до XI в., что не мешало церковному единству. Что же стало тогда причиной фатального разделения? Трудно поверить, чтобы это был спор об опресноках или личная неприязнь двух харизматичных иерархов.

Главные участники конфликта вскоре сошли со сцены. Патриарх Михаил I Кируларий в 1058 г. был низложен, арестован и вскоре умер, едва

не попав под соборное осуждение²⁸. Кардинал Гумберт умер в 1061 г. Аргир оставался византийским наместником в Италии и поддерживал дружеские отношения с преемниками Льва IX, в том числе со Стефаном IX — бывшим канцлером Фридрихом, одним из участников посольства 1054 г. Казалось, что конфликт прочно забылся. Но церковное общение так и не было восстановлено. Процесс разделения Церквей был запущен и оказался необратим. Его подлинная причина заключалась вовсе не в ссорах и капризах отдельных лиц, а в глубинных факторах, обусловивших нараставшее отчуждение двух традиций. Важнейшим из этих факторов стала григорианская реформа, в ходе которой была резко усилена давняя тенденция к универсалистскому характеру власти папы. Римская церковь, объединившая весь латинский мир, оказалась объективно не заинтересованной в примирении с византийским миром, который было удобнее рассматривать как «схизматический», чем пытаться вписать в римоцентричный Запад. Все последующие попытки византийских императоров нормализовать церковные отношения с Римом наталкивались либо на молчание папства, либо на жесткие условия «унии», фактически понимавшегося как «возвращение в лоно матери-Церкви». В свою очередь византийцы воспринимали церковное отчуждение Запада как результат его «варваризации» и были склонны рассматривать отделение латинян не столько в догматическом, сколько в общекультурном контексте.

К концу XI в. сложился относительно устойчивый перечень «латинских вин», восходящий к посланию Михаила Кирулария к Петру Антиохийскому (1054). В него вошли: 1) *Filioque*; 2) возглашение: «Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца чрез Духа Святаго»; 3) опресноки; 4) лобзание священника вместо причастия; 5) пост в субботы Четырдесятницы; 6) вкушение удавленины и скверной пищи; 7) отсутствие сырной седмицы; 8) вкушение монахами сала, а епископами мяса при болезни; 9) бритье бород священникам; 10) принуждение священников к безбрачию; 11) перстни у епископов в знак обручения с Церковью; 12) участие епископов в войнах; 13) разрешение брака 2 братьев на 2 сестрах; 14) ежедневная полная литургия в Великий пост; 15) опущение пения «аллилуия» в Великий пост; 16) перевод фразы «малая закваска квасит все тесто» (1 Кор 5. 6) как «малая закваска *портит* все тесто»; 17) отсутствие почитания святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; 18) крещение через

²⁸ Обвинительную речь против Кирулария подготовил Михаил Пселл: см. *Безобразов П.В.* Материалы для истории Византийской империи, IV: Неизданная обвинительная речь против патриарха Михаила Кирулария // Журнал министерства народного просвещения. 1889. Ч. 265. Сентябрь. Отд. II. С. 32–84.

однократное погружение; 19) отсутствие миропомазания при крещении; 20) наполнение солью уст крещаемых; 21) наречение имен не по святым; 22) непочитание мощей; 23) непочитание икон; 24) именование Пресвятой Богородицы Девой Марией (якобы подобно сторонникам несторианства); 25) крестное знамение пятью пальцами («подобно монофелитам»); 26) служение в один день на одном алтаре трех и более литургий; 27) допуск в алтарь всех желающих, в том числе женщин; 28) отпущение грехов через помазание слюной; 29) пост в Господские праздники; 30) вытягивание рук покойников вдоль бедер вместо скрещивания на груди и заливание воском их ноздрей и ушей; 31) задержка на 3 дня с началом Великого поста; 32) вкушение рыбы, яиц и молока в Страстную седмицу; 33) кормление младенцев молоком и сыром в Великий пост²⁹. К этим пунктам могли добавляться и другие обвинения, иногда экзотичные. Подавляющее большинство этих «вин» не имеет отношения к догматике. Неслучайно в ответ на послания Михаила Кирулария патриарх Петр Антиохийский призывал не драматизировать «заблуждения франков», считая недопустимым только *Filioque*³⁰. Однако для западных полемистов именно неприятие греками абсолютной верховной власти в Церкви являлось главным и достаточным основанием для признания их отколовшимися от «церковной полноты»³¹. А нормандцы, остро нуждавшиеся в легитимизации своих завоеваний, напротив, охотно признавали верховный авторитет папы и вскоре стали главной опорой Рима в его противоборстве с германскими императорами «Священной Римской империи».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве образца отношения к латинскому миру, сформировавшегося в Византии во 2-й половине XI в., мы приводим небольшой трактат Псевдо-Фотия, датируемый в широких пределах, после 1065 и ранее 1112 г. Данный текст любопытен еще и тем, что помимо церковной проблематики дает и общий обзор латинского «Запада».

²⁹ Чельцов М.П. Полемика между греками и латинянами по вопросу опресноков в XI–XII вв. СПб., 1879. С. 368–370.

³⁰ Acta et scripta. 1861. P. 189–204.

³¹ См.: Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; Чичуров И.С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (сер. XI – нач. XII в.) // *Russia Mediaevalis*. 1997. Bd. 9/1. S. 43–53.

(ФОТИЯ, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО) О ФРАНКАХ И ПРОЧИХ ЛАТИНЯНАХ³²

Папа Римский и все христиане {священники и миряне}³³ Запада за Ионийским заливом — италийцы, лангобарды, франки, или германцы, амальфитанцы, венецианцы и прочие (за исключением народа калабрийцев и аламанского племени³⁴ — ибо из них последние ничем не отличаются от древних эллинов ни в отношении благочестия, ни по бесчинству, а калабрийцы издревле являются православными христианами и воспитаны в нравах нашей Апостольской Церкви) — все вместе с папой вот уже много лет пребывают вне Кафолической Церкви и чужды евангельских, апостольских и отеческих преданий из-за имеющих у них незаконных и варварских обычаев, из которых худшие и главные таковы³⁵.

1. К составленным из евангельского речения словам святого Символа веры, следующим образом ясно излагающим о Святом Духе: «и во Святаго Духа, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящаго», они добавляют: «и от Сына» — дурным и ошибочным образом. Ибо полагаю, что из-за их скудного наречия они решили, что одно и то же исхождение Духа от Отца и ниспослание нам через Сына, и никак не различая ниспослание от исхождения, они рассудили по-варварски и невежественно.

2. Вместо хлеба приносят опресноки и клеветуют на апостола Петра и святых отцов {римских пап}, будто от них они получили таковое предание.

3. Архиереи их во время войны встают в строй и воюют во главе других: служащие Божеству — занимаются кровопролитием.

³² Трактат сохранился по меньшей мере в 7 списках. Перевод по изданию: *Čičurov I. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim im Codex Vaticanus Graecus 828 // Fontes Minores. 1998. Bd. 10. S. 347–350.*

³³ {} отмечены отличия латинской версии по изд.: *Hergenröther J. Monumenta Graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia. Ratisbonae, 1869. P. 62–71.*

³⁴ Аламанцы — в данном случае не тождественны немцам, упомянутым выше как «германцы». По-видимому, имеется в виду население окраинных районов Германии (швабы? саксы?). Информация об их языческих нравах в конце XI в. весьма любопытна.

³⁵ {не только из-за своих чуждых и невежественных обычаев, но хуля Саму Святую Троицу. Держась своего и чуждого, они не желают держаться из-за своих ошибок ни нравов божественных Писаний, ни тех, кто его ненавидит; более того, мнят, что этой традиции заповедали держаться наши святые отцы и учителя}.

4. Постятся по субботам, и если случится в субботу праздник Рождества Христова или Светов (Богоявления), не прерывают поста.

5. В великую Четыредесятницу начинают поститься с четверга первой недели.

6. В сырную неделю не воздерживаются от мяса и не признают сыроедения.

7. Не постятся всю Четыредесятницу, но сами в святой и великий четверг едят яйца, сыр и молоко, а детям своим разрешают есть молоко и яйца во все воскресенья Четыредесятницы.

8. Не помещают в своих церквах историй святых³⁶, кроме распятий; но и само распятие создают не письмом по дереву (δι' ὑλογραφίας), а только вырезанное в некоем изваянии (ἀναλεπτὴν εἰς ἓν τι τῶν γλυπτῶν)³⁷.

9. Входя в божественные храмы и пав ниц на пол, бормочут про себя, а затем, начертав на нем перстом крест, целуют его и поднимаются: так прекращают молитву — и попирают изображенный крест.

10. Мать Господа нашего Иисуса Христа не называют Богородицей, но только святой Марией.

11. В алтарь их входят все желающие, и во время их литургии, всякой природы (φύσεως), возраста или чина, даже и женщины, когда захотят, садятся на архиерейский синтрон: вот так они умеют различать между святым и профанным!

12. Едят удавленину, звероядину, мертвечину и кровь; и медвежатину, и выдр (κυνολοτάμους), и черепаха (τζακάλεις), и еще более мерзкое и скверное.

13. Священники и архиереи их носят священнические облачения не из шерсти, но сотканые из шелковых нитей, украшая их разными цветами; а на пальцах носят перстни и руки одевают в перчатки, и на правой руке начертана рука, яко из облака, а на левой написан агнец Божий.

14. Священники их только крестят водою, вкладывая в уста крещаемого соль; и плюют на левую руку, после чего правой, растерев слюну, помазуют крещаемого. И после того, как крещенные достигнут меры возраста и впадут в прегрешения, помазуют елеем во оставление грехов — оказываясь дважды крестящими³⁸.

³⁶ Ἱστορίας ἀγίων — т.е. икон.

³⁷ В восточной традиции церковная пластика не пережила эпоху иконоборчества.

³⁸ Западное таинство Конфирмации (Миропомазания) совершается епископом при достижении крещеным во младенчестве сознательного возраста. В православной традиции Миропомазание следует непосредственно за Крещением.

15. Священники их исповедующихся бьют чувствительным образом ремнями и палицами, и те считают, что тем самым получают прощение; и совершают ежедневно и разные другие очистительные обряды и окропления в отвращение страхов — раболепствуя иудейским обычаям.

16. Крестятся пятью пальцами как-то наискосок, а в конце запечатлевают лицо большим пальцем.

17. Со среды первой недели до Пасхи не поют «Аллилуия».

18. Рукополагаемые диаконы, пресвитеры и епископы оставляют своих жен. И по всем подчиненным им странам объявили, чтобы священники их оставили своих жен, — но те не только не приняли их извещение, но и после кончины первых открыто берут вторых, а некоторые и третьих, и безбоязненно литургисуют³⁹.

19. Говорят, что не следует почитать Божество на других языках, кроме трех следующих наречий: еврейского, греческого и римского⁴⁰.

20. Когда умирают их епископы, оставляют их без погребения целых восемь дней; и принадлежащие к их епархии (οἱ τῆς ἐνορίας), прибывая к ним, приносят им, что имеют, в прощальный дар (δεξιόδνται), и тогда погребают: руки не скрещивая, как у нас, но распрямляя их вдоль бедер и все органы чувств (αἰσθητήρια) залепляя воском.

21. Священники их литургисуют в одном храме трижды и четырежды или сколько придется, не отличая святого от профанного⁴¹.

22. Каждый из них, выдавая свою дочь в невесты, оттуда же берет в свою очередь дочь свекра за своего сына или брата или другого родственника, по-язычески и бесчинно⁴².

23. Если кто-то из монахов станет епископом, начинает безбоязненно есть мясо. И монахи, если кто-то хоть немного заболевает, вкушают мясо, и вообще все, даже здоровые, употребляют свиное сало⁴³.

³⁹ Кампания по борьбе за строгий повсеместный целибат приходского духовенства началась в 1060 г. при папе Николае II. Она сопровождалась активным сопротивлением семейных священников, особенно в Германии и Северной Италии.

⁴⁰ Так называемая трехязычная ересь — учение о том, что церковные книги могут быть написаны только на трех языках надписи на Распятии (Ин 19:20); упоминается в Житии свв. Кирилла и Мефодия в связи с гонениями на славянские книги.

⁴¹ Православная традиция запрещает многократное служение на одном алтаре.

⁴² Византийские законы были гораздо строже к допустимым степеням родства, чем западноевропейские.

⁴³ Речь идет не о самом сале, а о так называемой шкурке.

24. В Четыредесятницу в их землях и у окрестных народов постятся неодинаково. Так, Лехия⁴⁴ — девять недель, прочие одни меньше, другие больше, а италийцы — только шесть⁴⁵.

25. Крест Господень во все иные дни, держа в церквах, почитают, созерцают и, поклоняясь, целуют. Но в святую Четыредесятницу не поклоняются и не смотрят на него, но прячут, оттащив в какое-нибудь укромное место, а вместе с ним [прекращают и пение] «Аллилуия». А в Великую субботу, вытащив из своего тайника, как будто воскресшего из гроба, показывают народу, и внезапно все громким голосом восклицают «Аллилуия!»; и все долго кричат, как мы в Великое воскресенье — «Христос воскрес из мертвых!».

26. Во время совершения священниками литургии, будь то чтение святого Евангелия или Святые Таинства, присутствующие там миряне по большей части безбоязненно сидят и беседуют друг с другом — такова у них слава!

27. Причащение совершают не как мы, но, как говорят, литургисующий священник просто целует желающего причаститься и дает лобзание вместо причастия (*вариант*: или, умыв свои руки, дает пить вместо причастия).

28. Рукоположения клириков и епископов архиереи совершают не во всякое время, но четыре раза в год в определенные дни. Ибо, разделив год на четыре части — весну, лето, осень и зиму, — выбирают первые месяцы наступления солнцеворотов, то есть март, июнь, сентябрь и декабрь, в которые происходят солнцевороты четырех времен года; и в первую неделю марта или июня или других месяцев в первую среду рукополагают священников, диаконов и прочих клириков, а в субботу — только епископов и архиереев, — рассуждая дурно и ошибочно. Ведь они, получается, гадают, будто благодать обитания Святого Духа наступает в эти месяцы, не веруя по-православному, что причиной схождения Пресвятого Духа является достоинство рукополагаемого и рукополагающего, но, предписывая Боже-ству время и час, совершают рукоположения, как сказано, только в эти дни.

⁴⁴ Лехія — Польша (ср. рус. лях — «поляк»). По предположению И.С. Чичурова, информация о польских традициях могла быть получена в Византии из Руси.

⁴⁵ Разная продолжительность 40-дневного Великого поста связана с тем, включать ли в число постных дней субботу: если да, то Пост длится 6 недель и 4 дня; если нет — то ровно 8 недель. 9-недельный пост, очевидно, подразумевает дополнительную Сырную (Масляную) неделю, которая обычно включается в число 40 постных дней.

REFERENCES

1. *Barmin A.V.* Polemika i skhizma: istorija greko-latinskih sporov IX–XII vv. [Polemics and the Schism: The History of the Greek-Latin Quarrels from the Ninth to the Twelfth Century]. M., 2006. 648 p.
2. *Bezobrazov P.V.* Materialy dlja istorii Vizantijskoj imperii. IV. Neizdannaya obvinitel'naja rech protiv patriarha Mihaila Kirullarija [Materials for the history of the Byzantine Empire. IV. Unpublished accusatory speech against the Patriarch Michael I Cerularius] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvesshenija. 1889. Pt. 265. Ser. II. P. 23–84.
3. Polemics and the Schism: The History of the Greek-Latin Quarrels from the Ninth
4. Polemics and the Schism: The History of the Greek-Latin Quarrels from the Ninth o the Twelfth Century
5. *Chel'tsov M.P.* Polemika mejdu grekami I latinjanami po voprosu opresnokov v XI–XII vv. [The controversy between the Greeks and Latins on the issue of unleavened bread in the XI–XII centuries]. SPb, 1879. 405 p.
6. *Chichurov I.S.* Skhima 1054 g. i antilatsinskaja polemika v Kieve (ser. XI – nach. XII v.) [Schism of 1054 and the anti-Latin polemic in Kiev (mid. XI – beg. XII centuries)] // Russia Mediaevalis. 1997. Bd. 9/1. S. 43–53.
7. *Čičurov I.* Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim im Codex Vaticanus Graecus 828 // Fontes Minores. 1998. Bd. 10. S. 319–356.
8. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. J. Thurn. Berlin, 1973. 636 p.
9. *Jugie M.* Le schisme byzantin. Paris, 1941. 481 p.
10. *Kuzenkov P.V.* Razdelenije cerkvej [Separation of the Churches] // Pravoslavnaja enciklopedija. Vol. 59. 2020. 752 p.
11. *Kuzenkov P.V.* Otluchitel'naja gramota rimskih legatov patriarhu Mihailu Kirulariju (Excommunication letter of the Roman legates to Patriarch Michael Kirularius) // Kafedra vizantijskoj i novogrecheskoj filologii. № 7. 2020. P. 7–22.

12. *Mathieu M.* Normans et Byzantins // Archivio Storico Pugliese. 1959. Vol. 12. P. 35–46.
13. *McQueen W.B.* Relations between the Normans and Byzantium 1071–1112 // Byzantion. 1986. Vol. 56. P. 427–476.
14. *Michel A.* Der Autor des Briefes Leos von Achrida: Eine Väterversammlung des Michael Kerullarios // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1922. Bd. 3. S. 49–66.
15. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη / 'Επιστασία Κ.Ν. Σάθα. Τ. Δ'. Paris, 1874. Σ. 304–387.
16. *Norwich J.J.* The Normans in the South, 1016–1130. M., 2005. 359 p.
17. *Popov A.N.* Istoriko-literaturnyj obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenij protiv latinjan (XI–XV vv.) [Historical and literary review of Old Russian polemical writings against the Latins (XI–XV centuries)]. M., 1985.
18. Prosopographisches Lexikon der mittelbyzantinischen Zeit / Nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, C. Ludwig, B. Zielke, Th. Pratsch. Berlin; New York: De Gruyter, 2013 (URL: <https://www.degruyter.com/database/PMBZ>)
19. *Runciman S.* The Eastern Schism: A Study of the Papacy and the Eastern Churches during the 11th and 12th Centuries. Oxford, 1955. 189 p.
20. *Savvides A.G.C.* Byzantino-Normannica. The Norman Capture of Italy (to A.D. 1081) and the First Two Invasions in Byzantium (A.D. 1081–1085 and 1107–1108). Leuven; Paris; Dudley, 2007. 96 p.
21. *Siecienski A.E.* The Filioque: History of a Doctrinal Controversy. Oxford, 2010. 355 p.
22. *St. Photius.* Antilatinskie chtenija [Writings against Latins]. M., 2015.
23. *Will C.* Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saeculo XI composita extant / Ed. by C. Will. Lipsiae et Marpurgi, 1963.

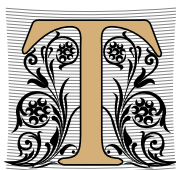

Ключевые слова:

Византия, нормандское завоевание Италии, «схизма» 1054 г., православно-католическая полемика, Южная Италия.

Pavel V. Kuzenkov

THE DIVISION BETWEEN ROME AND CONSTANTINOPLE AND THE NORMAN CONQUEST OF ITALY

The separation of the Christian world into the Latin West and the Greek East, whose starting point is generally considered to be the schism of 1054, took place during the Norman expansion in Southern Italy. The analysis of the sources shows, the ecclesiastic conflict had deep roots and a long pre-history, but the dominant factor in its development from a diplomatic demarche to an uncompromising schism was, in the author's opinion, the anti-Byzantine struggle in Southern Italy, which coincided with the Roman Church's desire to expel Byzantium from the political and cultural life of Western Europe, in order to consolidate the West around the See of St. Peter. Byzantium, on the other hand, reacted to these processes by «demonizing» the peoples of the West and cultivating the topos of the Latin ecclesiastic tradition as being distorted by «innovations» and the barbaric lack of culture of the «Franks».

Key words: Byzantium, Norman conquest of southern Italy, «Schism» of 1054, Polemics between Orthodox and Catholic Churches, Southern Italy.

Pavel V. Kuzenkov — Ph.D. (History), associate professor at the Moscow State University Historical Department, director of «The Grand Mediterranean» REC at the Sevastopol State University.

 Кузенков Павел Владимирович

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
директор НОЦ «Большое Средиземноморье» Севастопольского
государственного университета

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.40.002

В.В. Прудников

НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ: СИММЕТРИЯ ДВИЖЕНИЯ

Впервые проблема взаимоотношений норманнов и тюрок-сельджуков была поставлена в отечественной историографии на заре XX в., однако по сей день остается крайне небольшое число работ, ей посвященных. Проблема эта, в свою очередь, имеет две стороны: непосредственно взаимоотношения норманнов и тюрок-сельджуков на Востоке в XI–XIII вв., а также сравнительное изучение почти синхронного появления на исторической сцене и последующего развития столь различных на первый взгляд сообществ. Для иллюстрации заявленного тезиса достаточно бегло указать на то, что в период с X по XIII в. те и другие совершают молниеносный переход от племенного сообщества к государственному образованию; организуют более одного государства на разнородных территориях; эти государства отличались успешностью и жизнеспособностью; обладали хорошо организованными и дисциплинированными армиями и т.д.

Р.А. Гусейнов в своей статье «Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы» отмечал, что тема отношений

крестоносцев и тюрок-сельджуков «монографически не разработана»¹. В связи с этим еще менее разработанной выглядит тема взаимоотношений норманнов и тюрок-сельджуков. Вместе с тем исследователи находили возможность рассматривать данный вопрос под различными углами зрения и пытались дать объяснение данному феноменальному историческому явлению.

В своих трудах византинист академик Ф.И. Успенский (1845–1928) неоднократно говорил о важности и значительности норманнов и тюрок-сельджуков в мировой истории².

По мнению Ф.И. Успенского, именно норманны, а не византийцы первыми ввели в практику довольно «странный прием», когда они стали заключать дружественные союзы с тюрками-сельджуками³. В качестве такого союза он в специальной работе рассматривает отношения Боэмунда и тюркского эмира Данышменда. В основе столь «странного союза» находились амбициозные планы норманнского и тюркского вождей, направленные на свержение византийской власти в Малой Азии⁴. Вместе с тем Ф.И. Успенский подчеркивает, что данным планам не суждено было сбыться, так как они не были «выражением действительного, но скорее воображаемого порядка, который не осуществился»⁵.

Другой исследователь тюрколог академик В.В. Бартольд (1869–1930) также высказывался по данной проблеме. Так, он подтвердил факт почти одновременного выступления в XI в. «с обеих сторон новых воинственных народов — турок со стороны мусульман, франков со стороны христиан»⁶. В отличие от Ф.И. Успенского он не акцентирует внимание на норманнах и сельджуках, ограничиваясь общими терминами и определениями.

Продвигаясь далее, он определил наличие неких общих свойств, характерных и для «франков», и для «турок»: религиозное воодушевление,

¹ Гусейнов Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 32.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XII вв. Восточный вопрос / Сост. Л.В. Литвинова. М., 1997. С. 11, 20, 24, 106, 116–117, 129; Успенский Ф.И. Движение народов из Центральной Азии в Европу. I. Турки. II. Монголы // Византийский временник. 1947. Т. I (XXVI). С. 9, 13–14.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XII вв. Восточный вопрос. С. 120.

⁴ Успенский Ф.И. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 1879. Т. XI. С. 253.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / Подг. к изд. А.Б. Халидов, отв. ред. И.Н. Винников. М., 1966. Т. 6. С. 421.

а также культ войны для войны. При этом он утверждает, что культ войны для столь «воинственных народов, как турки и франки», имел гораздо большее значение, чем для их современников: арабов-мусульман и греков-византийцев⁷. Также он остановился на различиях в отношении к данному культу, который у тюрков имел более «варварский характер», а у франков он присутствовал в форме «легенды о Георгии Победоносце и представлений о христианском рыцарстве»⁸.

«Сходясь на поле брани и в мирной жизни (мусульмане продолжали жить под властью христиан, христиане — под властью мусульман), противники не могли не узнать друг друга, и это сближение не могло пройти бесследно ни для тех, ни для других. В подробностях этот культурно-исторический процесс еще недостаточно выяснен. Некоторые ориенталисты видят в европейском рыцарском идеале признаки влияния восточного, именно персидского, рыцарства; но факты скорее говорят в пользу влияния европейского рыцарского идеала на мусульман»⁹.

Советский востоковед-тюрколог В.А. Гордлевский (1876–1956) в монографии «Государство Сельджукидов Малой Азии» приводит норманнов как первых «франкских» союзников сельджуков¹⁰, которые оказали значительное влияние на расстановку политических сил в Малой Азии¹¹.

В.А. Гордлевский отмечает в обрядах малоазийских сельджуков сходство с обрядами латинских крестоносцев: когда вассал ведет своего сюзерена, держа его лошадь под уздцы; ношение вассалом попоны¹². У представителей братства ахи автор находит отклики посвящения в рыцари средневековой Западной Европы: удар по спине¹³,стрижение волос¹⁴.

В.А. Гордлевский причисляет себя к сторонникам мнения, в соответствии с которым рыцарские обряды Западной Европы были заимствованы с Востока в эпоху Крестовых походов¹⁵. Он также заявляет, что «западный феодализм (во всяком случае, внешние черты — титулатура, церемониал) шел к Сельджукидам и с Запада (из Византии), и с Востока (от армян)»¹⁶.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 154.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Там же. С. 113.

¹⁶ Там же. С. 82.

Крестоносцы и турки. Гравюра с витража аббатства Сен-Дени, Франция

В отличие от В.А. Гордлевского французский исследователь Клод Каэн более подробно говорит о присутствии норманнских контингентов на службе сельджуковских правителей Рума¹⁷. В частности, он считает, что норманнские наемники могли приходить как из Антиохийского княжества, так и из Сицилийского королевства и могли иметь предводителей из своей среды. Ни сельджуки, ни христиане не считали подобную практику преступной по отношению к исповедуемой ими религии. По мнению Каэна, возможность найма западноевропейских контингентов закончилась в связи с монгольским завоеванием в 1243 г.

К интересным выводам в ходе своих исследований по истории Турции пришел советский ученый, историк-тюрколог А.Д. Новичев (1902–1987). Его работа начинается с момента основания сельджукского султаната в Малой Азии с центром в городе Никея¹⁸. По его мнению, Крестовые походы лишь на время отсрочили падение Константинополя и угрозу тюркских нашествий на Западную Европу¹⁹. Более того, противостоящие «неминуемому вторжению сельджуков» крестоносцы «почти целое столетие заставили их держаться в пределах границ той территории Малой Азии, на которую они были оттеснены»²⁰.

¹⁷ Caben C. La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988. P. 191–192.

¹⁸ Новичев А.Д. История Турции. В 4 т. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л., 1963. Т. 1. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 10.

При этом из всех «четырёх главных крестовых походов» (1096–1204) только первый (1096–1099) «имел для Сельджукидов тяжёлые последствия»²¹. В течение XII в. сельджуки пребывали на востоке Малой Азии, где вели нескончаемые войны с мелкими тюркскими княжествами и крупным государством Данышмендидов. А.Д. Новичев считает, что Византия чрезмерно увлеклась борьбой за господство в Сирии и пропустила усиление могущества сельджуков в Малой Азии²².

В совместной монографии ученых-тюркологов Д.Е. Еремеева и М.С. Мейера «История Турции в Средние века и Новое время» отмечена роль «вождей франкских наемников» в быстром продвижении тюркских завоевателей вглубь Малой Азии²³.

О.С. Апанович рассмотрела ряд вопросов, связанных с пребыванием латинских наемников в Малой Азии в период с XI по XIV в.: командование, финансирование, взаимоотношение с властями, дислокация и др.²⁴ Она называет норманнов «первыми латинскими волонтерами в Анатолии»²⁵, которые «быстро нашли общий язык с тюркскими эмирами»²⁶. В качестве примеров такого рода сотрудничества Апанович рассматривает кратковременные союзы Жерве Франкопулоса с Самухом²⁷ и Русселя де Баллиоля с Тутахом²⁸. Автор делает вывод о прочном закреплении норманнских наемников на территории Малой Азии во второй половине XI в., продолжавшими службу «у правителей новых государственных образований, возникших в Анатолии»²⁹.

В книге турецкого ученого Османа Турана «История сельджуков и тюркско-исламская цивилизация» в общем историческом контексте норманны предстают «примитивным и варварским» народом, которые, тем не менее, извлекли пользу из знаний и культуры мусульман Сицилии³⁰ и действовали

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Еремеев Д.Е. История Турции в Средние века и Новое время: Учеб. пособие / Д.Е. Еремеев, М.С. Мейер. М.: Изд-во МГУ, 1992. 248 с.

²⁴ Апанович О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков // Причерноморье в Средние века. 2009. Т. 7. С. 78.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Там же. С. 82.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ Turan O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti / O. Turan. 2. baskı. İstanbul: Turan Neşriyat Yurdu, 1969. S. 329.

разумно, «...властвуя над исламской цивилизацией и оберегая мусульманское население...»³¹.

Упомянув о Русселе де Баллиоле, О. Туран признает, что мятеж норманнского наемника послужил причиной первого вмешательства в византийские дела тюркского бея Артука и предоставил ему возможность далеко продвинуться в Малой Азии³². И. Кафесоглу ограничивается упоминанием поддержки «франкскими наемниками» византийских войск Исаака в отражении туркменов во главе с Артуком и Тутахом³³.

Во введении к своей работе по истории сельджуков турецкие исследователи А. Севим и Е. Мерчил отмечают, как в первой половине XI в. происходила экспансия норманнов на территории Византии, которая началась с оккупации Южной Италии³⁴. Особое внимание уделено деятельности норманнских наемников на византийской службе в Малой Азии во второй половине XI в. При описании похода великого Сельджукида Тогрула 1054–1055 гг. говорится о поступке некоего норманнского воина, который в одиночку поджег гигантскую катапульту, вследствие чего султан был вынужден снять осаду с города Манцикерта³⁵. В битве при Манцикерте в 1071 г. «известный благородный норманн» Руссель де Баллиоль командует значительным отрядом из узов и франков, отправленных перед началом сражения в Ахлат³⁶. Подробно освещается мятеж Русселя, его попытка захватить Константинополь, а затем обосноваться в Амасии и Никсаре. Обе попытки оказались неудачными благодаря совместным усилиям византийцев и тюрок-сельджуков³⁷. В главе «Борьба с крестоносцами» подробно рассматриваются перипетии борьбы норманнских правителей Антиохии: Боэмунда, Танкреда и Рожера с сельджуками³⁸.

Французский историк П. Виймар в работе по истории Крестовых походов прямо заявляет, что норманны «играли определяющую, если не главную роль в мире Средиземноморья во времена Крестовых походов»³⁹. По-

³¹ Ibid. S. 352–353.

³² Ibid. S. 213.

³³ [Kafesoglu I.] A History of the Seljuks: Ibrahim Kafesoglu's Interpretation and the Resulting Controversy / Ed. and trans. by G. Leiser. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1988. S. 50.

³⁴ Merçil E., Sevim A. Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür / E. Merçil, A. Sevim. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1995. S. 7.

³⁵ Ibid. S. 37.

³⁶ Ibid. S. 61.

³⁷ Ibid. S. 88–90.

³⁸ Ibid. S. 388, 411, 198–199.

³⁹ Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2006. С. 35.

этому он считает необходимым уделить им достаточно внимания на страницах своего труда. Проблема осложняется крайне пестрой политической, этнической, социально-экономической картиной средневекового Востока, «мозаикой Леванта»⁴⁰. У Боэмунда изначально существовал план обосноваться на Востоке «с помощью политики, защищающей интересы местных христиан»⁴¹.

П. Виймар обращает внимание на то, что норманны «проникли в Южную Италию приблизительно в эпоху первых турецких набегов на Восточную Анатолию»⁴². Методы, с помощью которых норманны основывали свои «маленькие феодальные княжества», были «очень похожи на приемы турецких кочевников»⁴³. Наконец, он прямо говорит, что «процесс развития их власти напоминает продвижение тюрок в Анатолии»⁴⁴.

Виймар считал, что одной из главных задач, которую должны были решить правители Латинских государств на Востоке, был захват Анатолийского плато. Это был единственно возможный вариант сухопутного пути для подкреплений из Западной Европы. Норманнам удалось продвинуться в этом направлении дальше остальных, но «византийцы и тюрки, сменяя друг друга, все же изгнали их из Сирии»⁴⁵.

Виймар заявляет, что Первый крестовый поход был единственным и последним предприятием, в ходе которого удалось преодолеть «Анатолийскую преграду». Все последующие армии крестоносцев исчезали в Малой Азии под ударами тюрок-сельджуков. По этой причине никогда впредь не могли существовать полноценные государства крестоносцев на Востоке⁴⁶. Однако дальше констатации очевидных фактов исследователь не пошел.

Таким образом, на основании беглого обзора литературы по данной теме можно сделать вывод о том, что довольно давно исследователи (византинисты, медиевисты, тюркологи) отмечали наличие проблемы и необходимости ее всестороннего изучения. Кроме уточнения отдельных фактов и осознания роли норманнов и сельджуков в истории долгое время серьезно продвинуться не удавалось.

Французский исследователь М. Баливе в своей работе «Норманны и тюрки», изданной в 1990 г., отметил удивительную симметрию в действи-

---

⁴⁰ Там же. С. 38.

⁴¹ Там же. С. 53.

⁴² Там же. С. 35.

⁴³ Там же. С. 36.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 35.

⁴⁶ Там же. С. 160–161.

ях столь непохожих друг на друга народов-завоевателей: норманнов и тюрок-сельджуков в Восточном Средиземноморье XI–XII вв.

По его мнению, сами источники дают возможность утверждать, что, будучи врагами, норманны и тюрки-сельджуки относились друг к другу с восхищением, как к равным и даже как к братьям⁴⁷. В данном случае он ссылается на довольно известные хроники. Первой из них является «Деяния франков и других иерусалимцев» анонимного автора-участника Первого крестового похода. По всей видимости, он являлся норманнским рыцарем и первоначально служил Боэмунду, но в дальнейшем перешел под знамя Раймунда Тулузского. Действительно, Аноним открыто восхищается «благоразумием, воинственностью и храбростью» противостоящих в бою тюрок и даже считает, что они и «франки» имеют общее происхождение⁴⁸. Он выражает сожаление по поводу их отказа от христианства, так как через сделанный выбор они уступили пальму первенства «франкам» в могуществе, храбрости и изобретательности в битвах⁴⁹. Другая хроника принадлежит перу Матфея Эдесского и повествует о событиях, связанных с осадой в середине XI в. византийского города войсками во главе с великим Сельджукидом Тогрулом. Некому безымянному норманнскому наемнику удалось сжечь огромную катапульту, которая причиняла огромный урон осажденным, и тем самым заслужить восхищение не только со стороны оборонявшихся, но и со стороны сельджукского султана⁵⁰.

На основании рассмотрения данных источников М. Баливе выдвинул тезис о существовании некой «функциональной симметрии» в истории обоих сообществ. Среди основных признаков данной симметрии он выделяет следующие: выдающаяся роль, которая принадлежала норманнам и тюркам соответственно в христианском и мусульманском сообществах; избрание многими представителями этих народов карьеры наемников⁵¹; хронология завоеваний в Средиземноморском регионе; стремление быть столпами веры: у тюрок верно служить халифам, а у норманнов поддерживать власть римского папы⁵²; стремление под прикрытием идеалов «священной войны» совершать военные походы; создание могущественных в военном отношении государств, чьи правители носили претенциозно вы-

⁴⁷ *Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires «symétriques»? // Turcica. 1990. Vol. 30. P. 309–310.*

⁴⁸ *Gesta Fracorum. III. 9. P. 50–51.*

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Armenia and the Crusades... P. 88.*

⁵¹ *Balivet M. Normands et Turcs... P. 311.*

⁵² *Ibid. P. 313.*

сокие титулы; Византия традиционно является для норманнов и тюрок как работодателем, так и жертвой⁵³; на покоренных территориях устанавливается строгий порядок и вводится эффективное управление, а также развивается культурный эклектизм; обе группы верили в свою особую миссию и обладали чувством идентичности «*turcite*» et «*normanite*»⁵⁴; стремление к легитимации территориальных приобретений⁵⁵; похожие военно-тактические приемы и представление о военной доблести; забота о репутации непобедимых воинов⁵⁶; свойственный обоим народам «дух великой культурной открытости и даже синкретизма» в отношении культуры других народов⁵⁷; признание современниками специфичности и оригинальности этих двух групп.

Подобную симметрию Баливе считает уместной только для периода XI–XII вв. Постоянный приток туркмен из Средней Азии привел к образованию в Малой Азии настоящего «Средиземноморского Туркестана»⁵⁸. Напротив, крайне малочисленные норманны не могли рассчитывать на нечто подобное и к XIII в. под ударами мамлюков совершенно утратили свои позиции в Сирии. В то время как норманны оставались жить только в памяти последующих поколений европейцев, тюрки были грозной реальностью для христианского мира. Османская империя пережила бурный расцвет в XVI–XVII вв. и была близка к тому, чтобы превратить «древнее внутреннее море римлян в турецкое озеро»⁵⁹.

Для более близкого знакомства с концепцией автора нам кажется оправданным привести в тексте данной статьи более пространную цитату из его работы: «Одиннадцатый век стал свидетелем почти одновременно появления двух новых политических сил в Средиземноморье, норманны и тюрки, которые отныне играли значительную и довольно симметричную роль в политико-религиозной и военной сферах. Оба народа сравнительно недавно обратились в новую веру, соответственно католицизм у норманнов и суннитский ислам у сельджуков.

Норманны и тюрки ведут бой друг против друга, они стали во главе крестового похода и джихада. Их считали наемниками и солдатами, они являлись хорошими администраторами с хорошо читаемыми амбициями к го-

---

⁵³ Ibid. P. 315.

⁵⁴ Ibid. P. 317.

⁵⁵ Ibid. P. 319.

⁵⁶ Ibid. P. 321.

⁵⁷ Ibid. P. 324.

⁵⁸ Ibid. P. 325.

⁵⁹ Ibid.

сударственности и с очень сильной склонностью к космополитизму и культурному плюрилингвизму.

Оба народа с готовностью реализовали свои амбиции в ущерб своему византийскому соседу или работодателю. Как ни странно, суждения и оценки, переданные источниками, очень сходны для двух групп: норманнов и сельджуков. В зависимости от обстоятельств они изображаются то как неотесанные и опасные звери, то как смелые защитники истинной религии. Иногда их даже сравнивают друг с другом за их репутацию непобедимых воинов и за их административные таланты. Кажется также, что у них было определенное взаимное уважение, несмотря на их постоянное противостояние. Можно провести полезное сравнение между тюркским и норманнским фактором в средневековой истории Средиземноморья: симметрии в политических функциях, аналогии поведения и культурных интерференций»⁶⁰.

Насколько оправданным является подход М. Баливе к поиску «функциональной симметрии» в действиях норманнов и тюрок-сельджуков? Некоторое сходство очевидно, но как признает сам Баливе в начале своей работы, что общего может быть у «мира германского и мира тюрко-монгольского, народа засушливых азиатских степей и густого скандинавского леса, пастухов Евразийского континента и моряков северных морей и великого океана»⁶¹.

Работа М. Баливе стала не только основополагающей для рассмотрения данной темы, но и вдохновила некоторых исследователей на продолжение сравнительного изучения истории столь разных на первый взгляд сообществ. В этой связи хотелось бы отметить докторскую диссертацию турецкого автора Ислама Каваса, посвященную вопросам наследования власти у норманнов и сельджуков, в которой он предлагает читателю ознакомиться с несколькими интересными выводами. В частности, И. Кавас обосновывает появление общих черт у норманнов и сельджуков их северным происхождением, необходимостью выживать в сложных природно-климатических и географических условиях⁶². Разумеется, он обращает внимание на существенные различия данных условий, говоря о том, что степь для огузов по сути представляла ту же среду обитания, что океан для викингов, а, в свою очередь, корабли последних были таким же средством передвижения, как

⁶⁰ Ibid. P. 329.

⁶¹ Ibid. P. 309.

⁶² *Kavas I. Selçuklularda ve Normanlarda veraset: Karşılaştırmalı bir yaklaşım.* Ankara: Ankara Üniversitesi, 2017. S. 214.

лошади для обитателей степей. Те и другие испытывали «потребность в движении», которую удовлетворяли различными способами⁶³.

Достаточно давно И. Кафесоғлу высказал мысль о том, что «...огузы и сельджуки мигрировали, — подобно германцам и упоминаемым Идриси, во дворце которых он писал свое сочинение, норманнам, — но кочевниками они не были...»⁶⁴. Таким образом, М. Баливе и И. Кафесоғлу сходятся в мысли о том, что у норманнов и тюрок-сельджуков было нечто общее. Это общее для этих двух народов заключалось, по мнению И. Кафесоғлу, в их страсти к постоянному движению, которые при этом не были кочевниками.

Подобную мысль высказал византинист А.П. Каждан в монографии по византийской культуре, в которой он говорит о чуждости понятия подвижности для византийца: «подвижным был прежде всего степняк-печенег, о котором рассказывали, что он сутками не слезает с седла, или надменный латинский рыцарь, направлявшийся с берегов Нормандии в Иерусалим»⁶⁵.

Вероятно, ответ на этот вопрос кроется в тесной связи этих двух народов со своими кочевыми предками. Хотя норманны восприняли культурные ценности Западноевропейской цивилизации, а тюрки-сельджуки впитали иранскую культуру, глубоко внутри они оставались «кочевниками». Страсть к движению побуждала их активно действовать в исторически сложившихся условиях и стремиться к захвату доминирующего положения в доступных им христианских или мусульманских сообществах⁶⁶.

Собственно под движением А.В. Головнев понимает основной принцип жизнедеятельности всех живых существ, включая каждого конкретного человека и все людские сообщества. Эту идею автор развивает в отдельной монографии «Феномен колонизации», в которой утверждает, что колонизация изначально присуща всем живым организмам в качестве естественного их свойства распространяться повсеместно⁶⁷.

При этом, безусловно, очень интересным является мнение автора о том, что любые виды человеческой экспансии вне зависимости от времени и эпохи очень похожи, и особенно в области мотивации, которая за-

⁶³ Ibid. P. 215.

⁶⁴ *Kafesoğlu İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan: Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // Tarih Dergisi. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 184.*

⁶⁵ *Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 2006. С. 30.*

⁶⁶ *Головнев А.В. Антропология движения (Древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 252.*

⁶⁷ *Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 538.*

ключается в стремлении разведать новые территории и взять их под свой контроль⁶⁸.

Еще Э. Гиббон отмечал определенное сходство между ведущими кочевой образ жизни германцами и «скифами»: «Политическое общество германцев было с виду союзом независимых воинов. Скифские племена, известные под новейшим названием орд, имели внешнюю форму многочисленных и размножившихся семейств, которые в течение многих поколений расплодились из одного и того же первоначального рода. Самые ничтожные и самые невежественные из татар сохраняют, с сознательной гордостью, неограниченное сокровище своей генеалогии, и каковы бы ни были различия ранга, установленные неравным распределением собственности, они уважают, и в самих себе и одни в других, потомков первого основателя племени»⁶⁹.

С другой стороны, норманны и тюрки-сельджуки были не единственными потомками кочевников, которые проникли на территории, где формировались цивилизации Запада и Востока. Например, венгры мигрировали в бывшую римскую провинцию Паннонию, где основали собственное государство. Хотя венгры совершали набеги на Западную Европу в течение X–XI вв., тем не менее это не привело к последующим завоеваниям на окраинах христианского мира и даже в Крестовые походы они отправлялись под принуждением вассальной клятвы, данной германским императорам.

И. Кавас считает, что в основе движения норманнов и сельджуков были заложены некие идеологические предпосылки, связанные с возникновением у них династий и системы передачи власти. Одной из них являлись перманентные конфликты между региональными правителями, которым в свое время удалось изгнать норманнов и сельджуков из привычных им мест обитания, после чего они были вынуждены искать удачи в чужих землях, где избитый сценарий конфликта неизбежно повторялся снова. В процессе завоеваний новых территорий они стремились к устранению допущенной в отношении их очередной несправедливости, приобретая тем самым необходимую им легитимность⁷⁰.

Другими словами, и у норманнов, и у сельджуков со времен Роллона и Сельджука соответственно сложилась такая система, при которой лидеры обоих сообществ во все времена были обязаны предоставить наилучшие условия для жизни своих соплеменников, которые привели их к власти. Та-

⁶⁸ Там же. С. 162.

⁶⁹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 2008. Т. 6. С. 167–168.

⁷⁰ Kavas I. Selçuklularda ve Normanlarda veraset... S. 217.

ким образом, в обоих сообществах доминировал культ не столько знатного происхождения, сколько максимально эффективного руководства, призванного обеспечить им процветание на покоренных землях. Для норманнов и сельджуков вопрос о том, кто будет ими править, не имел большого значения, однако гораздо важнее им было знать, как ими будут управлять и насколько эффективно.

Во многом следствием именно такого отношения к вопросам преемственности власти в обоих сообществах являлось тяготение к несению военной службы на чужбине «и эта военная служба являлась защитным щитом и атакующей силой против угроз окружающей среды, включая их собственную нацию»⁷¹.

К этому Кавас добавляет и принятие ими монотеистических религий и сам факт расположения привычной им среды обитания вблизи развитых цивилизаций⁷², но едва ли данные выводы автора можно признать однозначными, если вспомнить вышеприведенный пример с венграми. С другой стороны, известная страсть представителей обоих сообществ к наемничеству отлично укладывается в предлагаемую автором концепцию преемственности власти.

Кавас считает, что со временем система престолонаследия, заложенная предводителями норманнов и сельджуков, все больше переходит под влияние бюрократий, которые были созданы ими для более эффективного управления своими государствами⁷³. Надо признать, что данный вывод может считаться достаточно остроумным и наглядно демонстрирующим ответ на вопрос, куда исчезла созданная потомками кочевников эффективная модель управления. Однако в этом случае необходимо более детальное обоснование и расширение круга источников⁷⁴, поскольку и у норманнов, и у сельджуков в качестве мест сосредоточения бюрократических аппаратов были не только два столичных города: Лондон в Англии и Конья в Малой Азии, а гораздо больше.

Основной вывод автора позволяет дать ответ на вопрос о том, какова была цель движения норманнов и сельджуков с окраин и пограничья в центры цивилизаций Востока и Запада. Кавас считает, что основополагающим

⁷¹ Ibid. P. 218.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ В работе И. Каваса представлены в основном англо-норманнские хроники, но совершенно отсутствуют ссылки на итало-норманнских авторов и хроники Крестовых походов, в которых содержится богатейший материал для сравнительного анализа (Ibid. P. 14–18).

Миниатюра из «Истории Заморской земли» Гильома Тирского.
Акра, XIII в. (Париж, *Bibliothèque Municipale*. Ms 142)

для обоих сообществ было стремление к доминированию, более того, в самом процессе их движения не было ничего уникального, так как и в современную эпоху группы лиц при должном руководстве и солидарности, жаждущие улучшить условия своей жизни, мигрируют с окраин в центр с похожей целью. Однако данные процессы являются скорее предметом для социологических, нежели исторических исследований⁷⁵.

Подобное умозаключение вполне согласуется с данными источников. Так, англо-норманнский автор XII в. Ордерик Виталий говорил о норманнах следующее: «Во всех сообществах они стремятся доминировать и часто становятся врагами правды и законности из-за своих амбиций. Это часто ощущали сопредельные народы: франки и бретонцы, фландрийцы и многие другие. Это послужило причиной того, что в полной мере испытали горечь поражения италийцы и лангобарды, англй и саксы»⁷⁶.

Ему вторит итало-норманнский хронист конца XI в. Гауфред Малатерра: «Это был от природы врожденный обычай сыновей Танкреда, они всегда желали доминирования. Когда они имели достаточно силы, они не терпели никаких земель или владений рядом с их собственными без соперничества,

⁷⁵ Ibid. P. 222.

⁷⁶ Orderici Vitalis. *Historia Ecclesiastica*. P. 654.

так что они должны были бы или немедленно сами подчиниться и служить им, или вернее своей доблестью завладеть ими»⁷⁷. О первом графе Сицилии Рожере он буквально говорит следующее: «Таким образом, всю Сицилию по своему желанию разумно обустроив, граф, к рыцарским занятиям привыкший, не терпящий покоя, труда желающий, приобретенный страстно жаждущий, не хотел позволять телу стать непривычным к обычным занятиям; но замыслил в уме с душой, нацеленной на доминирование, все заморские королевства подчинить себе»⁷⁸.

В похожих выражениях архиепископ Тирский Вильгельм говорит о племени тюрок, или туркоманов (*turcogum, seu turcomannogum*), для которого это один народ, с той только разницей, что под первыми он понимает тюрок-сельджуков, которые выбрали путь доминирования над другими народами, а под другими — племена оставшихся верными кочевому укладу жизни⁷⁹.

Тем не менее данные источники ставят гораздо больше вопросов, чем предоставляют ответы на них. Вряд ли упрощение или аналогия в этом случае позволит лучше разобраться в поставленной проблеме как сравнительного изучения, так и симметрии движения норманнов и тюрок-сельджуков. Необходимо максимально полно установить и самым подробным образом рассмотреть все факторы, влиявшие на процесс продвижения обоих сообществ.

Автору данной статьи в отдельной работе удалось рассмотреть некоторые вопросы. Упомянутая работа была посвящена вопросам восприятия латинскими писателями XI–XII вв. норманнов и сельджуков. Было установлено, что в представлении средневековых летописцев эти сообщества могли иметь общее происхождение. Миф о троянском происхождении был чрезвычайно популярен в Западной Европе на протяжении многих столетий. В эту эпоху миф о троянском происхождении был не только пережитком Римской империи, но и активно работал образцом политической идеологии. Будучи ложным по своей сути, этот миф оказал значительное влияние как на отношения между народами и государствами Западной Европы, так и на их отношения с тюрками-сельджуками во время Крестовых походов⁸⁰.

В другой части работы были основательно разобраны основные версии пребывания норманнского правителя Антиохии Боэмунда в плену эмира

⁷⁷ Gaufredus Malaterra. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. P. 48.

⁷⁸ Ibid. P. 94.

⁷⁹ Guillaumus Tyrensus. P. 220–222.

⁸⁰ Прудников В.В. Deus adiuva! Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв. / Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2019. С. 209–225.

Сиваса Гюмюштекина ибн Данышменда, созданные латинскими авторами в начале XII в. Это событие произошло в Никсаре (Неокесария) и явилось важным эпизодом проникновения на территорию Малой Азии двух народов-завоевателей: норманнов и тюрок-сельджуков⁸¹.

Отдельная глава была посвящена анализу военных технологий, культивировавшихся в обоих сообществах⁸². В результате было установлено, что достигнутые к концу XI в. успехи в немалой степени были следствием высокого военного искусства как сельджуков, так и норманнов. Основу обеих армий составляла конница, с той разницей, что первоначально сельджуки отдавали предпочтение легкой кавалерии кочевников, а норманны в качестве ударной силы использовали тяжеловооруженных конных воинов (*milites*).

По мнению французского ученого М. Баливе, норманнскую и сельджукскую конницу объединяли страсть к метательному оружию: копьям и стрелам, а также применение маневра ложного отступления, который были способны осуществить только дисциплинированные конные войска.

В то же время у норманнов наиболее значительное развитие получило взятое наперевес копьё, зажатое между согнутой в локте рукой и туловищем, при котором всадник вкладывал в удар поступательный момент движения на коне. Ряд важнейших побед был одержан благодаря именно такому способу применения копья. Тюрки-сельджуки отдавали предпочтение луку и благодаря искусному обращению с этим оружием выиграли немало сражений, в том числе битву при Манцикерте. Сложносоставной лук представлял собой идеальное сочетание веса, размера и силы, давал возможность поражать цель на значительном расстоянии. Сельджукские конные лучники вызывали шок и восхищение у латинских авторов Первого крестового похода.

Таким образом, норманны и тюрки-сельджуки были профессиональными конными воинами, завоевателями и конкурировали за право владеть покоренными территориями на полях сражений, где искусство обращения кочевников с луком оказалось более эффективным по сравнению с манерой боя западноевропейских рыцарей.

Все представленные в данной статье концепции и подходы к решению поставленной проблемы по сей день остаются дискуссионными. Тем не менее теплится надежда на то, что благодаря совместным усилиям исследователей плоды их работы не заставят себя ждать в ближайшем будущем.

⁸¹ Там же. С. 226–240.

⁸² Там же. С. 240–261.

REFERENCES

1. *Apanovich O.S.* Naemnye i vassal'nye hristianskie kontingenty na sluzhbe u anatolijskih sel'dzhukov [Mercenary and vassal Christian contingents in the service of the Anatolian Seljuks] // *Prichernomor'e v srednie veka.* 2009. Vol. 7. P. 72–117.
2. *Armenia and the Crusades, tenth to twelfth centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa* / Transl., comment., introd. by Ara Edmond Dostourian, foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham: National Association for Armenian Studies and Research, 1993. 375 p.
3. *Balivet M.* Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires «symétriques»? // *Turcica.* 1990. Vol. 30. P. 309–329.
4. *Bartol'd V.V.* Turcija, islam i hristianstvo [Turkey, Islam and Christianity] // *Sochinenija. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata* [Essays. Works on the history of Islam and the Arab caliphate] / Compil. by A.B. Halidov; Ed. by I.N. Vinnikov. Moscow: Nauka, 1966. Vol. 6. P. 413–431.
5. *Cabén C.* La premiere penetration turque en Asie Mineure (Second moitié du XIe siecle) // *Byzantion.* 1948. Vol. 18. P. 5–67.
6. *Cabén C.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul: Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul: Dıvıt Matbaacılık ve Yayıncılık, 1988. 410 p.
7. *Gaufredo Malaterra.* De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani.* Bologna: N. Zanichelli, 1928. Vol. 5. 172 p.
8. *Gibbon E.* Istorija upadka i razrushenija Rimskoj Imperii [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire] / Transl. by V.N. Nevedomskiy. Moscow: Terra — Knizhnyj klub, 2008. Vol. 6. 592 p.
9. *Gordlevskij V.A.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloj Azii [The Seljuk state of Asia Minor]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941. 199 p.
10. *Golovnjov A.V.* Antropologija dvizhenija (drevnosti Severnoj Evrazii) [Anthropology of movement. Antiquities of Northern Eurasia]. Ekaterinburg: URO RAN; «Volot», 2009. 252 p.
11. *Golovnjov A.V.* Fenomen kolonizacii [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2015. 592 p.

12. Grousset R. *L'épopée des Croisades*. Paris: Librairie Académique Perrin, 1995. 321 p.
13. Guillaumus Tyrensis Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. by J.P. Migne. Paris: Garnier Frères, 1855. Vol. 201. P. 209–892.
14. Gusejnov R.A. *Sovremennoe sostojanie i blizhajshie zadachi izuchenija sel'dzhukskoj problemy* [The current state and the immediate tasks of studying the Seljuk problem] // *Tjurkologičeskij sbornik*. 1973. Moscow: Nauka, 1975. P. 24–37.
15. *Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier*. Paris: Les Belles Lettres, 1924. 258 p.
16. Kafesoğlu İ. *A history of the Seljuks: Ibrahim Kafesoglu's interpretation and the resulting controversy* / Ed. and transl. by G. Leiser. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1988. 224 p.
17. Kafesoğlu İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan: *Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti*. Neşreden: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // *Tarih Dergisi*. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 171–188.
18. Kavas I. *Selçuklularda ve Normanlarda veraset: Karşılaştırmalı bir yaklaşım*. Ankara: Ankara Üniversitesi, 2017. 244 p.
19. Kazhdan A.P. *Vizantijskaja kul'tura (X–XII vv.)* [Byzantine culture (X–XII cc.)]. Moscow: Aletejja, 2006. 280 p.
20. Merçil E., Sevim A. *Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1995. 599 p.
21. Novichev A.D. *Istorija Turcii v 4-h tomah* [The history of Turkey in 4 volumes]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1963. Vol. 1. *Epoha feodalizma (XI–XVIII vv.)* [The epoch of feudalism (XI–XVIII cc.)]. 314 p.
22. Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. by J.P. Migne. Paris: Garnier Frères, 1855. Vol. 188. P. 917–984.
23. Prudnikov V.V. *Deus adiuva! Normannskie rycari v Anatolii XI–XII vv.* [Deus adiuva! Norman knights in Anatolia in XI–XII cc.] / Ed. by D.D. Vasil'ev. Moscow: IV RAN, 2019. 312 p.
24. Turan O. *Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti*. 2. baskı. İstanbul: Turan Neşriyat Yurdu, 1969. 478 s.
25. *Uspenskij F.I. Melik Gazi i Dzul'-Nun Danishmendy* [Melik Gazi i Dzul'-Nun Danishmendy] // *Zapiski Imperatorskogo Odesskago Obshhestva Istorii i Drevnostej*. 1879. Vol. XI. P. 229–268.

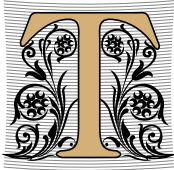
26. *Uspenskij F.I.* Dvizhenie narodov iz Central'noj Azii v Evropu. I. Turki. II. Mongoly [Movement of peoples from central Asia to Europe. I. Turks. II. Mongols] // *Vizantijskij vremennik*. 1947. Vol. I (XXVI). P. 9–28.
27. *Uspenskij F.I.* Istorija Vizantijskoj imperii XI–XII vv. Vostochnyj vopros [The history of the Byzantine Empire in XI–XII cc. The eastern question] / *Compil. by L.V. Litvinova*. Moscow: Mysl', 1997. 829 p.
28. *Vijmar P.* Krestovye pohody. Mif i real'nost' svjashhennoj vojny [The Crusades. The myth and reality of the Holy war]. SPb: Evrazija, 2006. 383 p.

Ключевые слова:

норманны, тюрки-сельджуки, Первый крестовый поход,
функциональная симметрия.

Vitaly V. Prudnikov

THE NORMANS AND THE SELJUK TURKS: A SYMMETRY OF MOVEMENT

his article discusses historiographic approaches to the problem of «symmetry» in the movement of the Normans and the Seljuk Turks. Both of them almost simultaneously began to move from their usual habitats, adopting a new religion, as well as the language, culture, and customs of the vanquished peoples. Almost simultaneously, they rush to conquer vast and highly-developed areas, where they created new states. The empires they created endured for centuries after the conquerors themselves (almost simultaneously collapsed) and lost their governing positions.

On the other hand, the Normans and the Seljuks were united by common values: the desire for domination, the cult of courage, the religious zeal in waging a «holy war», the preference for choosing the profession of a mercenary, the belief in their special mission and identity, their notable governing efficiency, cultural eclecticism and openness. Serious shifts in the approach to this issue have been outlined in Turkish, Russian and French historiography.

The relevance of the study of this issue is due to the presence of direct contacts between the Normans and the Seljuks in the Middle East in the 11th–12th centuries. These contacts were characterized not only by conflicts and military confrontation, but were also largely accompanied by cultural interaction. What was perfectly demonstrated by the example of the relationship between Roussel de Balliol and Artuk Bey. As a result, one can accept the awareness of common values by the participants in this interaction, which led both parties to the idea of creating strong allied relationship and even a kind of single community. A similar trend can be traced according to the data of Latin authors, who convey the story about the conclusion of an offensive alliance between Bohemond of Tarento and Danishmend. But in reality, as the Byzantinist F.I. Ouspensky noted, these expectations never came to fruition.

The purpose of this work is to show that the Normans and the Seljuk Turks actually had something in common, which predetermined their leading role in world history.

Key words: Normans, Turki-Seljuks, First Crusade, Functional Symmetry.

Vitaly V. Prudnikov – Ph.D. in History, Senior Researcher at the Oriental History Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science.

 Прудников Виталий Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.40.003

С.П. Брюн

ЭКСПАНСИЯ И УГАСАНИЕ НОРМАНДСКОГО ГОСПОДСТВА:

Княжество Антиохийское как зеркало триумфа
и кризиса нормандской государственности

ель данной статьи — детально (насколько это позволяет формат журнала) рассмотреть те события и процессы, которые привели к падению нормандского господства в Антиохии, выявить связь указанных событий с угасанием и смещением нормандских династий в Англии,

Нормандии и Сицилии, а также собрать и представить сведения, касающиеся последних нормандцев княжества Антиохийского и памяти о нормандских завоевателях среди владетельных семейств Латинского Востока (княжества Антиохийского, графства Триполи, королевств Армении и Кипра).

Из всех государств, созданных нормандцами, именно в Антиохии — в княжестве Антиохийском — их господство оказалось наиболее кратковременным, а переход от экспансии к полному угасанию собственно *нормандского* элемента среди нобилитета — наиболее стремительным. Княжество Антиохийское с момента своего возникновения вело войну как с мусульманами, так и с христианами (вначале — с ромеями, затем — с киликийскими армянами). Однако — при всем комплексе поражений от «греков», армян и в особенности от «турок» — роковой удар по нормандской государственности нанесли именно их франкские собратья.

Соперничество и открытые столкновения нормандцев с другими франками, прежде всего с графами Анжуйскими, «перекочевали» вместе с разноплеменной армией Первого крестового похода в Левант и нашли новое воплощение на Латинском Востоке. Эти конфликты выразились в цикле прямых военных столкновений с графством Эдесским (в 1107–1108 гг. / 1127–1128 гг.), однако более важными с точки зрения исторической перспективы стали столкновения и альянсы северосирийской знати с Фульком Анжуйским, занявшим в 1131 г. королевский престол Иерусалима. Именно благодаря Фульку Анжуйскому (1089/1092–1143 гг.) переход антиохийского княжеского престола от нормандской династии Отвиллей к аквитанской династии Рамнульфидов (дому де Пуатье) оказался прямо — династически и политически — связанным с последующим переходом королевского престола Англии и герцогского престола Нормандии от нормандцев к Плантагенетам. Приведенный в конце очерк об именах Боэмунд и Танкред среди представителей знатных домов Антиохии, Кипра и Армении призван осветить с нового — династического — ракурса степень привязанности франков Заморской земли к памяти нормандских вождей Первого крестового похода, стоявших у истоков создания государств Латинского Востока.

Несколько слов об историографии

С нормандской экспансией в Средиземноморье, а также с историей нормандских государств в Сирии и на Сицилии связан весьма разносторонний корпус научной литературы. В данном случае назовем лишь несколько работ, имеющих наибольшее значение для избранной темы исследования. Своеобразное первенство — и с точки зрения хронологии, и с точки зрения новизны и объема исследований — конечно же, принадлежит французскому медиевисту Фердинанду Шаландону, чьи работы — в частности «Нормандская дипломатия на Сицилии и в южной Италии», «Нормандская нумизматика Сицилии» и, главное, «История нормандского правления в Италии и на Сицилии» — были опубликованы в 1900–1907 гг.¹ Нормандскому завоеванию Южной Италии и Африки, а также истории королевства Сицилийского (времен прав-

¹ *Chalandon F. La diplomatie des Normands de Sicile et de l'Italie méridionale. Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome. Paris, 1900; Chalandon F. Numismatique des Normands en Sicile. Paris, 1903; Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.*

ления династии Отвиллей) посвящены две классические работы Джона Норвича: «Нормандцы на юге, 1016–1130 гт.» (*The Normans in the South, 1016–1130*), «Расцвет и закат Сицилийского королевства» (*The Kingdom in the Sun*)². В 1976 г. в Оксфорде была опубликована работа Джона Ле Патуреля «Нормандская империя», посвященная нормандской экспансии как таковой³. Среди других работ по нормандской экспансии также нельзя не назвать более современную, вышедшую в 2006 г. монографию Дэвида Николла и Кристофера Граветта «Нормандцы» (*The Normans*); несмотря на научно-популярный характер публикации, она представляет несомненную ценность и с точки зрения аналитики, и с точки зрения представленного (прежде всего иллюстративного) материала, касающегося военного дела и фортификации нормандцев⁴. Раздел «Нормандцы на Востоке», опубликованный Дэвидом Николлом как в указанной монографии, так и ранее — в меньшем научно-популярном издании «Нормандцы» (*The Normans*) иллюстрированной серии Osprey, заслуживает отдельного упоминания как первая работа, последовательно раскрывающая темпы нормандского «освоения» византийских провинций в Азии в период, предшествующий Первому крестовому походу⁵. Этой же теме — нормандскому освоению византийского Востока и взаимодействию с ромеями и тюрками-сельджуками — посвящены диссертация и ряд других исследований, в том числе опубликованная в 2019 г. «Deus adiuvā! Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв.» российского историка В.В. Прудникова⁶.

Применительно к княжеству Антиохийскому (как к основному предмету нашего исследования) прежде всего необходимо назвать ставшее ключевым для последующих изысканий фундаментальное ис-

² Norwich J.J. *The Normans in the South, 1016–1130*. London, 1967; Norwich J.J. *The Kingdom in the Sun*. London, 1993.

³ Le Patourel J. *The Norman Empire*. Oxford, 1976.

⁴ Gravett C., Nicolle D. *The Normans*. Oxford, 2006.

⁵ Nicolle D. *The Normans*. Oxford, 1987.

⁶ Prudnikov V.V. *Deus adiuvā! Normannskie rycari v Anatolii XI–XII vv.* М., 2019; Prudnikov V.V. *Normanny v Maloj Azii v XI–XII vv.* [Avtoreferat dissertacii]. М., 2016; Prudnikov V.V. *Normanny v Maloj Azii pered Pervym Krestovym pohodom v zarubezhnyh issledovaniyah // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2015. № 6. S. 188–198; Prudnikov V.V. *Normanny i vizantiycy: sociokul'turnye tendencii vzaimodejstviya (po vizantijskim istochnikam konca XI–XII vv.) // «Orientalistica Iuvenile». Sbornik nauchnyh statej molodyh uchenykh Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk IV.* М., 2017; Prudnikov V.V. *Kto otnyal u arabov Siciliyu? Terminy dlya oboznachenij social'nyh obshchestv u normannov v hronike Gaufrida Malaterry (konec XI v.) // Vestnik IV RAN.* 2020. № 2 (12). S. 218–231.

Печать Боэмунда I. Прорись А. Энгеля

следование (изначально — диссертацию) Клода Каэна «Северная Сирия и франкское княжество Антиохийское», опубликованное в Париже в 1940 г.⁷ Среди современных работ по истории княжества Антиохийского в период правления нормандской династии Отвиллей первенствующее место — с точки зрения собранных данных и предложенных автором выводов — занимает монография Томаса Асбриджа «Создание княжества Антиохийского. 1098–1100»⁸. Также, княжеству Антиохийскому и франкской Сирии как таковой (и ее роли как «контактной зоны» латинского и византийского мира) посвящена двухтомная монография автора данных строк, опубликованная в 2015 г.⁹ Спустя два года, в 2017-м, вышла книга доктора Эндрю Бака «Княжество Антиохийское и его рубежи в XII столетии» (*The Principality of Antioch and its Frontiers in the Twelfth Century*)¹⁰. Российский историк В.П. Степаненко также оставил ряд значимых статей (к сожалению, ни одной монографии) по различным аспектам истории графства Эдесского и княжества Антиохийского, выходивших в 1980-х и 1990-х гг.¹¹.

⁷ Caben C. La Syrie du Nord à l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris, 1940.

⁸ Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch. New York, 2000.

⁹ Brun S.P. Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K istorii soprikosnoveniya latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka. M., 2015.

¹⁰ Buck A.D. The Principality of Antioch and its Frontiers in the Twelfth Century. Cambridge, 2017.

¹¹ Stepanenko V.P. Vizantiya i gibel' grafstva Edesskogo (1150 g.) // Vizantijskij vremennik. 1989. T. 50; Stepanenko V.P. Ishkhany Edessy i vneshnepoliticheskaya orientaciya goroda v 70-h godah XI — nachale XII v. // Vizantijskij vremennik. 1984. T. 45; Stepanenko V.P. Marash i grafstvo Edesskoe v Devol'skom dogovore 1108 g. // Vizantijskij vremennik. 1987. T. 48; Stepanenko V.P. Ravninnaya Kilikiya vo vzaimootnosheniyah Antiohijskogo knyazhestva i knyazhestva Rubenidov v 10–40-h godah XII v. // Vizantijskij

Помимо этого, выходили отдельные биографические исследования нормандских основателей княжества Антиохийского, в частности работы Ральфа Юдейла и Жана Флори, посвященные Боэмунду I, работа Николсона, посвященная Танкреду, а также опубликованная еще в 1862 г. работа Бернарда Куглера «Боэмунд и Танкред, князья Антиохийские»¹².

Существуют лишь два известных источника, написанные осевшими в Антиохии нормандцами. Это «Деяния Танкреда» (*Gesta Tancredi*) Рауля Канского и «Антиохийские войны» (*Bella Antiochena*) Готье Канцлера. Их латинский текст и французский перевод были опубликованы еще во второй половине XIX в. в рамках сборника *Recueil de Historiens de la Croisades*¹³. В 1999 и 2005 гг. были опубликованы английские переводы указанных текстов, снабженные подробнейшим комментарием и исследовательскими статьями: «Деяния Танкреда» — с переводом и комментарием братьев Бернарда и Дэвида Бахрах, «Антиохийские войны» — Томаса Асбриджа и Сьюзен Эджингтон¹⁴. Русский перевод последних 17 глав «Деяний Танкреда» с новым комментарием публикуется и в рамках данного номера в разделе «Источники».

Создание княжества Антиохийского — краткий очерк

Создание и укрепление княжества Антиохийского неразрывно связано с деяниями двух представителей рода Отвиллей — старшего сына Робера Гвискара Боэмунда I (ок. 1058–1111 гг.) и его племянника, внука Гвискара — Танкреда (1075–1112 гг.); по своей сути, оно было прямым

---

vremennik. 1989. Т. 49; *Stepanenko V.P.* Sovet dvenadcati ishkhanov i Boduen Flandrskij. K sushchnosti perevorota v Edesse (mart 1098 g.) // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* Sverdlovsk, 1985; *Stepanenko V.P.* Siciliya «Dama Tarsa i sestra korolya». Ravninnaya Kilikiya v sostave Antiohijskogo knyazhestva 1108–1137 gg. // *Vizantijskij vremennik.* 1991. Т. 51.

¹² *Yewdale R.B.* Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917; *Flori J.* Bohémond d'Antioche, chevalier d'Aventure. Paris, 2007. Монография Флори была в 2013 г. переведена и издана по-русски под редакцией А.Ю. Карачинского, см.: *Флори Ж.* Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. М., 2013; *Kugler B.* Boemund und Tancred, Fürsten von Antiochien. Tübingen, 1862; *Nicholson R.L.* Tancred: A Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade. Chicago, 1940.

¹³ *Radulfo Cadomensis.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana // RHC Occ. III. Paris, 1866; *Galterii Cancellarii.* Bella Antiochena // RHC Occ. V. Paris, 1895.

¹⁴ *Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans.* The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans on the First Crusade. Aldershot, 2010; *Asbridge T.S., Edgington S.B., ed. & trans.* Walter the Chancellor's The Antiochene Wars. Aldershot, 1999.

Печать Русселя де Байолля.
Прорись Густава Шломберже

продолжением экспансии нормандцев (и непосредственно династии Отвиллей) в Средиземноморье, последовавший за завоеванием византийской Италии (1017–1071 гг.) и первым вторжением на Балканы (1081–1085 гг.)¹⁵. При этом создание княжества Антиохийского стало отнюдь не «появлением», а лишь **возвращением** нормандцев на территории византийской Сирии и Малой Азии, где их многочисленные контингенты присутствовали на протяжении предшествующих сорока лет (т.е. с 1050-х гг.), где они впервые уже пытались создать государство в 1073–1075 гг. (под началом Русселя де Байолля, со столицей в Анкире) и откуда они были вытеснены сельджукским завоеванием¹⁶.

¹⁵ Матерью Танкреда была дочь Робера Гвискара и младшая сестра Боэмунда I Эмма и маркиза Одо Доброго (или «Одо Маркиза»). См.: *Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy*. London, 1854. Vol. III. Lib. IV. C. 4. P. 82. О личности отца Танкреда идут споры; его именуют то «Одо», то «Вильгельмом», а Танкреда нормандские авторы (Ордерик Виталий, Рауль Канский) именуют «сыном Маркиза». Неясно, происходил ли отец Танкреда из числа нормандской или лангобардской знати.

¹⁶ *Руссель де Байолль* — нормандский рыцарь, перебравшийся в южную Италию и принявший участие в первом этапе завоевания Сицилии. Под знаменами графа Рожера I Боссо он отличился в битве у Черрами (1063 г.), однако позднее — по невыясненным причинам — покинул стан Отвиллей и поступил на византийскую службу. Он командовал франко-нормандской кавалерией в армии Романа IV Диогена (1071 г.), а в 1074–1076 гг. подчинил себе большую часть византийских провинций Галатии, Ликаонии и Вифинии, с Анкирой, Амасией и Неокесарией (Никсаром). В итоге он был пленен юным полководцем Алексеем Комниным (будущим императором) и вернулся на византийскую службу, умер, возможно, от отравления. История Русселя де Байолля подробно описана византийскими авторами, прежде всего Михаилом Пселлом, Никифором Вриеннием и Анной Комниной, см.: *Nikifor Vriennij. Istoricheskie zapiski. Ryazan'. Aleksandriya*, 2006. С. 251–252, 260–262, 265–274, 277; *Anna Komnina. Aleksjada*. М., 1965. С. 58–61. Также о Русселе де Байолле

Услышав весть о Клермонской проповеди Папы Урбана II, Боэмунд возглавил движение итальянских нормандцев «на Иерусалим», а точнее — на Константинополь. Армия, собранная Боэмундом (в состав которой вошли Танкред и Ричард Салернский), была четвертым и самым малочисленным из собранных контингентов Первого крестового похода¹⁷. Первоначально став во главе провизантийской партии (несмотря на минувшую войну с державой ромеев, когда началось его личное противостояние с императором Алексеем I Комниным), Боэмунд оказался ключевой фигурой в продвижении и успехах Первого крестового похода: он был в числе старших вождей крестоносного войска в битвах у Никеи, Дорилеи и Железного Моста и общепризнанным командующим всей крестоносной армии во время решающей битвы с аскарами атабека Кербоги у стен Антиохии 28 июня 1098 г.¹⁸; он же — несмотря на отсутствие официального титула — возглавлял список вождей Первого крестового похода в послании Папе Урбану II (11 сентября 1098 г.)¹⁹

К моменту взятия Антиохии и победы над Кербогой Боэмунд радикально сменил политический курс, призывая к полному разрыву с Ромейской империей и к удержанию северо-сирийских и киликийских территорий. Смерть папского легата — епископа Адемара Монтейльского (1 августа 1098 г.) — окончательно развязала руки Боэмунду. Зимой 1098–1099 гг., с уходом на юг сохранявших верность имперской присяге провансальских контингентов графа Раймонда Сен-Жильского, Боэмунд консолидировал свою власть над Антиохией, северо-за-

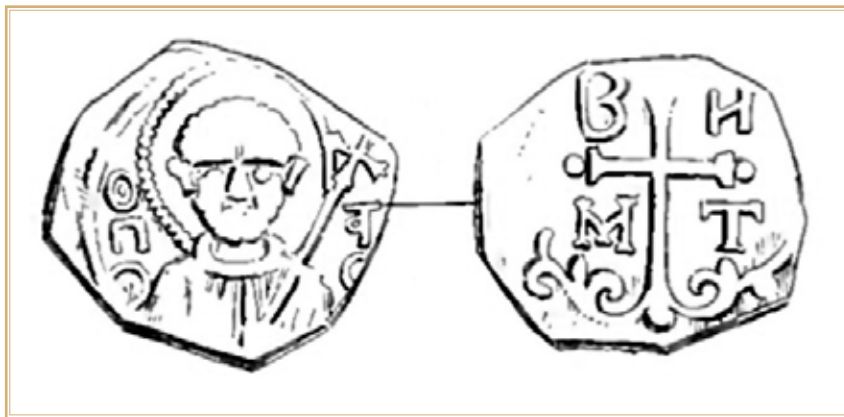

см.: *Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul // Revue Historique. 1881. № 16. P. 289–303; Brand C.M. Roussel de Bailleul // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. P. 1814–1815. Об участии Руссея в кампании у Манцикерта и параллельном сражении у Хилата см.: Haldon D. Vizantijskie vojny. M., 2007. С. 39–412.*

¹⁷ Итало-нормандская армия Боэмунда выступила после южно-французского войска графа Раймонда Сен-Жильского, лотарингского войска герцога Готфрида Бульонского и северофранцузской армии герцога Робера II Нормандского, графов Робера II Фландрского и Стефана Блуасского. См.: *Runciman S. A History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954. Vol. I. P. 142–170.* То, что у Боэмунда было меньше войск и средств, чем у других вождей Первого крестового похода, неоднократно отмечала Анна Комнина. См.: *Anna Komnina. Op. cit. С. 289.*

¹⁸ О битве у Антиохии и боевом распорядке франкских войск см.: *Petri Tudebodi. Historia de Hierosolymitano itinere // RHC Occ. III. Paris, 1866. P. 81; Radulfo Cadomensis. Op. cit. С. 85. P. 666; Alberti Aquensis. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem. Oxford, 2007. С. 47, 320–322.*

¹⁹ *Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Innsbruck, 1901. № 16. P. 164.*

Фоллис Боэмунда I. Антиохия (1099-1100/1103-1104 гг.).
Прорисъ Густава Шюмберже

падной Сирией и подконтрольными его войскам киликийскими городами (Тарсом и Мамистрой). Он — очевидно, не страшась прослыть клятвопреступником — променял шанс освободить Гроб Господень на возможность устройства собственного государства, и в этом стремлении он не был одинок; к северо-востоку от его рубежей сходным «устройением» занимался граф Бодуэн I Эдесский, а под знаменами своего Боэмунда остались многочисленные рыцари, сержанты и пилигримы, перешедшие к нормандскому полководцу из других контингентов. Когда весной 1100 г. Боэмунд I вместе с графом Бодуэном I Эдесским совершил пасхальное паломничество в Иерусалим (номинально исполнив крестоносные обеты), двух северосирийских правителей сопровождало около 25 000 воинов и паломников «обоих полов»²⁰. В 1100 г., незадолго до своего пленения тюрками в битве у Мелитены, Боэмунд I столкнулся с ромейским вторжением в Киликии; в этот же период он изгнал из Антиохии православного Патриарха Иоанна V Оксита (восстановленного летом 1098 г. папским легатом Адемаром Монтейльским и прежде признанного архипастырем всех католических христиан — как «греков», так и «латинян»), возведя на восточную кафедру Святого Петра первого в истории латинянина Бернарда Валенского²¹. Так, в 1098–1100 гг. Боэмунд смог успешно создать одно из наиболее

²⁰ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 140. P. 704.

²¹ Подробнее об изгнании Иоанна V Оксита и создании латинского Антиохийского Патриархата, с указанием и анализом источников, см.: *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. London, 1980. P. 16-17; *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch... P. 195–200; *Brun S.P.* Romei i franki v Antiohii... Vol. II. С. 19–31.

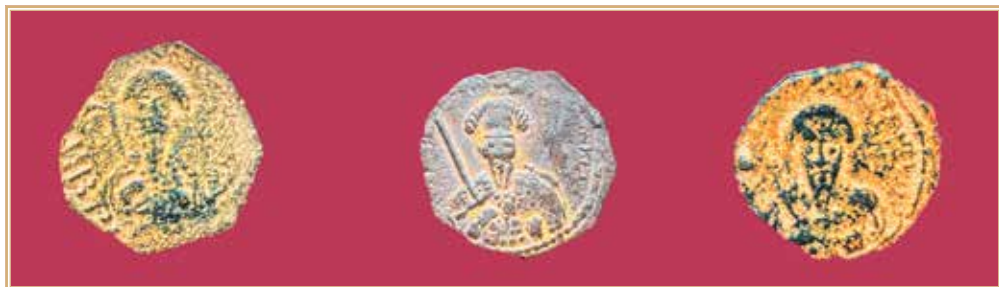
масштабных нормандских государств в Средиземноморье (сопоставимое с островным графством Сицилийским и превышавшее с точки зрения территорий и боеспособности распавшиеся на отдельные герцогства и княжества — Бари, Таранто, Амальфи — владения его отца); сам Боэмунд принял титул «князя» (*princeps*)²², который до него уже принимали отдельные нормандские правители — от первого герцога Нормандии Ричарда II Доброго до утвердившихся в Капуе представителей династии Дренго²³.

Танкред и пик нормандской экспансии на Востоке

Несмотря на то что своим образованием княжество Антиохийское обязано политической воле и видению Боэмунда I, с которым, безусловно, связан ряд ключевых событий в его становлении (взятие Антиохии и победа над сельджукской армией атабека Кербоги в 1098 г., разрыв с Византией и принятие княжеского титула, создание латинского Антиохийского Патриархата), подавляющее большинство военных успехов в ранней истории княжества, а также пик самой экспансии нормандцев на Востоке связаны не с Боэмундом I, а с его племянником и преемником — Танкредом. Примечательно, что у самого Боэмунда I в Сирии, кроме великой победы над Кербогой 28 июня 1098 г. (где нормандский князь выступал в качестве верховного главнокомандующего войсками Первого крестового похода) и еще одной победы над эмиром Рыдваном Алеппским в битве у Келлы, фактически не было достижений. Его осады Латакии (1099 г.), Мараша (1100 г.) и Мелитены (1100 г.) обернулись неудачей, а в период его второго правления в Сирии (1103–1104 гг.) единственным его завоеванием стало взятие Эльбистана на южной окраине Анатолийского плато, однако на этом дальнем северном рубеже княже-

²² Изначально Боэмунд довольствовался титулом «сира и защитника Антиохии» («*dominus et advocatus*»), однако к 1104–1105 гг. — либо в конце своего пребывания в Сирии, либо уже во время западноевропейского «турне» в преддверии нового вторжения на Балканы — Боэмунд I начинает использовать титул «князя Антиохийского» (*princeps Antiochenus*). Фундаментальное исследование, посвященное титулам Боэмунда I, провел и опубликовал в рамках своей монографии Т. Асбридж, см.: Bohemond I and the title *princeps* // *Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch*. P. 111.

²³ На заре XI столетия, оставив графский и приняв новый, герцогский титул, Ричард II Добрый некоторое время носил также титул князя-принцепса (*princeps et dux Normannorum*). После завоевания Капуи в 1058 г. княжеский титул принял Ричард I Дренго.

Фоллисы Танкреда. Антиохия (1101–1103/1104–1112 гг.).
Из собрания С.П. Брюна

ства Антиохийского франко-нормандцы продержались лишь несколько месяцев²⁴.

Свою первую самостоятельную кампанию Танкред начал в сентябре 1097 г., когда он во главе 300 итало-нормандских рыцарей и сержантов отделился от основной армии Первого крестового похода, пересек Тавр и вошел в Киликию. Появление крестоносцев вызвало череду анти-сельджукских восстаний среди населения Киликии, подавляющее большинство которого составляли христиане (ромей, армяне, сирийцы). Сельджукский гарнизон Тарса — первого киликийского города, у стен которого встали спустившиеся с гор Тавра итало-нормандские крестоносцы, — был принужден к капитуляции, однако Танкред не смог воспользоваться плодами своей победы или войти в город; по пятам за его отрядом двигался более многочисленный, насчитывавший до двух тысяч человек отряд северо-французских и лотарингских крестоносцев под началом Бодуэна, младшего брата графа Эсташа III Булонского и герцога Готфрида Бульонского. Бодуэн убедил население Тарса сдать город ему, а Танкред, собрав свой отряд, был оттеснен вглубь Киликии. Следующий город, лежавший на пути крестоносцев — Адана, был освобожден от сельджуков армянским князем Ошином I Хетумидом без помощи франков; это вынуждало Танкреда продолжать путь вглубь Киликийской равнины к Мамистре, которая была без боя брошена сельджуками и занята итало-нормандцами. Однако спустя несколько дней у Мамистры появились двигавшиеся тем же маршрутом силы Бодуэна; вскоре на переправах через реку Джейхан (Пирам), у Мамистры, разгорелось первое в истории междоусобное сражение крестоносцев: Танкред выпустил

²⁴ Подробнее о правлении Боэмунда I в Сирии (1098–1100/1103–1104 гг.) с указанием источников см.: *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch. P. 42–50; Brun S.P. ROMEI I FRANKI V ANTIOHII... Vol. I. C. 259–274, 292–304.*

из города своих рыцарей и конных сержантов для атаки на стан графа Бодуэна, однако в ходе этой неудачной атаки несколько знатных нормандцев, в том числе кузен Танкреда Ричард Салернский (отец будущего князя Антиохии Рожера), оказались в плену. Кровавое столкновение несколько «отрезвило» Бодуэна и Танкреда: стороны обменялись пленными и заключили мир. Оставив гарнизон в Мамистре (закрепив ее тем самым за династией Отвилль), Танкред продолжил движение из Киликии в Сирию; движение его отряда продолжалось сопровождаться восточнохристианскими восстаниями против сельджуков и бегством мусульманских гарнизонов к Антиохии. В рамках этой кампании Танкред освободил от сельджуков всю протяженность залива Александретты, крепости и монастыри Аманоса («Черной горы») и Арту. Несмотря на поражения у Тарса и Мамистры, нанесенные графом Бодуэном и «собратями» по крестовому походу, осенняя кампания 1097 г. раскрыла полководческий потенциал Танкреда. За месяц он с небольшим отрядом проделал путь от Киликийских до Сирийских Врат (от перевала Кюлюк-Базы до перевала Аль-Балан), и дальше — к Оронту, закрепив за нормандцами Мамистру, Баграс и Арту²⁵. Эта кампания кажется более впечатляющей, если учесть, как «вязали» и погибали во время перехода через Малую Азию многолюдные армии «арьергардного» и Второго крестового походов.

В битве у Антиохии Танкред командовал пятым батальоном («хоругвью») совместно с Гастоном Беарнским²⁶. Зимой 1098/99 гг. он встал во главе тех крестоносцев, кто хотел оставить формируемое Боэмундом I княжество Антиохийское и, сохраняя верность обетам, продолжить путь на Иерусалим. 7 июня 1099 г. Танкред совместно с Бодуэном де Бурком (который на тот момент, вероятно, уже находился на службе у Боэмунда I) во главе конного отряда занял Вифлеем, где при известии о приближении вспыхнуло восстание восточнохристианского населения²⁷. В штурме Иерусалима (15 июля 1099 г.) участвовало два нормандских контингента — более многочисленный под началом герцога Робера II Нормандского (сына Вильгельма Завоевателя) и меньший по численности итало-нор-

²⁵ История киликийской и северосирийской кампаний Танкреда подробнее всего описана в «Деяниях Танкреда» и в «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского, см.: *Radulfo Cadomensis. Gesta Tancredi...* С. 33. Р. 630; *Alberti Aquensis. Historia Ierosolimitana...* Lib. III. Р. 146–167. Также см.: *Runciman S. The History of the Crusades. Vol. I. P. 197–202; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch...* Р. 16–24.

²⁶ *Radulfo Cadomensis. Op. cit. С. 85. Р. 666; Alberti Aquensis. Op. cit. С. 47, 320–322.*

²⁷ *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana. Heidelberg, 1913. Lib. I. С. 25, 279–280.*

мандский отряд Танкреда. Однако именно рыцари и сержанты Танкреда смогли пробиться к Храмовой горе и занять мечети Куббат ас-Сакра и Аль-Акса. Они же учинили бойню на Харам аш-Шариф²⁸. После взятия Иерусалима Танкред совместно со старшим братом Готфрида Бульонского и Бодуэна I Эдесского — графом Эташем III Булонским совершил рейд на Наблус и Рамлу, после чего 12 августа 1099 г. принял участие в битве у Аскалона, где командовал батайем/хоругвью²⁹.

Во второй половине августа Танкред во главе небольшого итало-нормандского контингента (куда входило всего 80 итало-нормандских рыцарей, с соответствующим числом сержантов) отправился на север, начав завоевание Галилеи³⁰. Его войска заняли Назарет, гору Фавор (где Танкред вытеснил православную, мелькитскую братию и пригласил бенедиктинских монахов, образовавших под патронажем нормандского князя новый — латинский — монастырь Спасителя/Сан-Сальваторе), а также Тивериаду, мусульманское и еврейское население которой бежало на восточный берег Иордана; в 1100 г. Танкред захватил Хайфу³¹. Кампания 1099 г., ставшая второй самостоятельной полководческой операцией Танкреда (после осени 1097 г.), вновь подчеркнула полководческие дарования внука Робера Гвискара. Эта же кампания стала южной точкой нормандского продвижения в Азии; южнее Аскалона нормандцы как организованный контингент на азиатском континенте не продвигались. Рейды и осады 1099 г. имели и отчетливо религиозное измерение: в эту кампанию Танкред и его нормандские рыцари первыми среди крестоносцев вознесли молитвы в базилике Рождества Христова, на Храмовой горе, на горе Фавор, в Назарете и у вод Галилейского моря (Тивериадского озера). При этом если кампании у Вифлеема, Иерусалима, Рамлы и Аскалона носили характер «вооруженного паломничества», то в Галилее Танкред выступал как самостоятельный завоеватель: в Галилее он образовал сеньорию, напоминавшую созданное Боэмундом I

²⁸ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 128–137. P. 695–703.

²⁹ Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Heidelberg, 1890. P. 493.

³⁰ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 128–137. P. 695–703.

³¹ О завоевании Танкредом Галилеи пишут Бодри Дейльский и Гильом Тирский, см.: *Baldrici, episcopi Dolensis*. Historia Jerosolimitana // RHC Occ. IV. Paris, 1879. P. 111; *Guillaume de Tyr*. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. Paris, 1844. Lib. IX. С. 13. P. 384. Примечательно, что описание завоевания Галилеи полностью отсутствует в «Деяниях Танкреда».

Хартии Танкреда, связанные с основанием бенедиктинского монастыря Спасителя на горе Фавор, были впервые опубликованы в: *Paoli S., ed. Codice diplomatico del sacro militare ordine gerosolimitano, oggi di Malta*. Lucca, 1733. № 156. P. 200–201.

княжество Антиохийское — пусть в меньших масштабах. В последующие месяцы Танкред выступал как последовательный союзник латинского Патриарха Даимберта, всячески подрывая авторитет «Защитника Гроба Господнего» Готфрида Бульонского.

1100–1101 гг. стали временем глобальной «рокировки» в государствах крестоносцев. В 1100 г. Боэмунд I Антиохийский попал в плен к тюркскому эмиру Гази ибн Данишмеду в битве у Мелитены³². Регентство над Антиохией приняли на себя латинский Патриарх Бернард Валенский и командир войск, стоявших в нормандской столице, Бодуэн де Бурк. 18 июля 1100 г. умер «Защитник Гроба Господнего» герцог Готфрид Бульонский. Его бароны, опасаясь притязаний Патриарха Даимберта и попыток создания подобия «Папской области» в Палестине, призвали в Иерусалим кровного врага Танкреда — графа Бодуэна I Эдесского. На Рождество 1100 г. Бодуэн I добился своего помазания и коронации в Вифлееме, став первым королем Иерусалимским. Совершенно очевидно, что киликийская кампания 1097 г. исключала какое-либо мирное сосуществование нового короля Иерусалимского и нормандского князя Галилейского на единой территории. Однако к этому времени нормандские бароны княжества Антиохийского все же приняли решение призвать Танкреда, чтобы он принял регентство в отсутствие Боэмунда I, оставив Галилею (с условием, что он восстановит свои владения, если вернется в течение 3 лет и 3 месяцев)³³. Так, в период между летом 1100 г. и мартом 1101 г. в «Заморской земле» (т.е. на Латинском Востоке) прошла глобальная рокировка: Боэмунд I попал в плен к сельджукам и освободил княжеский престол Антиохии, смерть Готфрида Бульонского поставила вопрос о наследовании в Иерусалиме, Бодуэн I отбыл в Иерусалим, где стал королем, оставив престол Эдессы Бодуэну де Бурку, который, в свою очередь, покинул Антиохию, а в Антиохию из Галилеи был призван Танкред.

Крайне показательно, что нормандские бароны отказывались впустить Танкреда в Антиохию, пока он у врат города не принесет оммаж Боэмунду I³⁴. Клятвы Танкреда были засвидетельствованы, а его инвести-

³² *Alberti Aquensis. Historia Ierosolimitana... Lib. VII. P. 524–527; Mathieu D'Edesse. Chronique de Mathieu D'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. Paris, 1858. P. 230; Radulfo Cadomensis. Op. cit. C. 141, 704–705.*

³³ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. VII. C. 44–45. P. 552–554; Fulcheri Carnotensis. Op. cit. Lib. II. C. 7. P. 390–393.*

³⁴ Этот эпизод приведен исключительно в «Истории священной войны», см.: *Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus) // RHC Occ. III. Paris, 1866. C. 139. P. 228.*

тура совершена Патриархом Бернардом Валенским и папским легатом, кардиналом Морисом дель Порто³⁵. Первым масштабным «деянием» Танкреда стало повторное завоевание Киликии. Как было сказано выше, еще до пленения Боэмунда I тюрками направленные в Киликию ромейские войска выбили нормандские гарнизоны из Тарса и Мамистры³⁶. Летом 1101 г. франко-нормандские войска под началом сира Тивериады и князя-регента Антиохии Танкреда пересекли Аманос и заняли не только Тарс и Мамистру, но и Адану (которая прежде находилась под контролем Хетумидов). К концу года вся Киликийская равнина — от Лонгиниады (крепости к западу от Тарса) до гор Аманоса — находилась под контролем Танкреда³⁷. Следующей целью Танкреда стало взятие Латакии. К этому времени Латакия служила не только главным портом, но и основным византийским анклавом в Сирии, который успешно противостоял двум нормандским завоевателям — герцогу Роберу II Нормандскому (изгнанному из города православным населением и прибывшим византийским гарнизоном)³⁸ и князю Боэмунду I, который безуспешно осаждал город совместно с пизанцами в 1099 г.³⁹ Датировка кампаний Танкреда не совсем ясна, однако со слов Рауля Канского создается впечатление, что вначале он восстановил и расширил нормандское господство над Киликией (а заодно укрепил свой полководческий и государственный авторитет среди нобилитета княжества) и лишь затем обратился к осаде Латакии. Это подкрепляется и элементарной логикой, и нуждами подобных мероприятий: полномасштабной наступательной кампании на западе и долгосрочной осады сохраняющего морское сообщение с византийским Кипром портового города на юге. При этом,

³⁵ *Cafari de Caschifelone. Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori. Genova, 1890. P. 5.*

³⁶ Рауль Канский открыто говорит о том, что киликийские города были отбиты ромеями из-за «небрежения» Боэмунда I. См.: *Radulfo Cadomensis. Op. cit. C. 143, 706.*

³⁷ В 1102 г. герцог Гильом IX Аквитанский, спасаясь от сельджуков, получил убежище в Лонгиниаде, которая находилась под властью вассала Танкреда — Бернарда Странника. О Гильоме IX Аквитанском и Бернарде Страннике см.: *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. VIII. C. 40. P. 632–633.* В 1103 г. отправленные императором Алексеем I Комниным войска Иоанна Монастры и Мануила Вутумита не смогли даже войти в Киликию, а вынуждены были огибать Тавр с севера, чтобы пройти и укрепить ромейский гарнизон в Мараше. См.: *Anna Komnina. Указ. соч. Кн. XI. Гл. 10. C. 313.* Перечень указанных событий и уточнение датировки кампаний Танкреда (и территориальных пределов его владений в Киликии), со ссылками на указанные пассажи из Альберта Аахенского и Анны Комниной, приводит Томас Асбридж, см.: *Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... P. 52.*

³⁸ *Guiberti Abbatis. Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. Paris, 1879. P. 254.*

³⁹ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. VI. C. 55. P. 476.*

учитывая, что осада Латакии началась летом 1101 г., а Танкред прибыл в Антиохию лишь в марте, это означает, что его киликийская кампания была проведена достаточно быстро, в течение первых 2–3 месяцев его пребывания на посту регента.

Укрепления Латакии — с ее двумя цитаделями и постоянной поддержкой с моря — делали город фактически неуязвимыми для норманнцев. Однако при помощи курсировавшего вдоль берегов Леванта генуэзского флота Танкред смог установить морскую блокаду города, а его осадные орудия планомерно разрушали укрепления Латакии. К ранней осени 1103 г. Танкред смог — под предлогом ложного отступления (точнее, отбытия его войск на «фуражировку») — выманить к своему лагерю наиболее боеспособную часть ромейского гарнизона, которая была разгромлена нормандской конницей в полевом сражении, в виду городских стен⁴⁰. Битва у стен Латакии решила исход нормандской осады 1101–1103 гг.; императорский наместник Цинцилук, чей гарнизон страдал от голода и уже давно не получал подкреплений, после разгрома лучшей части своих войск и окончательной деморализации населения сдал город Танкреду. В обмен оставшиеся воины гарнизона и византийские сановники получили возможность уйти на Кипр⁴¹. Заслуживает внимания и тот факт, что в 1102 г., сохраняя блокаду Латакии, Танкред с частью своих войск совершил поход на юг, на помощь (вопреки давнему противостоянию и личной вражде) королю Бодуэну I, разбитому войсками Фатимидского халифата, тем самым приняв совместно с графом Бодуэном II Эдесским и герцогом Гильомом IX Аквитанским самое деятельное участие в восстановлении военного положения королевства Иерусалимского⁴².

Единственным «фронтом», на котором Танкред — при всей своей энергии и успехах — не проявил себя совершенно, был сбор средств для выкупа князя Боэмунда I Антиохийского. Сбором требуемого золота активно занимались Патриарх Бернард Валенский, граф Бодуэн II Эдесский, Ричард Салернский (отпущенный из плена и курсировавший между Сирией и Италией), армянский правитель Рабана и Кайсуна Гох Васил; князь-регент Антиохии вел себя так, словно бы этой проблемы не существует вообще, и, очевидно, не дал для выкупа своего

⁴⁰ Описание битвы у Латакии приведено в «Деяниях Танкреда», см.: *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 146. Р. 708–709.

⁴¹ О сдаче Латакии см.: *Ibid.* Р. 709; *Anna Komnina*. Op. cit. С. 309.

⁴² *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. IX. С. 13–17. Р. 652–658; *Runciman S. A History of the Crusades*. Vol. II. Р. 80–81.

дяди ни одного безанта — из требуемой суммы в 100 000 иперпиров чеканки Михаила VII Дуки⁴³. Совершенно очевидно, что Танкред отнюдь не горел желанием покинуть богатое и все расширявшееся (благодаря его усилиям) княжество Антиохийское, где он наслаждался положением абсолютно независимого государя, ради того, чтобы оказаться в меньшем по масштабам и не обладавшем подобными ресурсами княжестве Галилейском, при этом — на положении вассала своего недруга, короля Бодуэна I Иерусалимского. Об этой, граничащей с прямой изменой сюзерену, «апатии» князя-регента прямо пишут латинские авторы, прежде всего — капеллан, биограф и панегирист Танкреда; Рауль Канский⁴⁴. Единственное, что Танкред действительно сделал для освобождения Боэмунда I — это отпустил нескольких знатных мусульманских пленников из Антиохии в знак доброй воли и дополнения к выкупу⁴⁵.

Поздней весной 1103 г. Боэмунд I, покинув Никсар и проведя некоторое время в Кайсуне, вернулся в Антиохию, где был торжественно встречен Патриархом, баронами и населением города. Танкред — в соответствии с условиями своей клятвы — сложил с себя регентство. Боэмунд не простил Танкреду ни его успехов, ни его очевидной нелояльности: Танкред был отрешен от командования войсками и получил в качестве фьефа лишь «два небольших города» где-то в Сирии (вероятно, на южных или восточных рубежах княжества)⁴⁶. Ни Рауль Канский, ни один другой источник не локализируют эти два города, переданные Танкреду, однако со слов нормандского капеллана становится совершенно очевидно, что Танкред не получил ни Латакию, ни сеньории в возвращенной им Киликии, хотя он явно выдвинул притязания на по крайней мере часть из завоеванных территорий. Крайне характерно также, что он тем не менее предпочел остаться в княжестве Антиохийском, а не вернуться на юг, в пределы королевства Иерусалимского, хотя вымоленные им «два небольших города» явно уступали княжеству Галилейскому, на которое он — согласно договору с Бодуэном I — еще мог претендовать.

⁴³ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 147. P. 709.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Ibn al-Athir*. Al-Kamil fi al-Tarikh // RHC Orient. I. Paris, 1872. P. 212; *Orderic Vitalis*. Op. cit. Vol. III. Lib. X. С. 23. P. 318. О решающей роли князя Гох Василя в выкупе Боэмунда I пишет Матфей Эдесский, описывавший их встречу в Кайсуне и поднесение новых даров нормандскому князю на сумму в 10 000 динар. См.: *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. С. 178. P. 252–253.

⁴⁶ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. С. 147. P. 709.

Танкред не принимал участия в последующих кампаниях Боэмунда I ни на юге и востоке — против эмиратов Алепо и Шейзара, ни на севере, где князь Антиохийский подчинил Эльбистан и Мараш (причем последний был передан Жослену де Куртенэ, кузену графа Бодуэна II Эдесского, оставленного на момент сдачи города во главе осаждающих войск)⁴⁷. Однако в мае 1104 г. князь Боэмунд I все же призвал Танкреда для похода в Месопотамию против тюрок эмиров Джекермиша Мосульского и Сокмана ибн Артука, вторгшихся на земли графства Эдесского. Катастрофическая для сирийских франко-нормандцев битва у Харрана (7 мая 1104 г.) стала спасительным событием для жизни, полководческой и государственной карьеры Танкреда⁴⁸. Вместе с Боэмундом он смог отвести антиохийские войска с поля боя после разгрома эдесских франков и пленения их предводителей — Бодуэна II де Бурка и Жослена де Куртенэ. Во время отступления Танкред спас жизнь архиепископу Бенедикту Эдесскому⁴⁹. С пленением графа Бодуэна II и уничтожением его войска оборона графства Эдесского легла на плечи антиохийских нормандцев. Танкред был поставлен Боэмундом I во главе графства Эдесского в качестве регента/балби, начав тем самым трехлетний период нормандского правления в западной Месопотамии. Танкред оказался в Эдессе незадолго до появления там конницы эмиров Джекермиша и Сокмана; он возглавил оборону города и благодаря предрассветной контратаке на тюркский лагерь нанес победителям Харрана серьезное поражение. Новая сельджукская осада Эдессы была сорвана. Потерпев поражение от Танкреда в битве у стен Эдессы и получив известия о приближении к городу войск Боэмунда I, тюркские эмиры сняли осаду и, разоряя по пути небольшие поселения, ушли на север, в Мосул⁵⁰.

Между тем разгром в битве у Харрана и растяжение сил антиохийских франко-нормандцев, вынужденных оборонять два государства (Антиохию и Эдессу), стали сигналом для одновременного наступления

⁴⁷ Подробнее об этих кампаниях см.: *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 39–40; Asbridge T.S. Op. cit. P. 53–54; Brun S.P. Romei i franki v Antiohii. Vol. I. P. 295–298.*

⁴⁸ Битва при Харране описана в ряде источников, в том числе *Fulcheri Carnotensis. Op. cit. Lib. II. C. 27, 468–477; Radulfo Cadomensis. Op. cit. C. 148–150. P. 710–711; Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. IX. C. 39–41. P. 690–694; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 221–223; Mathieu D'Edesse. Op. cit. C. 182. P. 254–255.*

⁴⁹ *Radulfo Cadomensis. Op. cit. C. 148–150. P. 710–711; Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. IX. C. 41. P. 694–695.*

⁵⁰ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. IX. C. 44. P. 698–699; Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 223.*

на княжество Антиохийское как мусульман (эмиров Алеппо и Шейзара), так и ромеев. Присланная Алексеем I Комниным армия под командованием Иоанна Монастры выбила франко-нормандцев из Киликии, а византийский флот Иоанна Кантакузина, высадив ряд десантов, восстановил контроль над Латакией и сирийским побережьем вплоть до Маркаба⁵¹. Атаки ромеев и мусульман на Антиохийское княжество в 1104 г. дали нормандцам долгожданный повод для того, чтобы «уравнять» в восприятии всего латинского мира «греков» с «сарацинами, как врагов Римской церкви и супостатов добрых христиан. Сами нормандцы, с 1017 г. чаще воевавшие с ромеями, нежели с сельджуками и арабами, явно не нуждались в подобном «оправдании» для собственных кампаний; ромейское наступление 1104 г. лишь подарило им бесценный аргумент для новой волны антивизантийской пропаганды в Западной Европе. Боэмунд I принял решение отправиться на Запад и при поддержке Папы Пасхалия II собрать новый крестовый поход, на этот раз направленный против Ромейской державы. Он отбыл в Италию поздней осенью 1104 г. во главе 13 кораблей и в сопровождении латинского Патриарха Иерусалимского Даимберта, прорвавшись через византийскую морскую блокаду⁵².

Полнота власти в Антиохии — при полном истощении финансовых и военных ресурсов княжества — была передана Танкреду, оставившему Ричарда Салернского в качестве бальи в Эдессе и вернувшемуся на Оронт. В кратчайшие сроки Танкред смог перегруппировать свои силы и, продолжая удерживать оборону Антиохии, долины Оронта, Аманоса, Мараша, Эдессы и городов по обоим берегам Евфрата, перейти к контр-наступлению. Переломным моментом стала битва при Арте (20 апреля 1105 г.), где нормандское войско Танкреда нанесло сокрушительное поражение аскару эмира Рывдвана Алеппского⁵³. Победа над гарнизо-

⁵¹ *Anna Komnina*. Op. cit. Lib. XI. C. 11. P. 318; *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. C. 151. P. 712; *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. XI. C. 6. P. 778.

⁵² *Historia belli sacri...* P. 228. Анна Комнина говорит о том, что Боэмунд симулировал свою смерть и лег в гроб, обложенный — для запаха — рыбой, призванной имитировать запах смердящего трупа. Однако, вероятнее всего, это вымысел, продиктованный византийским восприятием «вероломности» и «находчивости» нормандцев и вдохновленный действительно имевшим место — и широко известным — прецедентом, когда отец Боэмунда, Робер Гвискар, проник с последователями в аббатство Монтекассино под видом «покойника», которого везли отпевать товарищи. *Anna Komnina*. Op. cit. Lib. XI. C. 12. P. 317.

⁵³ *Radulfo Cadomensis*. Op. cit. C. 155. P. 714–715; *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. IX. C. 47. P. 702–704; *Fulcheri Carnotensis*. Op. cit. Lib. II. C. 30. P. 485–488; *Kemal ad-Din*. *Histoire d'Alep* // ROL III. Paris, 1895.

Печать Констанции Капет. Образ княгини Констанции с ее сыновьями —
Иоанном (Жаном) и Боэмундом II.
Прорись А. Энгеля

нами Бану Мункыз и возвращение городов Джебель ас-Суммак. В ходе последовавших кампаний Танкред смог выбить сельджукские гарнизоны из Арты и крепостей на востоке и арабские войска (племена Бану Мункыз) из крепостей и городов вдоль лежавшего на юге от Антиохии и долины Рудж горного хребта Джебель ас-Суммак⁵⁴. Весной 1106 г. им была покорена Апамея, еще один из городов «сирийского тетраполя»⁵⁵. После 1105 г. и снова с 1110 г. Танкред утвердил свой сюзеренитет над Алепским эмиратом, не только получая дань от эмира Рыдвана, но и призывая его войска под свои знамена⁵⁶.

В 1106 г. из Франции, через Италию, к Танкреду прибыла его невеста — дочь французского короля Филиппа I Сесилия Капет. Помолвка Танкреда и Сесилии была заключена заочно, в рамках «двойного» брачного договора между осевшими в Сирии Отвиллями и Капетингами: Боэмунд I брал в жены старшую дочь короля Филиппа I Констанцию (их венчание состоялось на Пасху 1106 г. в Шартре), а Танкред был заочно помолвлен с младшей сестрой Констанции Сесилией⁵⁷. Стоит ли гово-

⁵⁴ О подробностях данных кампаний, с указанием источников, см.: *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch...* P. 60–61.

⁵⁵ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. X. C. 18–24. P. 734–740; Kemal ad-Din. Op. cit. P. 594–595.* Также см.: *Caben C. La Syrie du Nord...* P. 241–243; *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. Book I. C. 3. P. 52–53; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch...* C. 2. P. 58–61; *Brun S.P. Romei i franki v Antiohii...* Vol. I. P. 328–329.

⁵⁶ *Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch...* C. 2. P. 58–61.

⁵⁷ О венчании Боэмунда I и Констанции Капет в Шартре см.: *Suggerius Abbas. Vita Ludovici Regis // PL. Vol. 186. Paris, 1854. P. 1266.* О венчании Сесилии Капет и Танкреда см.: *Guillaume de Tyr. Op. cit. Lib. XI. C. 1. P. 450.*

рить о том, что еще столетие назад такой брак был бы немыслимым, однако 90 лет нормандской экспансии в Средиземноморье перевернули расстановку сил. За этот период прямые владения Капетингов едва ли увеличились, а династия Отвилль прошла путь от захолустного нормандского рода, державшего небольшой фьеф на полуострове Котантен, до властителей Южной Италии, Сицилии, Сирии и Киликии. Благодаря этим же бракам Боэмунда I и Танкреда князя Антиохийские и графы Триполийские породнились с Рюриковичами, поскольку Констанция и Сесилия были внучками королевы Анны, дочери Ярослава Мудрого; однако эта связь оставалась для них во многом неосознанной и не привела к каким-либо политическим контактам⁵⁸. Сесилии было всего шесть лет, что во многом отвечает на вопрос, почему у нее и Танкреда не было детей.

1107 г. ознаменовал новые проблемы для нормандского господства на рубежах Востока. На заре этого года из сельджукского плена был освобожден Жослен де Куртенэ, достаточно быстро восстановивший — при поддержке лояльного франкского и армянского населения — контроль над своей сеньорией, Турбесселем⁵⁹. Собрав 30 000 из требуемых 70 000 гистаменонов чеканки Михаила VII Дуки и отдав себя в заложники, Жослен добился освобождения Бодуэна II де Бурка⁶⁰. Бодуэн II выдвинул права на графство Эдесское, однако Танкред, не имея на то никаких юридических оснований, ответил отказом на эти требования, а нормандские войска отказались впускать де Бурка и Жослена де Куртенэ в Эдессу. Данные действия вполне укладываются и в поведенческий паттерн Танкреда (который ранее отказывался выкупать своего дядю — Боэмунда I, когда тот был пленником в Никсаре). При этом Танкред выдвинул вполне конкретное требование: он согласен был передать город и графство Бодуэну II лишь в том случае, если тот признает себя вас-

⁵⁸ Brun S.P. Potomki Yaroslava — gosudari krestonoscev // Rodina. M., 2012. № 12. P. 76–77.

⁵⁹ Жослен пользовался любовью преимущественно армянского населения Турбесселя, которое и внесло за него выкуп, желая скорее вернуть своего законного правителя и выйти из-под нормандского правления. Об отношениях Жослена и армян Турбесселя подробно пишет Михаил Сириец, см.: *Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. Paris, 1905. Lib. XV. C. 10. P. 195.*

⁶⁰ История усилий Жослена по выкупу Бодуэна II де Бурка подробно приведена Матфеем Эдесским, а также в сирийских (сиро-яковитских) хрониках, см.: *Mathieu D'Edesse. Op. cit. P. 266–267; Michel le Syrien. Op. cit. Lib. XV. C. 10. P. 195–196; Tritton A.S., Gibb. H. Op. cit. P. 80–82.*

салом князя Антиохийского. На это де Бурк вполне ожидаемо ответил категорическим отказом.

Положение осложнялось тем, что нормандское правление в Эдессе становилось все ненавистнее для населения города. Лично Танкред сохранял популярность среди восточнохристианского (по крайней мере — армянского) населения города. Матфей Эдесский его именует «благочестивым мужем» и «поборником Христовым»⁶¹. Однако Ричард Салернский, занимавший пост балби в Эдессе в 1104–1106 гг. и снова с поздней осени 1107 г. (после своего путешествия на Запад, участия в крестовом походе Боэмунда I и последующего возвращения на Восток), был полной противоположностью Танкреду, с избытком разделяя его амбиции, но не имея его военных и политических талантов. Ричард вызывал ненависть жителей Эдессы как своей алчностью (неограниченными поборами и репрессиями против местного населения), так и полководческими неудачами, которые стоили больших потерь не только франко-нормандцам, но и армянским воинам⁶². Ибн аль-Асир пишет о том, что 30 000 дьяр выкупа Бодуэна II де Бурка были предоставлены Жослену Танкредом (!), что как раз совершенно не укладывается в паттерн поведения нормандского князя, учитывая предшествующую историю выкупа Боэмунда I⁶³. Даже если эта история является вымыслом арабского автора (хотя Ибн аль-Асир отнюдь не отличается склонностью к выдумкам), вполне очевидно, что Танкред серьезно рассматривал возможность смещения своего непопулярного кузена — Ричарда Салернского — и возвращения престола Бодуэну II де Бурку, если тот признает себя его вассалом.

Бодуэн II и Жослен укрепились в Турбесселе, куда стали стягиваться их сторонники. Город превратился в центр франко-армянского сопротивления нормандскому господству. Танкред, в свою очередь, предпринял попытку осадой взять Турбессель, не дожидаясь усиления своих противников. У стен города произошло сражение между войсками Тан-

⁶¹ *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. P. 266–267.

⁶² Ричарда за жестокость, алчность и провалы как правителя и военачальника активно критикуют как армянские, так и сирийские хронисты, см.: *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. P. 260; *Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle // Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, 1933. P. 80. Подробнее о Ричарде Салернском и его передвижениях между Антиохией, Эдессой, Никсаром, Италией и Балканами, с указанием источников, см.: *Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097–1112 // Anglo-Norman Studies*. 1993. № 15. P. 35–38.

⁶³ *Ibn al-Athir*. Op. cit. P. 262.

креда и сторонниками де Бурка, после чего стороны заключили шаткое перемирие⁶⁴. Вскоре Бодуэн II де Бурк во главе своих сторонников, получив поддержку от войск армянского князя Гох Васи́ла (севаста, властителя Рабана и Кайсуна), а также состоящего из печенегов наемного ромейского контингента, прибывшего из Мамистры, атаковал восточные рубежи княжества Антиохийского; однако союзная армия Бодуэна II и Гох Васи́ла была разбита Танкредом в еще одном сражении, также разгоревшемся близ Турбесселя (где войска князя-регента Антиохийского, очевидно, нагнали отступавшую после рейда армию де Бурка). После кровопролитного сражения, унесшего, по словам Матфея Эдесского, жизни двух тысяч христиан, в конфликт вмешался латинский Патриарх Бернард Валенский (чья юрисдикция распространялась как на Антиохию, так и на Эдессу). Бернард, при поддержке недовольных междуусобицей баронов, смог примирить Бодуэна II и Танкреда, вынудив последнего отказаться от притязаний на Эдессу. В качестве решающего правового аргумента фигурировало заявление части антиохийских баронов, что Боэмунд I, передавая Танкреду регентство над Эдессой, никогда не выказывал намерения пересмотреть статус графства или лишить власти Бодуэна II. 18 сентября Танкред официально передал Бодуэну II де Бурку власть над графством Эдесским, а нормандские гарнизоны ушли из Эдессы и других евфратских городов⁶⁵.

Так завершилась история нормандского правления в Эдессе, однако война графства Эдесского против княжества Антиохийского продолжилась (точнее — возобновилась) спустя всего лишь несколько недель. Инициатором конфликта в данном случае оказался эмир Джавали Сакав, правитель, до этого даровавший Бодуэну II де Бурку и Жослену де Куртенэ свободу. Джавали снарядил карательную кампанию против Алеппского эмирата, который находился на положении данника княжества Антиохийского. Танкред, в свою очередь, пришел на помощь своему даннику — эмиру Рыдвану. В итоге стороны сошлись в третьей битве у Турбесселя; против тюрок Джавали Сакава и войск графа Бодуэна II Эдесского на поле боя выступили 1500 рыцарей и конных сержантов Танкреда, а также 600 мусульманских всадников эмира Рыдвана Алеппского. Победа в третьей битве у Турбесселя осталась на сторо-

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. P. 266–267; *Ibn al-Athir*. Op. cit. P. 262–263. Также см. *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch...* P. 112–113; *Brun S.P. Romei i franki v Antiohii...* Vol. I. С. 329–337.

не Танкреда, а Бодуэн II Эдесский вынужден был бежать с поля боя⁶⁶. В предшествующих исследованиях и работах автор данных строк уже неоднократно указывал на хронологическую близость и определенную историческую связь двух операций — освобождения Вифлеема в 1099 г. и третьей битвы у Турбесселя в 1108 г. В обеих кампаниях участвовали как Танкред, так и Бодуэн де Бурк; всего за девять лет оба полководца прошли путь от «вооруженного паломничества» и общей борьбы за освобождение христианских святынь до феодальной войны друг с другом, к которой — с обеих сторон — активно привлекались сарацины⁶⁷. Мир между Танкредом Антиохийским и Бодуэном II Эдесским был окончательно заключен лишь на совете государей и баронов Заморской земли под председательством короля Бодуэна I Иерусалимского, на Монт Пелерен в 1109 г.⁶⁸ При этом Танкред, утратив Эдессу, сохранил за княжеством Антиохийским Мараш, стратегически важный северо-сирийский город, который с момента франкского завоевания принадлежал Жослену де Куртенэ.

Сентябрь 1108 г. ознаменовал серьезный кризис для нормандского господства на Востоке. Это год и месяц не только падения нормандского правления в Эдессе, но и окончательного провала «крестового похода» Боэмунда I Антиохийского на Балканах, провала, закончившегося Девольским миром. Согласно условиям Девольского мира Боэмунд I обязался передать империи Киликию и Латакию, после своей смерти (а ему шел 55-й год) Антиохию и гавань Святого Симеона, однако нормандскому князю и его баронам были обещаны в наследственное

⁶⁶ *Fulcheri Carnotensis*. Op. cit. Lib. II. C. 28. P. 480–481; *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. P. 266–267; *Ibn al-Athir*. Op. cit. P. 266–267. Уроженец Антиохии, сиро-яковитский хронист и мафриан Бар Эбройе говорит о том, что франки не убивали друг друга, а лишь сбивали с коней, однако это кажется нарочитой идеализацией. В отличие от писавшего в XIII в. Бар Эбройе, хронисты XII в. ничего не говорят о милосердии франков и нормандцев друг к другу. См.: *Bar Hebraeus*. *Chronography* // ed. & trans. E.A. Wallis Budge. London, 1932. P. 475.

⁶⁷ Цикл конфликтов между Танкредом и Бодуэном II де Бурком в 1106–1108 гг. представляет собой достаточно запутанную историю с конфликтующими источниками. Анализ наиболее вероятной датировки этих столкновений, на основании сохранившихся источников, был опубликован автором данных строк в 2015 г., см.: *Brun S.P. Romei i franki v Antiohii... Vol. I. C. 329–339*. Также на связь этих двух операций — освобождения Вифлеема и третьей битвы у Турбесселя — как отражения перехода от пафоса религиозной войны к «адаптации» в условиях Востока автор указывал в статье в 31-м номере данного журнала, см.: *Brun S.P. Faktory identichnosti i konflikty samoopredeleniya v vojnah Antiohii i Armenii // «Vojna. Krestovye pohody. Identichnost'». Istoricheskij Vestnik. 2020. T. 31. P. 105–106*.

⁶⁸ *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. XI. C. 12. P. 782.

владение земли к востоку от Оронта и графство Эдесское⁶⁹. Боэмунд I покинул Эпир потерпевшим крах политиком, который предпочел — очевидно, ради сохранения хотя бы номинальных прав и прав своего потомства на Антиохию — доживать оставшиеся ему годы в своих южно-итальянских владениях, не пытаясь появиться в Сирии и каким-либо образом поднимать вопрос Девольского мира⁷⁰. С поражением и исходом (не только с Балкан, но и из политической жизни) Боэмунда I именно Танкред стал во главе нормандского сопротивления имперским притязаниям. Под его знамена стекались те нормандцы, которые покидали стан Боэмунда I и, очевидно, жаждали продолжения борьбы на Востоке⁷¹.

Осень финального поражения Боэмунда I на Балканах и утраты Эдессы стала тем не менее временем нескольких значимых побед Танкреда. Речь идет не только о победе Танкреда над Бодуэном II Эдесским и его союзниками в трех битвах у Турбесселя, но и о повторном завоевании Латакии. Город был взят при помощи пизанской эскадры к осени 1108 г. История и датировка второй осады Латакии Танкредом вызывает ряд вопросов и описана несравненно хуже первого нормандского завоевания города (1103 г.). С момента повторного византийского взятия города в 1104 г. Латакия, занятая десантом Иоанна Кантакузина, находилась в состоянии блокады нормандцами (удерживавшими одну из цитаделей города). К 1107 г. ромеи сократили присутствие на сирийском побережье (оставив Валанию, Маркаб и другие занятые в 1104 г. поселения); крестовый поход Боэмунда I вынуждал императора Алексея I Комнина

⁶⁹ *Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... С. 7. P. 106–114. С. 8. P. 115–134; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. II. P. 46–54; Brun S.P. Romei i franki v Antiohii... Vol. I. С. 320–323. Также см.: Todt K.-P. Antioch and Edessa in the so-called Treaty of Deabolis (September 1108) // ARAM. 1999–2000. № 11–12. P. 485–501; Stepanenko V.P. Marash i grafstvo Edesskoe v Devol'skom dogovore 1108 g. // Vizantijskij vremennik. 1987. T. 48. P. 53–63.*

⁷⁰ Боэмунд I умер 17 марта 1111 г. и был погребен в соборе Сан-Сабино в апулийской Каноссе (Каносса-ди-Пулья); мавзолей Боэмунда в Каноссе — единственная сохранившаяся гробница князей Антиохийских. Могилы и надгробия преемников Боэмунда I в притворе антиохийского собора Святого Петра, в антиохийской церкви госпитальеров и в триполийском соборе Пресвятой Девы Марии (Джами Умари) были уничтожены мамлюками. См. *Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... P. 132–133.*

⁷¹ В их числе были Ричард Салернский (и вероятно, его сын Рожер — будущий князь Антиохийский), окончательно утративший по возвращении Эдессу и получивший от Танкреда Мараш; Робер де Вью-Понт, также вошедший в число баронов княжества Антиохийского; Рауль Канский — бывший капеллан Боэмунда, ставший капелланом и биографом-панегиристом Танкреда.

перебрасывать свои лучшие части и зарекомендовавших себя полководцев, в том числе Иоанна Кантакузина, на Балканы⁷². Отбытие Кантакузина, очевидно, и позволило Танкреду перейти от «блокады» к активной осаде Латакии, на этот раз предпринятой при поддержке прибывшей к сирийскому побережью пизанской эскадры. К осени 1108-го Танкред даровал пизанцам хартию, фиксирующую их привилегии в Латакии, что свидетельствует о взятии города⁷³. Город перешел к одному из вассалов Танкреда, некоему Мартину, который некоторое время именовался «графом Латакии» (*comes Laodicie*)⁷⁴.

Невозможно не обратить внимания на то, что Танкред действовал прямо наперекор положениям и «видению», воплощенному в Девольском мире. Алексей I Комнин согласен был «передать» антиохийским нормандцам **не принадлежавшее** империи графство Эдесское (на которое держава ромеев тем не менее претендовала). Танкред, напротив, принял мудрое и крайне прагматичное решение сдать Эдессу, что освободило нормандские гарнизоны от необходимости вести войну как с коалицией франков, мусульман и ромеев, так и с сопротивлением местного населения. Отказавшись от идеи удержания занятых городов на Евфрате, Танкред смог консолидировать свои силы и уберечь нормандцев от стихийных выступлений и расправ со стороны местного населения, подобных тем, что вспыхнули в 1104 г. и унесли жизни нормандских гарнизонов в Эльбистане и Арте. Юридически — в глазах латинского мира — прав у Танкреда на Эдессу не было; сдав графство Эдесское, Танкред перешел к оборонительным боям на востоке, однако эти бои он выиграл, трижды разбив Бодуэна II и его союзников в трех битвах у Турбесселя и выставив тем самым своего противника в крайне невыгодном свете — как агрессора и союзника мусульман. Более того, со стратегической точки зрения, решение Танкреда отказаться от графства Эдесского (земли которого находились на передовой борьбы с сельджуками и регулярных туркоманских рейдов) позволило ему перегруппировать свои силы и начать новую волну нормандской экспансии к западу от Антиохии — не только на сирийском побережье, но и в Киликии, т.е. на богатых христианских землях, расположенных на средиземноморском побережье и огражденных от тюркских набегов географическими и оборонительными рубежами. На побережье, после

⁷² *Anna Komnina*. Op. cit. Lib. XII. C. 2. P. 321–322.

⁷³ *Muratori L., ed.* *Antiquitates Italicae*. Vol. II. Milan, 1739. P. 905–906.

⁷⁴ *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. XI. C. 41. P. 816–817.

взятия Латакии, Танкредом были завоеваны принадлежавшие арабам приморские города Джабала и Валания⁷⁵.

Вторжение в Киликию, очевидно, началось в конце 1109 г. Ранее нам уже приходилось указывать на наиболее вероятную хронологию кампаний Танкреда, в частности на то, что в силу продолжающейся войны с графством Эдесским на востоке и приморской кампании (сопровождавшейся взятием Латакии, Джабалы и поддержкой графа Гильома-Жордана в Ливане) он не мог бы — с точки зрения логики и логистики — начать полномасштабного наступления к северу от Аманоса, в северо-западном направлении⁷⁶. Киликийская кампания 1109–1110 гг. — величайший полководческий триумф Танкреда, благодаря которому восточный фронт норманно-византийских войн остался за нормандцами. Парадоксально, что эта кампания осталась не описанной Раулем Канским: его повествование в «Деяниях Танкреда» обрывается на 1105 г. При этом своеобразная «похвала» Танкреду приводится Анной Комниной в «Алексиаде». Согласно дочери ромейского василевса, Танкред «отовсюду набирал воинов — армян и кельтов, ежедневно тренировал их, обучал войско строить ряды и сражаться, а иногда и отправлял его в набеги, — это был дым, предшествующий огню; он также сооружал осадные машины и всяческим образом готовился к осаде»⁷⁷. При поддержке генуэзцев (чья флотилия поднялась от средиземноморского побережья по руслу реки Джейхан) Танкред осадил Мамистру⁷⁸. Вскоре после взятия города пали и Адана, Помпейополь, Аназарва. Ромейская армия под началом стратопедарха Аспиета, армянского военачальника, которому Алексей I Комнин доверил оборону Киликии, была наголову разбита⁷⁹. После этого Танкред занял Тарс; западные рубежи княжества Антиохийского были установлены к западу от Тарса, восточнее крепости Хетумидов — города-крепости Лампрон и укрепленных ромеями городов Селевкии Исаврийской и Корики. Завоеванная Танкредом Киликийская равнина стала центром великой сеньории, находившейся

⁷⁵ Gibb G. *Damasskie hroniki krestonoscev*. M., 2009. P. 66.

⁷⁶ Brun S.P. *Romei i franki v Antiohii...* Vol. I. С. 343–348.

⁷⁷ *Anna Komnina*. Op. cit. Lib. XII. С. 2. P. 322.

⁷⁸ Ibid. P. 322–323. *Cafari de Caschifelone*. Op. cit. P. 15.

⁷⁹ Подробнее об Аспиете, военачальнике, выдвигавшем притязания на происхождение от Аршакидов, которого ряд историков ошибочно ассоциируют с Ошином I Хетумидом, см.: Laurent J. *Armeniens de Cilicie: Aspietes, Oschin, Ursinus* // *Mélanges offerts à Gustav Schlumberger*, I. Paris, 1924. P. 159–168; Stepanenko V.P., *Shandrovskaya V.S. Tatul i Pakuriany* // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, 2005. № 36. P. 174.

в вассальной зависимости от князя Антиохийского — «княжества Тарса и Мамистры», переданного нормандскому рыцарю Ги ле Шеврелю⁸⁰. Там же, в Тарсе и Мамистре, были восстановлены латинские архиепископии.

Благодаря завоеваниям Танкреда княжество Антиохийское простиралось от Тарса и Лонгиниады на западе до Азаза на востоке и от Мараша на севере до Тартуса на юге. В 1111 г., во время выступления против сельджуков, Танкред созвал вассалов, в число которых входили Ги ле Шеврель — князь Тарса и Мамистры, Ричард Салернский, ставший правителем Мараша, Мартин — граф Латакии, Энгельгар — сир Апамеи, Ги ле Френель — сир Харима, Бонабле — сир Сармеды, Вильгельм — правитель Тартуса, армянские князья — Гох Васил, Торос I и Левон I Рубениды⁸¹. В зависимости от нормандской Антиохии находились не только Рубениды и армянские правители Рабана и Кайсуна, но и Алеппский эмират.

Последнюю свою кампанию Танкред провел осенью–зимой 1112 г.; он осадил Кайсун и Рабан, владения армянского князя Гох Васи́ла, перешедшие к сыну почившего правителя «Василию Отроку», с которого Танкред собрал дань (в том числе драгоценный венец, который вдова Гох Васи́ла передала княгине Сесилии)⁸². Той же зимой, в возрасте 37 лет, Танкред умер от дизентерии, или брюшного тифа. Он был погребен в притворе собора Святого Петра⁸³. По количеству территорий, отторгнутых у Ромейской державы и успешно удержанных под нормандским правлением, Танкред сопоставим лишь со своим дедом — Робером Гвискарром. Из трех поколений династии Отвиллей Танкред, в отличие от Робера Гвискара и Боэмунда I, не потерпел ни одного поражения от ромеев, полностью сохранив свои позиции на территориях, отторгнутых от империи. Осады Латакии и Мамистры, победы Танкреда в полевых сражениях у стен Латакии и над Аспиетом в Киликии завершили славную линию побед нормандцев над ромеями, начавшуюся в битве у Монте Маджоре (1041 г.) и достигшую апофеоза в кампаниях Гвискара и Боэмунда во время их первого вторжения на Балканы (1081–1082 гг.). Битвы у Никеи, Дорилеи, Железного Моста, Антиохии, Келлы, Арты и Тель-Данита (последняя одержана племянником Танкреда Рожером в 1115 г.) стали периодом исторического реванша нормандцев над сельджуками, которые уже к 1074–1076 гг. совместно

⁸⁰ *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. XI. C. 41. P. 814–815.

⁸¹ *Ibid.* Lib. XI. C. 41. P. 814–817.

⁸² *Mathieu D'Edesse*. Op. cit. C. 209. P. 281.

⁸³ *Alberti Aquensis*. Op. cit. Lib. XII. C. 8. P. 836.

Фоллисы князя Рожера Антиохийского с образом «Чуда св. Георгия о змие».
Собрание С.П. Брюна

с ромеями уничтожили их первое «государство» на византийском Востоке (владения Русселя де Байолля) и перебили их гарнизоны в Сирии, Киликии и Месопотамии. Со времен битвы на Кровавом Поле (1119 г.) и последующей гибели князя Боэмунда II у Аназарвы (1130 г.) эта полоса нормандского успеха была перечеркнута, а стратегическая инициатива вернулась к тюркам.

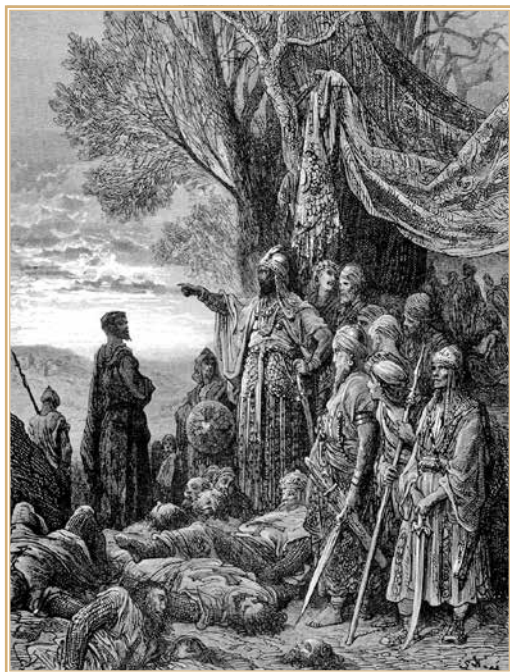
Военные катастрофы — битва на Кровавом Поле (1119 г.)

Со смертью Танкреда княжеский престол — согласно воле умирающего князя — перешел к его племяннику Рожеру, сыну Ричарда Салернского⁸⁴. Рожер, как и Танкред, принес клятву передать престол наследнику Боэмунда I, если тот решит принять власть над сирийскими владениями отца⁸⁵. При этом необходимо отметить, что и Танкред, и Рожер были полноправными князьями, а не регентами. Использование княжеского титула Танкредом и Рожером отчетливо прослеживается в их хартиях (а также на монетах Рожера), следовательно, их именование «регентами», постоянно встречающееся в династических схемах, является совершенно ошибочным. Рожер, в отличие от отца, очевидно, пользовался популярностью среди нормандского нобилитета княжества; примечательно, что мы не имеем понятия, когда он прибыл на Восток⁸⁶. В отличие от Танкреда, Рожер поддерживал хорошие отношения с другими го-

⁸⁴ Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East... P. 35–38; Petrizzo F. 'Although He was His Nephew': A Study of the Younger Hautevilles on Either Side of the Sea' // The Haskins Society Journal. 2018. № 30. P. 53–78.

⁸⁵ В этот момент Боэмунду II было около 4–5 лет.

⁸⁶ Перемещения его отца, Ричарда, хорошо известны, а самого Рожера — нет. См. выше. Beech G.T. Op. Cit. № 15. P. 35–38.

Ильгази отпускает Готье Канцлера. Художник Густав Доре

сударями Латинского Востока; он взял в жены Сесилию де Бурк, сестру графа Бодуэна II Эдесского.

В 1115 г., во время сельджукского вторжения, князь Рожер, выступив во главе войск франкских государей Сирии (куда также вошли контингенты графа Бодуэна II Эдесского и вассальные Рожеру контингенты Ги ле Шевреля, князя Тарса и Мамистры), нанес тюркам атабека Бурсука ибн Бурсука сокрушительное поражение в битве у источников Тель-Данита (14 сентября 1115 г.)⁸⁷. Возможно, именно с этой победой и связано введение фоллисов с именем и титулом князя Рожера и образом «Чуда св. Георгия о змие», первой в истории христианского мира монеты с использованием данного образа⁸⁸. Однако эта же победа вселила в Рожера чрезмерную уверенность в собственных силах. Во время нового сельджукского вторжения — на этот раз под началом атабека Ильгази Артукида — в пределы княжества Антиохийского князь Рожер, не дожидаясь подкреплений не только из Иерусалима, но даже из Эдессы, выступил против тюрков и потерпел сокрушительное поражение в бит-

⁸⁷ Подробнее всего битва описана в «Антиохийских войнах» Готье Канцлера, см.: *Galterii Cancellarii*. Op. cit. I Bell., art. 6. P. 93.

⁸⁸ *Brun S.P. Byzantine icons on the coins of a Norman ruler of Antioch. Latin reception of Byzantine iconography at the dawn of the Crusades // Kul'tura i civilizaciya. 2013. № 1–2. P. 48–51.*

ве на Кровавом Поле (28 июня 1119 г.). Сражение произошло в долине Сармада, между городами Сармада и Балат. При этом, если верить очевидцу и участнику событий Готье Канцлеру, князь Рожер достаточно беспечно проводил время, предаваясь охоте⁸⁹. Лагерь князя Рожера оказался окруженным аскаром Ильгази. Выстроив войска, Рожер вывел их из лагеря и пошел на прорыв, однако атака франко-нормандской конницы была ослаблена не только стрелами, но песчаной бурей — ветром хамсин, который дул в лица христианам. Вслед за раскаленным песком в сторону франко-нормандцев посыпался ливень стрел. Затем на потерявших маневренность, измотанных христианских воинов обрушились тяжеловооруженные сельджукские и туркоманские всадники. Сам Рожер погиб в сражении; по словам Готье Канцлера, видевшего труп князя, он получил удар мечом в лицо (очевидно, под наносник шлема-норманки), пронзивший мозг. К исходу боя часть рыцарей и сержантов либо сдалась на милость победителя, либо была перевязана тюркскими арканами. После этого Ильгази устроил изуверскую расправу над пленными⁹⁰. Самого канцлера княжества Антиохийского отпустили, чтобы он донес известия о поражении христианам.

Битва на Кровавом Поле стала «началом конца» нормандского господства в Сирии. Битва у Харрана (7 мая 1104 г.) стала первым поражением, которое нормандские крестоносцы претерпели от сельджуков; однако в этом сражении, как было сказано выше, в большей мере пострадало эдесское войско, а антиохийские франко-нормандцы отступили в относительном порядке. Несравненно больший ущерб княжеству Антиохийскому и живой силе нормандцев нанесли последующие наступления тюрок, арабов и ромеев на нормандские гарнизоны в Киликии, Анатолии и Сирии. Однако все эти потери были компенсированы последующими кампаниями и победами Танкреда (1105–1112 гг.), а людские ресурсы княжества Антиохийского были восполнены за счет продолжающегося притока рыцарей, сержантов и пилигримов в Сирию. Массовый приток нормандцев и других «франков» в пределы княжества Антиохийского имел место после разгрома «крестового похода» Боэмунда I на Балка-

⁸⁹ *Galterii Cancellarii*. Op. cit. II Bell., art. 3. Любовь к охотничьим утехам во время кампаний как минимум дважды подрывала кампании франков в северной Сирии: король Бодуэн II де Бурк попал в плен к сельджукам во время соколиной охоты в плавнях Евфрата (18 апреля 1123 г.).

⁹⁰ Канцлер Готье посвящает целую главу «Антиохийских войн» мучениям пленных, которых морили голодом и жаждой, рубили мечами и убивали копьями, когда обезумевшие от жажды франко-нормандцы соглашались пробежать выделенное им поле, чтобы напиться из грязной лужи. *Galterii Cancellarii*. Op. cit. II Bell., art. 7.

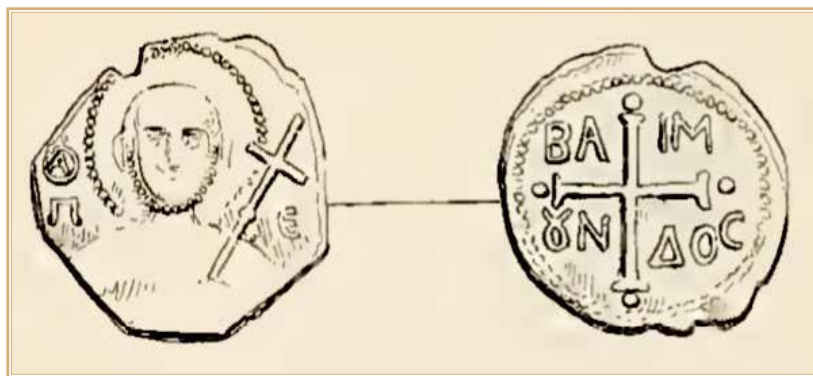

нах (когда к Танкреду прибыли Ричард Салернский, Робер де Вью-Понт, Рауль Канский). Битва на Кровавом Поле была сопряжена с единовременным истреблением войска княжества Антиохийского, цвета нормандского рыцарства (в том числе в сражении с тюрками был истреблен «батай», или «хоругвь», Святого Петра). На Кровавом Поле, помимо самого князя Рожера, погибли Ги Ле Френель, сир Харима, Роберт Фиту-Фульк Прокаженный, сир Саона и Зарданы (погибший в плену), Роберт де Сен-Ло и другие. Всего с князем Рожером погибло или попало в плен почти 700 нормандских рыцарей, не считая франкских и восточно-христианских всадников-туркополов и сержантов.

Когда известия о разгроме на Кровавом Поле дошли до Иерусалима, король Бодуэн II де Бурк совместно с графом Понсом Триполийским выступил на север. Однако Бодуэн II вынужден был спасти положение, имея под своими знаменами меньшее число рыцарей, чем войско, которое полегло с его зятем Рожером в битве на Кровавом Поле. Если у князя Рожера на Кровавом Поле было до 700 рыцарей, то под знаменами у Бодуэна II и Понса было не больше 250 рыцарей (не считая спасшихся и оставленных в Антиохии рыцарей княжества)⁹¹. Тем не менее, он смог нанести аскару Ильгази поражение во второй битве у источников Тель-Данита (14 сентября 1119 г.); это сражение не стало полным разгромом Ильгази, однако нанесло его туркоманам серьезные потери, вынудившие их покинуть франкские земли и уйти на север. В Антиохии — городе, где он некогда, во времена Боэмунда I, командовал гарнизоном и держал денежный фьеф, Бодуэн II де Бурк принял всю полноту власти⁹². Так Бодуэн II де Бурк стал единственным правителем в истории Латинского Востока, под прямым управлением которого находились как Иерусалим, так и Антиохия. Однако в апреле 1123 г., во время пребывания в пределах графства Эдесского, близ Гаргара, Бодуэн II де Бурк попал в плен к тюркскому атабеку Бурсуку и был переправлен в Харпут. В этот период во главе княжества стояли Патриарх Бернард Валенский и Высокая палата Антиохии; в городе также пребывала супруга Бодуэна II, королева Морфия. В период пленения Бодуэна II де Бурка все госу-

⁹¹ *Fulcheri Carnotensis*. Op. cit. Lib. III. C. 4. P. 627; *Asbridge T.S., Edgington S.B., ed. & trans. Walter the Chancellor's The Antiochene Wars*. P. 57.

⁹² Канцлер Готье говорит о том, что Бодуэн II «принял княжеское достоинство, по праву» (*principatus dignitatem adeptus est, jure quidem*). См.: *Galterii Cancellarii*. Op. cit. II Bell., art. 9. P. 117. Также о статусе и правлении Бодуэна II де Бурка в княжестве Антиохийском см.: *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch...* P. 143–146.

Фоллис Св. Петра. Правление Боэмунда II (1126-1130 гг.).
Прорисъ Густава Шлюмберже

дарства Латинского Востока, кроме графства Триполийского, управлялись регентами. 30 августа 1124 г. Бодуэн II де Бурк вернул себе свободу, восстановив всю полноту власти над Иерусалимом.

Боэмунд II и последний приток нормандцев в Сирию

Спустя два года, осенью 1126 г., к берегам Сирии пристала нормандская флотилия Боэмунда II, законного наследника Антиохийского престола. Боэмунд II был вторым и единственным выжившим из сыновей основателя княжества Антиохийского. На протяжении первых лет своей жизни он удерживал владения отца в Апулии и носил титул князя Таранто. На момент прибытия в Сирию ему было около 18 лет. Его ждали в Сирии по достижении совершеннолетия, т.е. с 1124 г. Однако Боэмунд II медлил на протяжении несколько лет, опасаясь посягательств на свои итальянские владения со стороны своего кузена (точнее — троюродного дяди) графа Рожера II Сицилийского. Как показали дальнейшие события, эти опасения были более чем обоснованными. Доверив свой итальянский домен герцогу Вильгельму II Апулийскому и непосредственному регентству графа Конверсано Александра, Боэмунд II собрал флотилию и через греческие острова отплыл в Сирию. Фульхерий Шартрский (встречавший Боэмунда II в Сирии) и Ромуальд Салернский (основной италонормандский хронист, описывавший указанный период) приводят разнящиеся, но близкие данные. Фульхерий говорит о 22 кораблях, в том числе 10 «больших»⁹³. Ромуальд Салернский приводит более детальные

⁹³ *Fulcheri Carnotensis*. Op. cit. Lib. III. C. LVII.

сведения: он говорит о 19 триремах и 6 грузовых кораблях⁹⁴. Если отталкиваться от того, что на адаптированном византийском дромоне, которыми пользовались нормандцы в Италии (и которые именовались «триремами»), можно было разместить более 200 человек, а на грузовой галере — примерно 40 лошадей, численность прибывших в Сирию войск Боэмунда II могла превышать 4 тысячи человек, в том числе половина — конными⁹⁵. Прибытие кораблей и войск Боэмунда II стало последним по-настоящему значимым притоком нормандцев в Сирию.

Известия об отплытии и приближении флотилии Боэмунда II опередили его корабли: когда Боэмунд II пристал в гавани Святого Симеона, его уже встречал король Бодуэн II де Бурк. Бодуэн II и Боэмунд II провели переговоры сразу же, в гавани Святого Симеона; король Иерусалимский обязался передать Боэмунду II престол и все земли княжества Антиохийского. В ответ князь Боэмунда II брал в жены вторую дочь короля Бодуэна II Алису. Что важно, Бодуэн II не требовал от юного князя оммажа, соблюдая тем самым *status quo*: княжество Антиохийское не входило ни в число великих сеньорий королевства Иерусалимского (как княжества Галилеи и Трансиордании или сеньории Сидона и Яффы), ни в число вассальных графств (как Эдесса и Триполи). Достигнув договоренности, оба государя во главе торжественной процессии вступили в Антиохию, где в соборе Святого Петра была совершена инвеститура князя Боэмунда II⁹⁶. Усама ибн Мункыз отмечал, что с момента прибытия Боэмунда II король Бодуэн II с редкой щепетильностью и уважением к правам нового правителя стал закупать фураж для своих воинов и лошадей, находившихся с ним в пределах Антиохийского княжества⁹⁷. Вскоре после этого состоялось венчание Боэмунда II и Алисы. В 1128 г. у них родилась дочь, названная в честь матери Боэмунда II Констанцией. Этой девочке суждено было на протяжении более чем 30 лет быть единственной законной правительницей княжества, которая последовательно передавала престол двум своим супругам и на протяжении трех лет не допускала своего совершеннолетнего сына до власти.

⁹⁴ *Romuald Salerniensis. Chronicon // Rerum italicorum scriptores. Mediolani, 1725. С. 185.*

⁹⁵ Во время вторжения армии короля Вильгельма II Сицилийского в Дельту Нила (1174 г.) на 36 триремах («тарихах») в Египет перевезли более полутора тысяч лошадей. См.: *Nicolle D. Medieval Warfare Source Book: Warfare in Western Christendom. Brockhampton, 1999. P. 274.*

⁹⁶ *Fulcheri Carnotensis. Op. cit. Lib. III. С. 61. P. 820–821.*

⁹⁷ *Usama Ibn Munkyz. Kniga nazidaniya. M., 1958. P. 197.*

В 1127 г. Боэмунд II во главе войск княжества Антиохийского принял участие в походе короля Бодуэна II де Бурка на Дамаск⁹⁸. Эта пусть неудачная осада стала самой восточной из кампаний нормандцев в Сирии. В том же 1127 г. Боэмунд II отбил у арабов Кафартаб, где его войска устроили бойню мусульманского населения⁹⁹. В 1127–1128 гг. он неудачно осаждал Шейзар. У стен города он встретился в бою с племянником эмира, Усамой ибн Мункызом, описавшим это столкновение в «Книге назиданий»¹⁰⁰.

При этом Боэмунд II столкнулся с неожиданным нападением войск графства Эдесского на восточные рубежи княжества. Причина конфликта лежала в отказе Боэмунда II предоставлять графу Жослену I земли (в частности, город Аزاز), обещанные ему князем Рожером в качестве приданного. Получив отказ молодого князя, Жослен I стал снаряжать рейд за рейдом по восточным фьефам княжества Антиохийского. Конфликт продолжался больше года, при этом латинский Патриарх Антиохии Бернанд отлучил от Церкви Жослена I и наложил интердикт на графство Эдесское. Примирение было достигнуто лишь благодаря посредничеству короля Бодуэна II де Бурка¹⁰¹. В целом успешное правление Боэмунда II, омраченное неудачной осадой Шейзара и войной с графом Жосленом I Эдесским, было прервано новой военной катастрофой.

В 1130 г. Боэмунд II неожиданно столкнулся с выходом из повиновения «властителя гор» Левона I Рубенида, правившего в восточном Тавре. Как было сказано выше, со времен киликийской кампании Танкреда (1109–1110 гг.) правители династии Рубенидов — братья Торос I и Левон I — одновременно носившие византийские титулы севастов и латинские титулы «баронов» (или, на западноармянский манер — «паронов»), были в числе зависимых от Антиохии правителей. К примеру, Торос I откликнулся на аррьербан Танкреда в 1111 г., а Левон I приводил свои войска под знамена Рожера во время осады Азаза в 1118 г. Однако если Торос I до конца жизни сохранял верность франкам, то Левон I принял решение начать расшире-

⁹⁸ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIII. C. 26. P. 595–598.

⁹⁹ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIII. C. 21. P. 613–614.

¹⁰⁰ Усама ибн Мункыз именует Боэмунда II «дьяволом» (прежде всего — за тотальное истребление мусульманского населения в Кафартабе), при этом говорит о том, что он встретился в бою с Боэмундом II, отмечая, что он бежал от него на поле боя, что «Ибн Маймун (...) владыка Антиохии (...) был еще юноша, и его сердце наполнилось страхом, но если бы он оставил своих солдат действовать, они бы обратили нас в бегство и гнали бы до самого города». См.: *Usama Ibn Munkyz. Kniga nazidaniya*. M., 1958. P. 197.

¹⁰¹ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIII. C. 22. P. 614–615.

ние своего государства в Киликии за счет франко-нормандских владений. В 1130 г. его войска неожиданно захватили Аназарву, выбив франко-нормандский гарнизон и захватив плацдарм для дальнейшего наступления на Киликийской равнине. Боэмунд II немедленно собрал войска и выступил на север, через Аманос, в Киликию. Однако нормандцы оказались не единственными, кто — помимо войск Левона I Рубенида — оказался у Аназарвы. Одновременно с севера в Киликию вошел аскар эмира Гази Гюмюштекина ибн Данишмеда. Столкнувшись с вторжением тюрок и карательной кампанией нормандцев, Левон I Рубенид занял оборонительную позицию за стенами Аназарвы, а Боэмунд II неожиданно оказался перед лицом нового противника, на столкновение с которым не рассчитывал. Боэмунд II во главе 200 рыцарей и конных сержантов атаковал тюрок, однако его отряд был перебит, а сам князь пал в сражении¹⁰². Голову Боэмунда II эмир Гази Гюмюштекин велел забальзамировать и отправить в дар Аббасидскому халифу Аль-Мустаршиду¹⁰³. Так, второй раз за 11 лет голову нормандского князя Антиохии отправляли в Багдад, в дар суннитскому халифу, в то время как цвет франко-нормандского рыцарства погибал на поле боя. Битва у Аназарвы имела и «династическое» измерение: Боэмунд II был убит в сражении с (Гази Гюмюштекином), отец которого за 30 лет до этого взял в плен князя Боэмунда I (а заодно и Ричарда Салернского — отца князя Рожера) в битве у Мелитены. После победы над войском Боэмунда II, (Гази Гюмюштекином), довольствуясь разграблением окрестных поселений и монастырей, ушел на север, в Никсар. Аназарва осталась в руках Левона, став столицей государства Рубенидов, коей оставалась на протяжении восьми лет; в 1138 г. город будет взят армией ромейского василевса Иоанна II Комнина, а Левон I будет вывезен в Константинополь, где и умрет в византийском плену.

Interregnum в Антиохии (1130–1136 гг.)

С гибелью Боэмунда II правительницей сирийских нормандцев — вследствие строго наследственного принципа передачи власти в княжестве Антиохийском — оказалась (трехлетняя) девочка Констанция де Отвилль. Ее мать, дочь Бодуэна II де Бурка, немедленно взяла власть в свои

¹⁰² *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIII. C. 27, P. 598–599; *Michel le Syrien*. Op. cit. Vol. III. Lib. XVI. C. 3. P. 227.

¹⁰³ *Ibid.*

руки и — без одобрения Высокой палаты Антиохии — стала вести себя как регентша. Однако Алиса была совершенно чужда нормандской знати княжества; в ее жилах текла арденнская и армянская кровь, антиохийские бароны знали ее меньше четырех лет. Нуждаясь в союзнике, Алиса направила послание к Имад ад-Дину Зенги, тюркскому эмиру, который к тому времени зарекомендовал себя как один из самых опасных правителей крестоносцев. Это было справедливо расценено как измена. О переговорах уведомили отца Алисы — короля Бодуэна II де Бурка, который совместно со своим другим зятем — графом Фульком V Анжуйским и кузеном — графом Жосленом I Эдесским двинулся на Антиохию. Примечательно, что уцелевшие нормандские бароны сами не отстранили Алису от власти, однако вполне резонно, что они пребывали в замешательстве: их государь и значительная часть собратьев погибли, их государыне было 2 года от роду, мать их государыни — вдовствующая княгиня Алиса заключила договор с опаснейшим из правителей сарацин, а к их столице двигалась армия, во главе которой стояли — помимо короля Бодуэна II (пользовавшегося заслуженным признанием и уважением, пусть и не имевшего юридических прав на сюзеренитет) граф Фульк V Анжуйский (напомним, что нормандцев и анжуйцев связывали историческая вражда и ряд прямых военных столкновений, о чем будет сказано ниже) и граф Жослен I Эдесский, человек, который неоднократно воевал с княжеством Антиохийским. Так или иначе, во время последовавшей осады своей столицы Алиса столкнулась с изменой клира и воинства Антиохии: северные ворота города были открыты для армии Бодуэна II де Бурка братией бенедиктинского монастыря Святого Павла, южные (Персидские) — итало-нормандской стражей покойного Боэмунда II во главе с рыцарем Вильгельмом Апулийцем. Алиса с последними сторонниками бежала в цитадель Антиохии (вероятно, взяв в заложники дочь) и сдалась лишь тогда, когда к воротам цитадели вышел ее отец — король. Алиса была выслана из Антиохии; взамен ей — в качестве апанажа — были предоставлены Латакия и Джабала. В Антиохии — в качестве бальи — был утвержден граф Жослен I Эдесский. Алиса была разлучена с дочерью: малолетняя Констанция де Отвилль осталась в княжеском дворце, опекаемая няньками и пребывающая под наблюдением и охраной слуг королевского бальи¹⁰⁴.

¹⁰⁴ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIII. C. 27. P. 599–601. Также см.: *Brun S.P. Vlast' i obshchestvennoe polozhenie franskoj zhenshchiny na Latinskom Vostoke // Dialog so vremenem*. 2013. № 43. P. 202–203.

Печать графа Фулька Анжуйского, будущего короля Иерусалимского.
 Воспроизводится по книге: *Georges de Manteyer. Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France. Paris, 1899.*

В 1131 г. умер король Бодуэн II де Бурк. Ему наследовали его дочь — старшая сестра Алисы Антиохийской — Мелисанда и ее супруг Фульк Анжуйский¹⁰⁵. В том же году скончался граф Эдессы и баллы Антиохии, кузен де Бурка Жослен I¹⁰⁶. Утверждение графа Анжуйского на королевском престоле Иерусалима вызвало открытое недовольство государей и баронов Сирии. Графы Понс Триполийский и Жослен II Эдесский отказались приносить оммаж новому королю; однако координирующим центром в их мятеже вновь оказалась княгиня Алиса, чьи войска вместе с частью уцелевшего нормандского нобилитета Антиохии (в частности, сыновья Робера Фитц-Фулька Прокаженного Гильом, сир Зарданы и Гарентон, сир Саона) и армией графа Понса Триполийского выступили против короля Иерусалимского. Этот «второй мятеж» Алисы был продиктован не столько популярностью вдовствующей княгини (хотя он, бесспорно, подчеркнул ее политическую волю и дарования), сколько неприятием нового «анжуйского» господства в Заморской земле. При этом, если триполийский и эдесский нобилитет выступил единым фронтом, вместе со своими государями, бароны княжества Антиохийского оставались разделенными на две партии: антианжуйскую — во главе с княгиней Алисой и нормандскими властителями Саона и Зарданы и проанжуйскую — во главе с Патриархом Бернардом и коннетаблем Антиохии Рено I де Мазуаром.

Узнав о мятеже, король Фульк собрал войска и двинулся на север, однако граф Понс преградил проход его войскам в удобном для обороны

¹⁰⁵ *Guillaume de Tyr. Op. cit. Lib. XIII. C. 28. P. 601–602.*

¹⁰⁶ *Michel le Syrien. Op. cit. Vol. III. Lib. XVI. C. 5. P. 232; Guillaume de Tyr. Op. cit. Lib. XIV. C. 4. P. 609–611.*

пункте, к северу от Бейрута, на реке Нар аль-Кальб («Собачьей реке», служившей границей между королевством Иерусалимским и графством Триполийским). Тогда Фульк посадил свои войска на корабли в Бейруте и отправился морским путем на север, в итоге высадившись в гавани Святого Симеона и заняв Антиохию, где он был с почестями встречен Патриархом Бернардом и коннетаблем Рено I де Мазуаром. После этого его войска продвинулись на юг, на территорию «мятежных» антиохийских сеньорий. В долине Рудж, к югу от Антиохии, армия короля Фулька нанесла поражение войскам восставших триполийских и антиохийских баронов, во главе с графом Понсом Триполийским, а также баронами Гильомом и Гарентоном. По итогам этой войны граф Понс признал сюзеренитет Иерусалима, себя — вассалом короля Фулька, а в Антиохийском княжестве (чей суверенный статус юридически по-прежнему не был пересмотрен) утвердилась прокоролевская партия во главе с коннетаблем Рено I де Мазуаром¹⁰⁷. Эта война вновь свидетельствовала об ослаблении старой нормандской знати Антиохии; бароны княжества оказывались разделенными между двумя враждующими партиями, параллельно сталкиваясь с наступлением киликийских армян и сирийских мусульман.

Период «междоусобия» в княжестве Антиохийском оказался сопряжен с чередой наиболее тяжелых территориальных потерь. К 1132 г. вся Киликийская равнина — с Тарсом, Аданой и Мамистрой — была успешно завоевана Леоном I Рубенидом; последующие годы антиохийские франко-нормандцы провели в бесплодных и кровопролитных рейдах против киликийских армян, которые не смогли привести к каким-либо территориальным изменениям в пользу их княжества¹⁰⁸. В 1134 г. эмир Имад ад-Дин Зенги атаковал восточные рубежи княжества Антиохийского, в кратчайшие сроки покорив Аль-Атариб, Зардану, Кафартаб, Маарат ан-Нуман; франкское и восточнохристианское население этих городов было истреблено¹⁰⁹. Военные катастрофы, территориальные потери и политические разделения остро ставили вопрос о будущем княжества Антиохийского как государства. Нормандский элемент, некогда породивший само княжество и давший ему импульс для экспансии, был обескровлен и разделен, полностью уступив ини-

¹⁰⁷ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 4–5. P. 611–614; *Brun S.P. Vlast' i obshchestvennoe polozhenie frankskoj zhenshchiny na Latinskom Vostoke...* P. 203.

¹⁰⁸ *Bedrosian R., ed.* The Armenian Chronicle of Sempad, or of the 'Royal Historian'. New Jersey, 2005. P. 73.

¹⁰⁹ *Michel le Syrien*. Op. cit. Vol. III. Lib. XVI. C. 6. P. 238.

Печати Рауля I Домфрона, латинского Патриарха Антиохии (1135–1140/1142).
Chandon De Bataillon Comte. Bulles de l'Orient latin. In: Syria. Tome 27 fascicule 3–4,
 1950. pp. 284–300

циативу другим франкским правителям (Фульку Анжуйскому, Жослену II, Понсу и Алисе), чьи партии достаточно равномерно наполнились сохранившимися боеспособность, но все редееющими рядами «старой» нормандской знати. В сложившемся кризисе инициатива практически полностью перешла к тем франкам, которые не относились к числу нормандцев и зачастую были крайне враждебно к ним настроены, прежде всего — к королю Фульку Анжуйскому, чья семья с X столетия находилась на «передовой» борьбы с правителями и рыцарством Нормандии.

Нормандский Патриарх и аквитанский князь — Рауль I Домфрон и Раймонд де Пуатье

Активная фаза смены династий в Антиохии и окончательного отстранения нормандцев от власти наступила в 1135–1136 гг. В 1135 г. умер Патриарх Бернард Валенский. Избрание нового Патриарха было организовано коннетаблем Антиохии и королевским балби Рено I Мазуаром, который последовательно — с 1132 г. — отстаивал интересы короля Фулька Анжуйского в княжестве Антиохийском. При этом новым Патриархом Антиохии стал нормандский клирик, латинский архиепископ Мамистры Рауль I Домфрон. Учитывая, что Киликия на тот момент уже была покорена Левонем I Рубенидом, архиепископ Рауль, очевидно, и так пребывал в Антиохии. Рауль оказался первым и единственным в истории нормандцем, носившим патриарший титул¹¹⁰. Однако именно этому нормандскому Патриарху, оказавшемуся ставленником/союзником короля Фулька Анжуйского и его сателлита — Рено I де Мазуара, суждено было стать одним из «архитекторов» окончательного падения нормандского господства в Антиохии. С момента своего избрания, когда он возложил на себя паллий покойного Патриарха Бернарда в со-

¹¹⁰ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States. С. 2. P. 30.

Денье Раймонда де Пуатье. Антиохия (1136–1149).
Частное собрание

боре Святого Петра, Рауль I Домфрон показал себя крайне амбициозным и склонным к необдуманной дерзости политиком. От Патриарха Бернарда он унаследовал конфликт с Римом из-за епархий Тира, однако принял в переговорах с Апостольским престолом тот тон и ту аргументацию, которые не смел поднимать ни один латинский иерарх. Унаследовав от своего предшественника конфликт из-за епархий Тира, которые Рим (безуспешно) вынуждал передать латинскому Иерусалимскому Патриархату, Патриарх Рауль I направил послание Папе Иннокентию II, в котором заявил, что «Рим и Антиохия — кафедры святого Петра, но Антиохия — первородная»¹¹¹. Его аргумент о независимости и старшинстве кафедры Антиохии в спорах с Римом будут позднее использовать православные Патриархи Антиохийские. Спустя год после своего избрания на восточную кафедру Святого Петра Рауль I Домфрон сыграл ключевую роль в переходе княжеского престола к новому государю, чья кандидатура была предложена королем Фульком Анжуйским. Этим кандидатом стал Раймонд де Пуатье.

На момент призвания Раймонда и смены династий княжество Антиохийское пребывало на пике кризиса. Его киликийские владения были завоеваны Рубенидами, его восточные фьефы таяли под ударами Имад ад-Дина Зенги. На престоле княжества по-прежнему пребывала девочка-ребенок, внучка Боэмунда I — княжна Констанция. Княжеству Антиохийскому остро был необходим приток людских ресурсов. При этом на престоле, который можно было юридически занять лишь путем бра-

¹¹¹ Hamilton B. Ralph of Domfront, Patriarch of Antioch (1135–1140) // Nottingham Medieval Studies. 1984. № 28. P. 6–7.

ка с Констанцией, должен был оказаться правитель, который учитывал бы интересы местной знати. Узелевшие нормандские бароны Антиохии также опасались амбиций трех претендовавших на власть правителей: вдовствующей княгини Алисы, короля Фулька Анжуйского и короля Рожера II Сицилийского. Рожер II, добившийся в 1130 г. королевского венца и объединивший под своей властью всю нормандскую Италию, открыто претендовал на княжеский престол. Однако Рожера II воспринимали не только (и не столько) как одаренного монарха, но и как главного притеснителя нормандской знати в Италии. Боэмунд II опасался именно Рожера, и его опасения сбылись: уже в 1128 г., после смерти герцога Вильгельма II, Рожер II взял под полный контроль итальянские владения Боэмунда II, а спустя два года после смерти князя Антиохийского передал княжество Таранто своему второму сыну — Танкреду. В случае подчинения Рожеру II Антиохия превратилась бы в отдаленную — пусть и важную — провинцию создаваемой им империи. Примечательно, что эта же логика далекого короля обеспечивала Плантагенетам многовековую верность Гиени. Но антиохийскому нобилитету необходим был свой князь, который прибыл бы с должным количеством войск, лично возглавлял бы кампании против сарацин и киликийских армян, а также своим присутствием в Антиохии способствовал бы сохранению независимого статуса княжества. Рожер II мог дать войска (тем более что его лучший полководец — аммир аммиров Георгий — был уроженцем Антиохии), однако ни Сицилийский король, ни его «аммир аммиров» — при несомненной эффективности — не соответствовали представлениям об идеале феодального, рыцарственного государя. У антиохийского нобилитета также были все причины опасаться усиления и амбиций Фулька Анжуйского; возведение на престол нового князя освободило бы Антиохию от регентства короля Иерусалимского. При этом партия нормандской знати, которая открыто восстала против Фулька Анжуйского, потерпела поражение в битве при Ругии в 1132 г. и не смогла установить свою власть над гаванью Святого Симеона и Антиохией при начале восстания.

Раймонд был младшим сыном «первого трубадура Европы», Гильома IX, герцога Аквитанского и графа Пуатье (1071–1127 гг.) Точная дата его рождения неизвестна, однако предполагается, что рожден около 1115 г.; Сен-Максенская хроника говорит о нем как о самом младшем из детей герцога Гильома IX¹¹². Архиепископ Гильом Тирский также го-

¹¹² Chronicon sancti Maxentii Pictavensis // Chroniques des Eglises d'Anjou. Paris, 1869. P. 419.

Король Рожер II Сицилийский, коронуемый Христом.
Мозаика церкви Санта-Мария дель Аммиральо. Палермо. Середина XII в.

ворит о нем как «юном» человеке (*adolescens*), «ланиты которого еще покрывал юношеский пушок»; Раймонду при восшествии на княжеский престол Антиохии едва ли было больше 16, но меньше 20 лет¹¹³. Вопрос о том, был ли Раймонд законнорожденным сыном Гильома IX, также остается открытым. Его старший брат Гильом X (1099–1137 гг.) наследовал владения отца, в то время как Раймонд отбыл для службы ко двору нормандского короля Англии Генриха I, который лично посвятил его в рыцари¹¹⁴. Путешествие Раймонда из Англии в Антиохию крайне характерным образом раскрывает систему связей внутри «нормандского» мира. Несмотря на то, что Раймонд отбыл из Англии тайно и не раскрывал конечной цели своего путешествия, нормандские бароны Англии уведомили о его отбытии в Сирию короля Рожера II Сицилийского, который немедленно объявил облаву в подвластных ему портовых городах Южной Италии¹¹⁵.

В апреле 1136 г. Раймонд де Пуатье прибыл в гавань Святого Симеона; он был торжественно встречен в Антиохии и представлен Патриарху, Высокой палате, вдовствующей княгине Алисе и ее дочери — восьмилетней нормандской государыне, княжне Констанции де Отвилль. В те-

¹¹³ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. P. 618, 637.

¹¹⁴ *Ibid.* Lib. XIV. C. 20. P. 635–637. *Orderic Vitalis*. Op. cit. Vol. IV. Lib. XIII. C. 20. P. 635–637.

¹¹⁵ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 20. P. 635–636.

чение последующих дней разыгралась интрига, в которую были прямо вовлечены Патриарх Рауль I и коннетабль Антиохии Рено I де Мазуар. Княгиня Алиса оказалась введенной в намеренное заблуждение (при активном попустительстве и участии самого Раймонда), была уверена, что жених прибыл к ней. В день, обозначенный как день свадьбы, Алиса готовилась к торжествам во дворце, в то время как ее дочь — восьмилетняя княжна Констанция — была тайно выведена из дворца, приведена в собор Святого Петра и обвенчана с Раймондом де Пуатье, после чего Патриарх совершил инвеституру Раймонда как князя Антиохийского. То есть здесь мы имеем дело с заговором, в который была посвящена по крайней мере часть антиохийского нобилитета, во главе с коннетаблем и балы Антиохии Рено I де Мазуаром, королем Фульком Анжуйским, однако ключевым исполнителем — в силу необходимости совершить таинство брака и инвеституру аквитанского князя — оказался нормандский Патриарх Рауль I Домфрон¹¹⁶.

Утверждение Раймонда де Пуатье на княжеском престоле открыло путь к массовому притоку в Сирию знати и простых переселенцев из Аквитании и Пуатье. О сопровождавших Раймонда и перебравшихся в Сирию аквитанцах пишет Ордерик Виталий¹¹⁷. Пост шателена Антиохии (и Антиохийской цитадели) занял аквитанец Петр Армоин; пост декана Антиохии занял племянник Петра, молодой аквитанский клирик Амори де Лимож¹¹⁸. Со времен правления Раймонда де Пуатье впервые упоминается род де Сармения (получивший свое родовое имя по переданному им в лен поселению Сармения/Сирмания к югу от Антиохии), представители которого занимали пост сенешаля Антиохии вплоть до второй половины XIII в.¹¹⁹ Пост коннетабля Антиохии перешел от нормандца Готье де Сурдеваля к аквитанцу Рожеру де Рошу¹²⁰. В качестве графа Мараша и Кайсуна, в период восшествия Раймонда де Пуатье на княжеский престол Антиохии, был утвержден некий Бодуэн, связанный с новым князем Антиохийским дружескими и, вероятно, родственными узами. Армянский автор Василий Доктор, бывший не только современ-

¹¹⁶ Ibid. P. 636–637.

¹¹⁷ *Orderic Vitalis*. Op. cit. Vol. IV. Lib. XIII. C. 34. P. 192.

¹¹⁸ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XV. C. 18. P. 688.

¹¹⁹ Речь идет о сенешалях Эшиварде де Сармения (1149–1169 гг.), Жервэ (1181–1199 гг.) и Ашари (1216–1251 гг.). См.: *Caben C. La Syrie du Nord...* P. 454–456.

¹²⁰ Готье де Сурдеваль в последний раз упоминается как коннетабль Антиохии в 1135 г., хотя последнее письменное упоминание о нем относится к 1154 г. См.: *Röbriicht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani*. Innsbruck, 1893. № 150. P. 37. Рожер де Рош впервые фигурирует как коннетабль Антиохии в 1140 г., см.: Ibid. № 195. P. 48.

ником, но и духовником Бодуэна Маращского, говорит о нем как о брате Раймонда¹²¹; однако это, возможно, является фигурой речи. В числе детей герцога Гильома IX Аквитанского Бодуэн не упоминается. При этом младший брат и преемник Бодуэна — граф Рено Маращский, погибший вместе с Раймондом в битве при Инабе (1149 г.), братом антиохийского князя не именуется, хотя Михаил Сириец и использует в отношении погибших франкских государей поэтические эпитеты «лев» и «львенок»¹²². Более вероятно, что Бодуэн и его брат Рено были кузенами Раймонда; так или иначе, их появление на Востоке и утверждение в Мараше хронологически и политически связано с восшествием на княжеский престол Раймонда. Так, с утверждением Раймонда де Пуатье на антиохийском престоле аквитанцы заняли посты коннетабля, шателена и декана Антиохии, а также были утверждены в важнейшей сирийской сеньории — графстве Мараша, игравшего роль передовой, северной «марки», расположенной на стыке Анатолии, Киликии и территории графства Эдесского.

Помимо малолетней княгини Констанции, самым высокопоставленным нормандцем в Сирии оставался Патриарх Рауль I Домфрон. Амбиции Домфрона и тот факт, что именно он сделал возможным возведение на престол Раймонда, делали столкновение между нормандским Патриархом и аквитанским князем неизбежным. Яркое описание этого противостояния оставил Гильом Тирский, видевший обоих мужей в годы своего детства. По словам архиепископа Тирского, Раймонд был «удивительно высоким и прекрасно сложенным (...), превосходившим по красоте всех королей и правителей мира; человек приятный в обращении и беседе, открытый и несравненно великолепный; в своих познаниях военной тактики и умении владеть оружием он превосходил всех, кто был до и после него; покровитель письменности, хоть и сам безграмотный...». Гильом называет Раймонда благочестивым христианином, «с особой жадой» посещавшим богослужения, верным мужем, оберегавшим свою супругу Констанцию, князем «щедрым без меры» и в то же время человеком вспыльчивым, опрометчивым и слишком привязанным к азартным играм. Будучи — подобно отцу — покровителем трубадуров и любителем зарождавшейся куртуазной поэзии, Раймонд при этом был неграмотным человеком, умевшим лишь ставить свою подпись; по

¹²¹ *Basil le Docteur*. Oraison funèbre de Beudoin, comte de Marasch et de K'eçoun // RHC Arm. I. Paris, 1869. P. 213, 215.

¹²² *Michel le Syrien*. Op. cit. Vol. III, P. 289.

словам Гильома, «несмотря на то, что сам он был неграмотным, он был культиватором литературы»¹²³.

Не менее яркое описание касается Патриарха Рауля I: «Господин Рауль был высоким, красивым мужем. Его глаза немного косились, но не чрезмерно. Он не был хорошо образован, но был искусным оратором и веселым товарищем, и манеры его были хороши. Из-за своей великой щедрости он снискал расположение как рыцарей, так и бюргерства. Он плохо соблюдал свои обещания и договоры и вначале говорил одно, а затем — другое. Он был сложным человеком, хитрым, осторожным и проницательным. Его основным недостатком было то, что он не возвращал своего расположения тем, кого он естественным образом оттолкнул, когда те желали примириться. Его называли заносчивым и самовлюбленным, и это было правдой»¹²⁴. При указанных недостатках Патриарх Рауль I был сторонником теории превосходства «священства» над «царством» и регулярно давал понять Раймонду, что тот именно ему обязан своим княжением в Антиохии. Совершенно очевидно, что в сложившейся обстановке даже более разумный нормандский Патриарх стоял на пути аквитанской экспансии в Антиохии, а Рауль I — в силу указанных слабостей и дефектов характера — к тому же открыто провоцировал Раймонда и его сторонников.

После вторжения императора Иоанна II Комнина и утверждения византийского сюзеренитета над Антиохией (когда князь и Патриарх вынуждены были вместе противостоять ромейским притязаниям и искать компромисса с василевсом) конфликт между Раймондом де Пуатье и Раулем I Домфроном перешел в открытую фазу. В 1139 г. Раймонд де Пуатье поддержал двух клириков — архидиакона Антиохии Ламберта и каноника собора Святого Петра Арнульфа — в их выступлении против Патриарха: Рауля I обвиняли в незаконном присвоении и использовании церковной собственности. При поддержке князя жалоба не только дошла до Папы Иннокентия II, но к ней было присовокуплено более серьезное обвинение: Раймонд и его сторонники поставили вопрос о законности избрания и восшествия Рауля I Домфрона на патриарший престол. Рауль I был вызван в Рим, покинув Сирию в том же году. Однако Папа Иннокентий II при встрече с Раулем (на время отказавшимся от своих притязаний

¹²³ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 21. P. 637–638. Именно при дворе князя Раймонда в Антиохии был создан один из шедевров поэзии XII в. «Chanson Des Chétifs». Новое издание текста с комментарием см.: *The Chanson Des Chétifs and Chanson de Jérusalem. Completing the Central Trilogy of the Old French Crusade Cycle*. Aldershot, 2020.

¹²⁴ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XV. C. 17. P. 686.

на верховенство и, очевидно, сумевшим очаровать англо-нормандского понтифика) предпочел примириться с Патриархом, даровав ему паллий и признав его полномочия. В противостоянии с князем Раймондом Рауль I Домфрон сделал ставку на союз не только с графом Жосленом II Эдесским (учредив в его графстве архиепархии Куриса/Кира и Иераполя), но и с гораздо более опасным противником князя Антиохийского — с королем Рожером II Сицилийским, нормандским правителем, претендовавшим на престол Антиохии. В Сирию Патриарх вернулся на сицилийских галерах, что было прямым сигналом и угрозой Раймонду. Ответ аквитанского князя не заставил себя ждать: 30 ноября 1140 г. князь Раймонд, при поддержке папского легата — кардинала Альбери Остийского и подавляющего большинства антиохийского епископата, созвал в Антиохии собор, низложивший Патриарха Рауля I Домфрона. Патриарха обвиняли в узурпации патриаршего престола, злоупотреблении церковным имуществом и симонии, а также в прелюбодеянии. Из всех собранных епископов в его защиту высказались лишь архиепископ Апамеи и «эдесские» архиепископы (Эдессы, Иераполя и Кира); все подвластные Раймонду епископы, а также иерусалимская и римская делегация проголосовали за низложение Рауля. Сам Патриарх на собор не явился, что стало дополнительным каноническим обоснованием для его низложения. 2 декабря 1140 г. Патриарх Рауль I был низложен, взят под стражу — вопреки протестам франкского бюргерства и части нормандского рыцарства Антиохии — войсками Раймонда и сослан в лавру Святого Симеона на Дивной горе¹²⁵. Заслуживает внимание и тот факт, что низложенного латинского Патриарха заточили именно в лавре Святого Симеона, в монастыре, где — помимо нескольких бенедиктинских монахов — подавляющее большинство братьев составляли мелькиты, ромеи и грузины. В этом можно усмотреть косвенный признак устанавливавшегося «конкордата» между светской властью франков (прежде всего — самих князей Антиохийских) с православным населением, «конкордата», который укреплялся за счет обоюдного неприятия амбиций и притязаний латинской церковной иерархии. Позднее именно антиохийская ветвь династии Рамнульфидов (точнее — внук Раймонда де Пуатье князь Боэмунд IV Одноглазый) восстановит православный Патриархат в Антиохии¹²⁶.

¹²⁵ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XV. C. 16–17. P. 684–686; *Hamilton B.* The Latin Church... P. 34–38.

¹²⁶ Подробнее см.: *Brun S.P.* Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // *Istoricheskij Vestnik*. 2017. T. 20. P. 58–81.

С низложением Рауля I Домфрона на антиохийский патриарший престол был избран один из молодых, прибывших в Сирию аквитанских клириков — вышеупомянутый декан Антиохии Амори де Лимож. Избрание и хиротония Амори де Лиможа ознаменовали окончательную консолидацию как светской, так и церковной власти в руках аквитанцев. На момент восшествия на патриарший престол Амори де Лиможу было не более 30 лет. Он оставался на патриаршем престоле на протяжении более полувека; в моменты кризисов в истории Антиохийского княжества и Патриархата он неоднократно принимал регентство и возглавлял оборону Антиохии. При этом он сыграл выдающуюся роль в зарождении концепции унии и установлении контактов Рима с восточными Церквями. При этом он вступал в острые конфликты с преемниками Раймонда — Рено де Шатильоном и Боэмундом III, в которых он познал положение и подверженного пыткам узника, и агрессора, предававшего мечу жителей Антиохии¹²⁷. Около 1144 г. Рауль I смог бежать из лавры Святого Симеона, сесть на корабль и отплыть в Рим, где Папа Люций II принял его и, рассмотрев дело, признал законным Патриархом. Однако около 1146 г. Рауль I умер в Риме, так и не вернувшись в Сирию¹²⁸. Вскоре после этого Амори де Лимож был признан законным Патриархом Антиохийским.

Итак, в период между 1136 и 1140 гг. нормандцы были оттеснены от власти в Антиохии: княжеский и патриарший престолы, посты коннетабля и шателена Антиохии, графство Мараша, Рабана и Кайсуна и, вероятно, часть других сеньорий и фьефов перешли к выходцам из Аквитании и Пуатье. Символом смены династий — от Отвиллей к Рамнульфидам — стала монетная реформа в Антиохии: переход от византийских фоллисов (связанных с нормандским правлением) к серебряным денье и оболам западноевропейского типа. Примечательно, что никакой «геральдической» реформы новая династия не провела: знамя и щит князя

¹²⁷ Личности Амори де Лиможа и осмыслению его патриаршества посвящен ряд исследований Бернарда Гамильтона, см.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... passim; Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c. 1142–1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context — Contacts — Confrontations. Vol. II. Leuven, 1999; Hamilton B. Aimery of Limoges, Patriarch of Antioch: ecumenist, scholar and patron of hermits // Elder E.R., ed. The Joy of Learning and the Love of God. Essays in Honor of Jean Leclercq. Kalamazoo, 1995.* Об агрессии Амори де Лиможа и атаке его войск на Антиохию в период войны с Боэмундом III (1180–1181 гг.) см.: *Stone M.E., Kedar B.Z. A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II. Leuven, 2006.*

¹²⁸ *Guillaume de Tyr. Op. cit. Lib. XV. C. 17. P. 686; Hamilton B. The Latin Church... P. 37.*

Антиохийского оставались чистым, алым полем. Разумеется, геральдика в рассматриваемый период лишь зарождалась, однако не сохранилось ни единого упоминания о том, чтобы в Антиохии произошли какие-либо перемены, в частности введение льва Рамнульфидов, как сделали Лузиньяны при занятии Кипрского престола в конце XII в.¹²⁹

Несмотря на соответствие всем представлениям современников об идеальном рыцаре и страхе, внушаемом сарацинам, Раймонд показал себя государем, который не смог вывести княжество Антиохийское из череды поражений. В его правление доверенное ему княжество выдержало три византийских вторжения, сопровождавшиеся осадами Антиохии; при этом последнее и наиболее деструктивное вторжение было вызвано его необдуманной кампанией в Киликии в 1143 г. Он не смог отстоять независимость княжества от имперских притязаний и не оказал поддержки графу Жослену II де Куртенэ при падении Эдессы. Его крайнее сближение со своей племянницей — герцогиней Элеонорой Аквитанской (супругой короля Франции Людовика VII Молодого) во время их совместного пребывания в Антиохии¹³⁰ стоило Раймонду и его государству поддержки французского короля и его рыцарства в годы Второго крестового похода (1147–1149 гг.), что имело роковые последствия для княжества Антиохийского¹³¹. Терпел он и поражения в полевых сражениях — от ромейского полководца Просуха у Баграса в 1144 г., где неудачно атаковал византийский лагерь, и у Инаба — от рук Нур-ад-Дина — в 1149 г. Последнее сражение, в котором Раймонд бился до последнего, обернулось гибелью аквитанского князя. Как и его предшественники — Рожер († 1119) и Боэмунд II († 1130), Раймонд пал на поле боя (сраженный в поединке курдским воином Ширкухом, дядей Салах ад-Дина), а его голова — голова третьего князя Антиохийского подряд (!) — была отправлена в Багдад в качестве дара Нур ад-Дина Аббасидскому халифу.

¹²⁹ *Schlumberger G.* Numismatique de L'Orient Latin. Paris, 1878. — passim; *Metcalfe D.M.* Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969–1268 // East and West in the medieval Eastern Mediterranean. Leuven, 2006. P. 283–318. Об алом знамени и щите князя Антиохийского с указанием дошедших источников см.: *Brun S.P.* Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. Vol. II. P. 259–260.

¹³⁰ Вопрос о наличии половой или по крайней мере интимного характера связи между дядей и племянницей остается открытым, однако их близость — какую бы форму она ни приняла — стала поводом для разрыва отношений между Раймондом де Пуатье и взревнованным королем Людовиком VII. Подробнее см.: *Guillaume de Tyr.* Op. cit. Lib. XVII. C. 3–6.

¹³¹ При этом часть рыцарей и паломников из армии короля Людовика VII все же осели в Антиохии, в том числе будущий преемник Раймонда де Пуатье на «ложе и престоле» княгини Констанции де Отвилль — Рено де Шатильон.

В последующие за битвой у Инаба годы княжество Антиохийское лишилось всех своих владений к востоку от Оронта; в 1188 г. Салах ад-Дин лишил княжества Латакии и Джабалы, превратив Антиохию в изолированный анклав, в «город-государство». Борьба князей Антиохийских за Киликию будет продолжаться на протяжении последующих 70 лет и приводить лишь к промежуточным успехам в 1180-х и 1220-х гг. Падение нормандского господства и воцарение Рамнульфидов совпало с периодом усиленной зависимости княжества Антиохийского от державы ромеев. В 1150–1170-х гг. князья Антиохийские, отпрыски сирийской ветви Рамнульфидов (династии де Пуатье) и их рыцари бились под знаменами державы ромеев в кампаниях против тюрок, киликийских армян и даже итало-нормандцев. Младший сын князя Раймонда — Бодуэн де Пуатье — погиб, командуя франкской конницей императора Мануила I Комнина в битве у Мириокефала¹³². Иоанн Киннам приводит описание одного из антиохийских рыцарей — Фомы, который отличился в войне императора Мануила I Комнина против Вильгельма I Сицилийского и погиб, сражаясь с итало-нормандскими рыцарями в битве у стен Бриндизи¹³³. То есть представители антиохийского рыцарства (неясно, нормандского или аквитанского происхождения) воевали на стороне империи против нормандского Сицилийского королевства. Династия Рамнульфидов будет править Антиохией до уничтожения города мамлюками в 1268 г., а в 1187 г. воцарится Триполи, объединив два государства на условиях личной унии. В 1267 г. младшая ветвь этой династии утвердится на престоле Кипрского королевства, которым будет править на протяжении более чем двухсот лет, до 1489 г.

Борьба нормандцев с другими «франками» за господство в сиро-палестинском регионе. Ретроспектива (1097–1140 гг.)

В контексте данной темы необходимо провести краткую ретроспективу предшествующих конфликтов между нормандцами и другими «франками», осевшими в Заморской земле (Outremer). Первым, как было сказано выше, была киликийская кампания Танкреда и Бодуэна Булонско-

¹³² *Nikita Honiat. Istoriya so vremeni carstvovaniya Ioanna Komnina. Ryazan'. Aleksandriya, 2003. Lib. VI. S. 3. P. 194.*

¹³³ *Ioann Kinnam. Kratkoe obozrenie carstvovaniya Ioanna i Manuila Komninov // Vizantijskie istoriki, perevedennye s grecheskogo pri S.-Peterburgskoj duhovnoj akademii. SPb., 1859.*

го, во время которой соперничество за левантийские города привело к первому полномасштабному сражению — битве у Мамистры (1097 г.), протекавшей в разгар Первого крестового похода.

Со следующего, 1098 г. началось острое противостояние между нормандцами Боэмунда и провансальцами графа Раймонда Сен-Жилльского. Это противостояние двух «полюсов» средневекового франкоязычного мира, «южан» и «северян», говоривших на разных языках, осложнялось личным противостоянием графа Раймонда и Боэмунда: сын Гвискара настаивал на создании независимого нормандского государства в Сирии и Киликии, в то время как граф Сен-Жилльский, сохраняя верность союзу с василевсом, при прямой поддержке Ромейской державы на протяжении нескольких лет противостоял попыткам Боэмунда укрепить и расширить свою власть. До конца 1098 г. провансальцы удерживали дворцовый комплекс и Мостовые врата Антиохии, а также ряд крепостей к югу от города. В 1099 г. граф Раймонд сорвал первую нормандскую осаду Латакии и укрепил византийский гарнизон собственным контингентом¹³⁴. Противостояние между нормандцами и провансальцами приобрело и религиозный аспект: напомним, что проповедь Петра-Варфоломея и обретение «Святого копья» в Антиохии были связаны исключительно с провансальцами. Видения Петра-Варфоломея и аутентичность реликвии открыто оспаривались нормандцами, чьи вожди (в частности — Боэмунд, но также Танкред и Роберт II Коротконогий) и контингенты сделали гораздо больше для общей победы у Антиохии, чем обретенная провансальцами «реликвия». Сам Петр-Варфоломей умер после «испытания огнем», устроенного ему близким к нормандцам клириком (фламандцем по рождению) Арнульфом де Шоке, во время марша крестоносной армии через Ливан¹³⁵.

Победителем в противостоянии с провансальцами оказался Танкред. В 1102 г. он пленил графа Раймонда Сен-Жилльского, конфисковал предоставленные ему императором Алексеем I Комниным сокровища и казну и вынудив старого графа увести свой гарнизон из Латакии. Позднее Танкред смог заключить союз с одним из вождей провансальских крестоносцев графом Гильомом-Жорданом, а затем установить невероятно близкие, дружественные отношения с внуком Раймонда Сен-Жилльского, юным графом Понсом Триполийским. Танкред лично посвятил в рыцари Понса, передал ему в качестве фьефа Тартус, Сафиту,

¹³⁴ *Asbridge T.S. The Creation of the Principality of Antioch... P. 36–45.*

¹³⁵ *Radulfo Cadomensis. Op. cit. C. 108.*

Мараклею и Крак де Шевалье, а на смертном одре завещал ему свою супругу — Сесилию Капет (которая позднее родила Понсу трех детей, в том числе графа Раймонда II)¹³⁶.

При всей ожесточенности противостояния с провансальцами у Боэмунда I складывались достаточно открытые, дружественные отношения с другими «франками», которые стекались под его знамена. Среди них первенствующее место занял Бодуэн де Бурк, которому Боэмунд I доверил командование войсками в Антиохии. При поставлении первого латинского Патриарха Боэмунд I избрал в качестве своего кандидата Бернарда Валенского, уроженца Оверни, которого до этого возвел на кафедру Арты, хотя ему ничто не мешало возвести на патриарший престол клирика-нормандца¹³⁷. На момент своего пленения тюрками (у Мелитены, в 1100 г.) Боэмунд I оставил во главе Церкви Антиохии «южанина» Патриарха Бернарда Валенского, а во главе войск, стоявших в столице, — Бодуэна де Бурка. Во время своего второго правления, после освобождения из сельджукского плена, Боэмунд I — в период опалы Танкреда — приблизил к себе Жослена де Куртенэ, с которым совершил кампанию на стыке Сирии и Анатолии и которому передал Мараш.

Как уже было сказано выше, цикл вооруженных противостояний, перераставших в открытые войны, связал княжество Антиохийское и графство Эдесское. Первая война (1107–1108 гг.) была связана с борьбой Бодуэна II де Бурка и Жослена I де Куртенэ освободить графство от нормандской «опеки», вторая (1127–1128 гг.) — со стремлением графа Жослена I Эдесского силой отвоевать у антиохийцев обещанный ему Азас и прилегающие земли¹³⁸.

Также имеет смысл привести обзор тех франков, которые сыграли ключевую роль в вытеснении нормандцев из Леванта. Этот список, естественно, открывает Бодуэн I — первый граф Эдесский и первый король Иерусалимский (ок. 1060–1118). Осенью 1097 г., получив от старших братьев — графа Эсташа III Булонского и герцога Готфрида Бульонского — отряд из двух тысяч человек, именно он во время киликийской кампании оттеснил итало-нормандцев Танкреда из Тарса и вступил с ними в бой у Мамистры, тем самым положив начало вой-

¹³⁶ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 5. P. 612–613; *Gibb G.* Op. cit. P. 91.

¹³⁷ Здесь, вероятно, первенствующую роль сыграл тот факт, что Бернард Валенский был капелланом папского легата Адемара Монтейльского, героя и архипастыря Первого крестового похода. См. *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. VI. C. 23. P. 275; *Orderic Vitalis*. Op. cit. Vol. III. Lib. X. C. 21. P. 309.

¹³⁸ См. выше.

нам франкских феодалов на Ближнем Востоке и междуусобицам среди крестоносцев. Будучи уроженцем Булони, Бодуэн не был принципиально настроен против нормандцев; его отец — граф Эсташ II Булонский был одним из старших сподвижников Вильгельма Завоевателя при покорении Англии. Сам Бодуэн, бросив предназначавшую ему церковную карьеру, женился на нормандке — Годехильде де Тосни, с которой отправился в Первый крестовый поход и которая умерла во время перехода через Малую Азию¹³⁹. Несмотря на открытое столкновение с Танкредом в Киликии, у Бодуэна I сложились добрые отношения с Боэмундом I: государи Антиохии и Эдессы вместе совершили паломничество в Иерусалим на Пасху 1100 г., а позже Бодуэн I занял Мелитену, откликнувшись на призыв о помощи Боэмунда I. С Танкредом его по-прежнему разделяла кровная вражда, и при вступлении на иерусалимский престол (совпавший с отбытием Танкреда в Антиохию) Бодуэн I последовательно передавал созданное нормандцами княжество Галилейское своим вассалам, выходцам из северо-восточной Франции — Гуго де Фокамбергу (1101–1106 гг.) и Жервэ де Базошу (1106–1109 гг.). В 1109 г. вынужденно возвратил Танкреду земли и титул князя Галилейского, однако после смерти нормандского князя утвердил в Галилее Жослена I де Куртенэ, известного своими антинормандскими настроениями. Так, король Бодуэн I сделал все возможное, чтобы путем мирной передачи Галилеи искусно подобранным вассалам вытеснить нормандцев из созданного ими княжества. Еще одним эпизодом крайне характерных взаимоотношений Бодуэна I с нормандцами стал его брак с Аделаидой дель Васто, вдовой графа Рожера I Сицилийского (1113 г.). Как известно, истратив щедрое приданое Аделаиды, Бодуэн I дал латинскому Патриарху Иерусалима аннулировать их брак под предлогом «многоженства» самого короля (его брак со второй, армянской, супругой не был канонически аннулирован). Этот поступок вызвал многолетнее отчуждение между королевством Иерусалимским и графством Сицилийским, которое сын Аделаиды — Рожер II — превратил в королевство¹⁴⁰. При этом что Бодуэн I сумел добиться своего признания как старшего из государей Заморской земли и выстроить функциональный альянс с Танкредом (с которым они неоднократно выступали в совместные кампании против мусульман), княжество Антиохийское оставалось единствен-

¹³⁹ *Runciman S. A History of the Crusades... Vol. I. P. 189.*

¹⁴⁰ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. XII. C. 13. P. 842–845; Fulcheri Carnotensis. Op. cit. Lib. II. LXIV.*

ным франкским государством в Леванте вне вассальной зависимости от короля Иерусалимского.

Преемник Бодуэна I — Бодуэн II де Бурк — терпел неоднократные поражения от Танкреда, однако сумел пережить своего противника и добиться более внушительных успехов в утверждении своего господства над нормандской Антиохией. Точная степень родства Бодуэна II де Бурка с Готфридом Бульонским и Бодуэном I неизвестна, хотя он фигурирует как их «родственник» в латинских текстах. Как было сказано выше, около 1098 г. он перешел на службу к Боэмунду I Антиохийскому и в момент пленения нормандского князя был командующим стоявшими в Антиохии войсками. В период Первого крестового похода он поддерживал добрые отношения с Танкредом, с которым они вместе приняли участие в освобождении Вифлеема, однако после битвы у Харрана, с началом вышеописанной борьбы за графство Эдесское, два государя оказались смертельными врагами. Бодуэн II смог вернуть графство Эдесское, однако трижды оказывался разбитым Танкредом на поле боя, не выиграв ни одного сражения за всю войну 1107–1109 гг. Он придерживался дружественных отношений со следующим нормандским правителем Антиохии — князем Рожером, с которым заключил династический союз (выдав за Рожера свою сестру Сесилию). После гибели Рожера в битве на Кровавом Поле (1119 г.) Бодуэн II фактически спас княжество Антиохийское и принял всю полноту власти над городом, где когда-то был наемником-шателеном. При этом в 1126 г. он с готовностью передал княжество прибывшему на восток Боэмунду II. Однако политика Бодуэна II в отношении Антиохии не кажется столь уж альтруистичной: после смерти Танкреда он вел искусную и продуманную политику «матримониального подчинения» княжества Антиохийского. Выдав свою сестру Сесилию за князя Рожера, он — после смерти Ги де Шевреля — добился передачи ей княжества Тарса и Мамистры, самой важной и обширной из сеньорий нормандской Антиохии¹⁴¹. В 1126 г. де Бурк убедил Боэмунда II взять в жены свою вторую дочь — Алису, а в 1130 г., после ее мятежа, добился передачи ей Латакии и Джабалы. В 1122 г. Бодуэн II выдал сестру покойного князя Рожера — Марию Салернскую — за своего кузена и ближайшего соратника Жослена I Эдесского, обещав последнему Азас и северо-восточную окраину княжества Антиохийского. Таким образом, к моменту смерти Бодуэна II его

¹⁴¹ *Stepanenko V.P.* Ciciliya «Dama Tarsa i sestra korolya»... passim.; *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch... P. 171.

внучка Констанция была законной правительницей княжества Антиохийского, его дочь Алиса — княгиней Латакии и Джабалы, его сестра Сесилия — княгиней Тарса и Мамистры («дамой Тарса»). Матримониальная политика распространялась не только на великие, но и на малые фьефы княжества Антиохийского. Фульхерий Шартрский пишет о том, что король Бодуэн II «раздал земли скончавшихся нобилей — живым (...) соединив вдов, коих обнаружил изрядное число, с новыми мужьями»¹⁴².

Ожесточенным противником нормандского господства был кузен Бодуэна II де Бурка¹⁴³ и его преемник на эдесском престоле Жослен I де Куртенэ. Прибыв на восток в 1101 г., Жослен не был изначально настроен против нормандцев; он получил Турбессель от графа Бодуэна II Эдесского и Мараш — от Боэмунда I Антиохийского. Однако ожесточенное противостояние Жослена с нормандцами началось в 1107 г.; именно Жослен возглавил борьбу за возвращение графства Эдесского Бодуэну II де Бурку и в этой череде войн и столкновений неоднократно атаковал антиохийских франко-нормандцев. В 1127–1128 гг. он вступил в новую войну с Боэмундом II (желая подчинить себе земли у Азаза), за что попал под отлучение от Церкви. В этой второй войне с княжеством Антиохийским Жослена I вынуждены были останавливать Бодуэн II де Бурк и латинский Патриарх Бернард Валенский. В 1130 г. Жослен I вместе с графом Фульком Анжуйским осаждал Антиохию от имени короля Бодуэна II де Бурка. После капитуляции Алисы именно Жослен был назначен бальи княжества Антиохийского и опекуном малолетней княжны Констанции, что ознаменовало финальный триумф графа Эдесского в его многолетнем конфликте с нормандцами Антиохии; наслаждаться этим триумфом ему долго не пришлось, так как в следующем году он умер от полученных ран в разгар войны против сельджуков.

Наиболее успешным в «вытеснении» и отстранении нормандцев от власти — не только на Востоке, но и на Западе — оказался Фульк V Анжуйский (ок. 1089/1092–1143 гг.), ставший в 1131 г. королем Иерусалимским. Как было сказано выше, с X–XI вв. графство Анжуйское находилось «на передовой» борьбы с нормандцами. В 1053–1054 гг., 1077 и 1081 гг. Нормандия была атакована войсками графов Анжуйских, причем последние две атаки были совершены Фульком IV — от-

¹⁴² *Fulcheri Carnotensis*. Op. cit. Lib. III. C. 7. 633–634.

¹⁴³ Матери Бодуэна II де Бурка и Жослена I де Куртенэ были сестрами. См.: *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIX. C. 4. P. 889.

цом будущего короля Иерусалимского. В 1127 г. Фульк V женил своего сына Жоффруа на дочери и наследнице короля Генриха I Английского Матильде. Рожденный от этого брака сын — Генрих II Плантагенет — смог в 1154 г. фактически бескровно воплотить и превзойти стремления графов Анжу, заняв по праву наследования престолы королевства Англия и герцогства Нормандия. Король Фульк Анжуйский не дожил до этого триумфа своей династической политики, однако в 1136 г. он сыграл ключевую роль в смене династий в Антиохии. Как уже было сказано выше, именно ему принадлежала идея призвания Раймонда де Пуатье и возведения последнего на княжеский престол (что и было претворено в жизнь ставленником Фулька в Антиохии Рено I де Мазуаром и Патриархом Раулем I Домфроном). Так, в течение девяти лет (1127–1136 гг.) Фульк V смог «предопределить» утверждение анжуйцев на престолах Англии и Нормандии и стать не только инициатором, но и свидетелем вытеснения нормандцев и утверждения аквитанцев в Антиохии и Мараше. Благодаря Фульку Анжуйскому и Раймонду де Пуатье смещение нормандских династий в Англии и Антиохии стало делом «одной семьи», точнее двух семей: династии графов Анжу и аквитанских Рамнульфидов (дома де Пуатье). Укрепление внука Фулька V Анжуйского — Генриха II Плантагенета на престоле Англии и создание «Анжуйской империи» во многом опиралось на ресурсы его супруги — племянницы Раймонда де Пуатье, Элеоноры Аквитанской. Сын Генриха II и Элеоноры — король Ричард I Львиное Сердце (нанесший, кстати, значительный ущерб нормандцам в Италии и разгромивший Мессину) с точки зрения внешности и культуры напоминал скорее своего двоюродного деда — Раймонда де Пуатье, нежели нормандских завоевателей и правителей Англии.

Нормандцы проложили путь для экспансии латинского, франкоязычного мира, однако сам нормандский элемент оказался слишком хрупким и малочисленным. На протяжении XII в. нормандцев в созданных ими государствах смещали другие представители латинского мира: анжуйцы, аквитанцы, «франки» северо-востока и юга, в Италии — немцы, а затем — французы и арагонцы. Княжество Антиохийское в этом отношении стало первым государством, где нормандцы сдали свои позиции — под гнетом военных поражений от рук «сарацин» и политических столкновений с другими франками. История вытеснения нормандцев из княжества Антиохийского — это своеобразное «зеркало» и предтеча последующей утраты нормандскими государями Англии и самой Нормандии (перешедшей к Плантагенетам,

Св. Томас Беккет. Мозаика алтарной апсиды
собора Успения Пресвятой Девы Марии в Монреале, Сицилия

а затем — после 1204 г. — к Капетингам). Последним оплотом нормандской государственности, продержавшимся до 1194 г., было королевство Сицилийское, где пристанище получали как выходцы из Сирии, так и нормандские «эмигранты» из Англии. Памятником присутствия последних является образ архиепископа Томаса/Фомы Беккета в алтарной апсиде собора Монреале — первый образ едва преданного смерти архиепископа-мученика в монументальном искусстве христианского мира.

Вместо заключения. «Что в имени тебе моем?»

Память о нормандских основателях княжества Антиохийского — в именах, которые даровали своим детям великие и малые дома Латинского Востока. В этом отношении крайне примечательна популярность в Заморской земле имен побежденного ромеями Боэмунда и победителя империи Танкреда. Имя «Танкред» на Востоке встречается достаточно редко: оно получило большее распространение в Италии, однако это связано не с описанным выше завоевателем Киликии, Сирии и Галилеи, а с его прадедом, основателем династии Отвиль. В то же время имя

«Боэмунд» появляется вновь и вновь на протяжении всей истории Латинского Востока. В 1136–1287 гг. в Сирии правили государи, в жилах которых текла кровь Отвиллей, Капетингов, аквитанцев, арденцев, армян и даже русских; символическая связь с нормандским прошлым подчеркивалась именем Боэмунд.

Однако важно помнить, что Боэмунд изначально не было общепринятым именем. Существовала некая нормандская сказка про великана Боэмунда. Когда в калабрийском замке Сан-Марко дель Ардженто Роберу Гвискару принесли его первенца, нареченного Марком, Гвискар, видя размеры младенца, в шутку дал ему кличку «Боэмунд». В последующие годы прозвище вытеснило настоящее имя. И если на первых порах первенец Гвискара фигурировал в хартиях как «Марк», впоследствии он и сам стал подписываться именем *Bohemundus*. К примеру, на хартиях Гвискара, датированных 1076 и 1080 гг., Боэмунд фигурирует как «Марк, прозванный Боэмундом», но с конца XI в. он уже подписывался и упоминался исключительно как «Боэмунд»¹⁴⁴. В 1098 г., при сдаче цитадели Антиохии, один из предводителей сельджукского гарнизона изъявил желание принять святое крещение и принять при таинстве имя Боэмунд¹⁴⁵. С появлением «Боэмунда Турка» подобная традиция — с принятием имени прославленного вождя Первого крестового похода и нормандских войн на Востоке — стала распространяться среди латинских христиан. Несомненную популярность этому имени придало западное турне Боэмунда I (1104–1107 гг.), когда многие просили князя Антиохийского крестить их детей. Примечательным образом имя Боэмунд утвердилось в Трире, где два архиепископа носили его (Боэмунд I, † 1299; Боэмунд II, † 1367).

Имя «Боэмунд» перейдет к шести последующим князьям Антиохийским, однако важно отметить, что сами государи династий Отвилль и де Пуатье отнюдь не стремились даровать данное имя своим наследникам. Из указанных шести случаев три были связаны с попыткой князей Антиохийских уйти от данной традиции. Марк-Боэмунд I даровал имя Боэмунд своему **второму** сыну, в то время как старшего звали Иоанн/Жан; однако Жан де Отвилль умер во младенчестве, и престолы Таранто и Антиохии перешли к Боэмунду II. Раймонд де Пуатье нарек своего старшего сына Боэмундом, подчеркивая тем са-

¹⁴⁴ *Ménager L.R. ed. Recueil des actes des Ducs Normands d'Italie 1046–1127. T. I. Bigiemme, 1980. № 23, 31. P. 87, 101.*

¹⁴⁵ *Alberti Aquensis. Op. cit. Lib. III. C. 61. P. 234.*

мым связи с нормандским прошлым унаследованного Рамнульфидами княжества. Наследник Раймонда — Боэмунд III (1163–1201 гг.) даровал это имя двум (!) своим сыновьям, однако ни один из них не был наследником: старший сын и наследник Боэмунда III был назван в честь деда — Раймондом, а второй сын — Боэмундом (IV). Позднее имя Боэмунд получил младший сын князя, рожденный от его четвертого брака и ставший сиром Батруна/Ботрона. Между тем старший сын Боэмунда III Раймонд скончался до смерти отца, и престол Антиохии был захвачен вторым сыном — Боэмундом IV. Князь Боэмунд IV также даровал имя Боэмунд своему второму сыну, а старшего нарек Раймондом; однако этот Раймонд был убит ассасинами, и наследником вновь, вопреки изначальному замыслу отца, оказался Боэмунд (V). Так, Боэмунд I, Боэмунд III и Боэмунд IV отнюдь не желали даровать данное имя своим наследникам: Боэмунд I нарек первенца Жаном, Боэмунд III и Боэмунд IV — Раймондом. Имя «Боэмунд» традиционно даровалось второму сыну, однако — в силу поворотов истории — на престоле Антиохии оказалось семь государей с этим именем. Предпоследние два государя Антиохии-Триполи — Боэмунд V и Боэмунд VI Красивый — очевидно, смирились с судьбой и уже сознательно даровали имя Боэмунд своим непосредственным наследникам.

Помимо князей Антиохийских и графов Триполи, имя «Боэмунд» встречалось и среди других представителей знатных домов Латинского Востока. О Боэмунде, сире Батруна († после 1244 г.) уже было сказано выше. Помимо него, в истории Латинского Востока свое место заняли Боэмунд Лаир (один из баронов князя Боэмунда III, перешедший на службу к Левону I Рубениду); Боэмунд де Лузиньян († 1283), сын короля Гуго III Кипрского; Боэмунд Хетумид, умерший во младенчестве старший сын и наследник короля Армении Тороса (1270–1298); Боэмунд де Лузиньян — граф Корики († 1344), брат короля Ги/Константина II де Лузиньяна, убитый вместе с другими франкскими баронами в Адане; и еще один Боэмунд де Лузиньян, бывший братом последнего короля Армении — Левона V.

REFERENCES

1. *Alberti Aquensis*. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem. Oxford, 2007.
2. *Anna Komnina*. Aleksjada. M., 1965.
3. Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Heidelberg, 1890.
4. *Asbridge T.S.* The Creation of the Principality of Antioch. New York, 2000.
5. *Asbridge T.S., Edgington S.B., ed. & trans.* Walter the Chancellor's The Antiochene Wars. Aldershot, 1999.
6. *Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans.* The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans in the First Crusade. Aldershot, 2005.
7. *Baldrici, episcopi Dolensis*. Historia Ierosolimitana // RHC Occ. IV. Paris, 1879.
8. *Bar Hebraeus*. Chronography // ed. & trans. E.A. Wallis Budge. London, 1932.
9. *Basil le Docteur*. Oraison funèbre de Beaudoin, comte de Marasch et de K'eçoun // RHC Arm. I. Paris, 1869.
10. *Beech G.T.* A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097–1112 // Anglo-Norman Studies. 1993. № 15.
11. *Brand C.M.* Roussel de Bailleul // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. P. 1814–1815.
12. *Brun S.P.* Byzantine icons on the coins of a Norman ruler of Antioch. Latin reception of Byzantine iconography at the dawn of the Crusades // Kul'tura i civilizaciya. 2013. № 1–2.
13. *Brun S.P.* Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // Istoricheskij Vestnik. 2017. T. 20.
14. *Brun S.P.* Faktory identichnosti i konflikty samoopredeleniya v vojnah Antiohii i Armenii // «Vojna. Krestovye pohody. Identichnost'». Istoricheskij Vestnik. 2020. T. 31.
15. *Brun S.P.* Potomki Yaroslava — gosudari krestonoscev // Rodina. M., 2012. № 12.

16. *Brun S.P.* Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K istorii soprikosnoveniya latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka. M., 2015.
17. *Brun S.P.* Vlast' i obshchestvennoe polozhenie frankskoj zhenshchiny na Latinskom Vostoke // *Dialog so vremenem*. 2013. № 43.
18. *Buck A.D.* The Principality of Antioch and its Frontiers in the Twelfth Century. Cambridge, 2017.
19. *Cafari de Caschifelone*. Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori. Genova, 1890.
20. *Caben C.* La Syrie du Nord a l'epoque des Croisades et la principaute franque d'Antioche. Paris, 1940.
21. *Chalandon F.* La diplomatie des Normands de Sicile et de l'Italie meridionale. Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome. Paris, 1900.
22. *Chalandon F.* Numismatique des Normands en Sicile. Paris, 1903.
23. *Chalandon F.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.
24. The Chanson Des Chétifs and Chanson de Jérusalem. Completing the Central Trilogy of the Old French Crusade Cycle. Aldershot, 2020.
25. *Chronicon sancti Maxentii Pictavensis* // *Chroniques des Eglises d'Anjou*. Paris, 1869.
26. *Flori J.* Bohémond d'Antioche, chevalier d'Aventure. Paris, 2007.
27. *Fulcheri Carnotensis*. Historia Hierosolymitana. Heidelberg, 1913.
28. *Galterii Cancellarii*. Bella Antiochena // *RHC Occ. V*. Paris, 1895.
29. *Gibb G.* Damasskie hroniki krestonoscev. M., 2009.
30. *Gravett C., Nicolle D.* The Normans. Oxford, 2006.
31. *Guiberti Abbatis*. Gesta Dei per Francos // *RHC Occ. IV*. Paris, 1879.
32. *Guillaume de Tyr*. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // *RHC Occ. I*. Paris, 1844.
33. *Hagenmeyer H., ed.* Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Innsbruck, 1901.
34. *Haldon D.* Vizantijskie vojny. M., 2007.
35. *Hamilton B.* Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c. 1142–1196), and the Unity of the Churches // *East and West in the Crusades States. Context – Contacts – Confrontations*. Vol. II. Leuven, 1999.
36. *Hamilton B.* Aimery of Limoges, Patriarch of Antioch: ecumenist, scholar and patron of hermits // *Elder E.R., ed.* The Joy of Learning and the Love of God. Essays in Honor of Jean Leclercq. Kalamazoo, 1995.

37. *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. London, 1980.
38. *Hamilton B.* Ralph of Domfront, Patriarch of Antioch (1135–1140) // Nottingham Medieval Studies. 1984. № 28.
39. *Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus)* // RHC Occ. III. Paris, 1866.
40. *Ibn al-Athir.* Al-Kamil fi al-Tarikh // RHC Orient. I. Paris, 1872.
41. *Ioann Kinnam.* Kratkoe obozrenie carstvovaniya Ioanna i Manuila Komninov. // Vizantijskie istoriki, perevedennye s grecheskogo pri S.-Peterburgskoj duhovnoj akademii. SPb., 1859.
42. *Kemal ad-Din.* Histoire d'Alep // ROL III. Paris, 1895.
43. *Kugler B.* Boemund und Tancred, Fürsten von Antiochien. Tübingen, 1862.
44. *Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1976.
45. *Laurent J.* Armeniens de Cilicie: Aspietes, Oschin, Ursinus // Mélanges offerts à Gustav Schlumberger, I. Paris, 1924.
46. *Mathieu D'Edesse.* Chronique de Mathieu D'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. Paris, 1858.
47. *Metcalf D.M.* Six Unresolved Problems in the Monetary History of Antioch, 969–1268 // East and West in the medieval Eastern Mediterranean. Leuven, 2006.
48. *Ménager L.R. ed.* Recueil des actes des Ducs Normands d'Italie 1046–1127. T. I. Bigiemme, 1980.
49. *Michel le Syrien.* Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. Paris, 1905.
50. *Muratori L., ed.* Antiquitates Italicae. Vol. II. Milan, 1739.
51. *Nicolle D.* Medieval Warfare Source Book: Warfare in Western Christendom. Brockhampton, 1999.
52. *Nicolle D.* The Normans. Oxford, 1987.
53. *Nicholson R.L.* Tancred: A Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade. Chicago, 1940.
54. *Nikifor Vriennij.* Istoricheskie zapiski. Ryazan'. Aleksandriya, 2006.
55. *Nikita Honiat.* Istoriya so vremeni carstvovaniya Ioanna Komnina. Ryazan'. Aleksandriya, 2003.
56. *Norwich J.J.* The Normans in the South, 1016–1030. London, 1967.
57. *Norwich J.J.* The Kingdom in the Sun. London, 1993.
58. *Orderic Vitalis.* The Ecclesiastical History of England and Normandy. London, 1854.
59. *Paoli S., ed.* Codice diplomatico del sacro militare ordine gerosolimitano, oggi di Malta. Lucca, 1733.

60. *Petri Tudebodi*. Historia de Hierosolymitano itinere // RHC Occ. III. Paris, 1866.
61. *Petrizzo F.* 'Although He was His Nephew': A Study of the Younger Hautevilles on Either Side of the Sea' // The Haskins Society Journal. 2018. № 30.
62. *Prudnikov V.V.* Deus adiuva! Normannskie rycari v Anatolii XI–XII vv. M., 2019.
63. *Prudnikov V.V.* Kto otnyal u arabov Siciliyu? Terminy dlya oboznachenij social'nyh obshchnostej u normannov v hronike Gaufreda Malaterry (konec XI v.) // Vestnik IV RAN. 2020. № 2 (12). S. 218–231.
64. *Prudnikov V.V.* Normanny i vizantijscy: sociokul'turnye tendencii vzaimodejstviya (po vizantijskim istochnikam konca XI–XII vv.) // «Orientalistica Iuvenile». Sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk IV. M., 2017.
65. *Prudnikov V.V.* Normanny v Maloj Azii pered Pervym Krestovym pohodom v zarubezhnyh issledovaniyah // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2015. № 6. S. 188–198.
66. *Prudnikov V.V.* Normanny v Maloj Azii v XI–XII vv. [Avtoreferat dissertacii]. M., 2016.
67. *Radulfo Cadomensi*. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana // RHC Occ. III. Paris, 1866.
68. *Röbricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
69. *Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954.
70. *Schlumberger G.* Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul // Revue Historique. 1881. № 16.
71. *Schlumberger G.* Numismatique de L'Orient Latin. Paris, 1878.
72. *Stepanenko V.P.* Vizantiya i gibel' grafstva Edesskogo (1150 g.) // Vizantijskij vremennik. 1989. Vol. 50.
73. *Stepanenko V. P.* Ishkhany Edessy i vneshnepoliticheskaya orientaciya goroda v 70-h godah XI – nachale XII v. // Vizantijskij vremennik. 1984. Vol. 45.
74. *Stepanenko V.P.* Marash i grafstvo Edesskoe v Devol'skom dogovore 1108 g. // Vizantijskij vremennik. 1987. Vol. 48.
75. *Stepanenko V.P.* Ravninnaya Kilikiya vo vzaimootnosheniyah Antiohijskogo knyazhestva i knyazhestva Rubenidov v 10–40-h godah XII v. // Vizantijskij vremennik. 1989. Vol. 49.
76. *Stepanenko V.P.* Sovet dvenadcati ishkanov i Boduen Flandrskij. K sushchnosti perevorota v Edesse (mart 1098 g.) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Sverdlovsk, 1985.

77. *Stepanenko V.P.* Ciciliya «Dama Tarsa i sestra korolya». Ravninnaya Kilikiya v sostave Antiohijskogo knyazhestva 1108–1137 gg. // Vizantijskij vremennik. 1991. T. 51.
78. *Stepanenko V.P., Shandrovskaya V.S.* Tatul i Pakuriany // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg, 2005. № 36.
79. *Suggerius Abbas.* Vita Ludovici Regis // PL. Vol. 186. Paris, 1854.
80. *Todt K.-P.* Antioch and Edessa in the so-called Treaty of Deabolis (September 1108) // ARAM. 1999–2000. № 11–12.
81. *Tritton A.S., Gibb. H.* The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle // Journal of the Royal Asiatic Society. Cambridge, 1933.
82. *Usama Ibn Munkyz.* Kniga nazidaniya. M., 1958.
83. *Yewdale R.B.* Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917.

Ключевые слова:

нормандцы, Крестовые походы, княжество Антиохийское, династия Отвиль, династия Рамнульфидов, королевство Сицилийское, королевство Английское, герцогство Нормандия, герцогство Аквитания, графство Пуатье, графство Анжуйское, Боэмунд, Танкред, Рауль I Домфрон, Раймонд де Пуатье, Фульк Анжуйский.

Sergei P. Brun

EXPANSION AND DECLINE: The Principality of Antioch as an Example of the Triumph and Crisis of Norman Statehood

The primary goal of the given article is to provide a thorough (as best as the journal's format permits) examination of the events and processes that led to the fall of Norman rule in Antioch, and to establish the connection between events in question with the decline of Norman dynasties in the Kingdoms of England and Sicily, as well as in the Duchy of Normandy itself. Out of all of the states, created by the Normans in the 11th–12th centuries, it was in the Principality of Antioch that their reign proved to be the shortest, and the transition from the expansion of the Norman element to its complete decline – the most intense and striking. Since its very foundation, the Principality of Antioch found itself engulfed in wars with Muslims as well as Christians (first – with Byzantines, later on – with Armenians). Yet even though the Normans of Antioch did sustain crushing defeats from the Byzantines and especially from the Turks, the fatal blow to their statehood was dealt by their own Frankish brethren. The rivalry and open conflicts between the Normans and the other «Franks» that surrounded the Duchy of Normandy (first and foremost – the repeated conflicts with the Counts of Anjou) naturally made their way – along with the first crusaders – to the Levant, finding a new «front» in Outremer. These conflicts manifested themselves in open wars between the Normans of Antioch and the County of Edessa (in 1107–1108/1127–1128); but of far greater importance – from a historical perspective – were the clashes and alliances between the «Northern» Syrian lords and Fulk of Anjou, who in 1131 became the King of Jerusalem. It was Fulk of Anjou (1089/1092–1143) who proved to be the key figure in the transition of the Principality of Antioch from the Norman Hauteville dynasty to the Aquitanian Rannulfids (House of Poitiers); Fulk was also one of the architects that allowed for the transfer of the Kingdom of England and Duchy of Normandy to his own direct descendants – the Plantagenets. Thus, the events in Syria and Northwestern Europe found themselves directly – politically and dynastically – intertwined. The article is supplemented by an overview of the usage of the names «Bohemond» and «Tancred» among the nobility of Antioch, Cyprus and Armenia, an overview that seeks to establish a new perspective on the ties of the Franks of Outremer to the memory of the Norman leaders of the First Crusade, those who became the founding fathers of the Crusader States.

Key words: Normans, Crusades, Principality of Antioch, Hauteville dynasty, Rannulfids, Kingdom of Sicily, Kingdom of England, Duchy of Normandy, Duchy of Aquitaine, County of Poitiers, County of Anjou, Bohemond, Tancred, Ralph I of Domfront, Raymond of Poitiers, Fulk of Anjou.

Sergei P. Brun – research fellow at the Moscow Kremlin Museums.

 Брюн Сергей Павлович

научный сотрудник Музеев Московского Кремля

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.40.004

В.С. Хомутов

НОРМАННСКАЯ МОНЕТА ВЕЛИКОГО ГРАФА РОЖЕРА

1. Уникальная монета

Одним из самых интересных и оригинальных памятников средневековой нумизматики является монета, отчеканенная первым норманнским правителем Сицилии — графом Рожером I Боссо (1031–1101) из династии Отвилей. Уникальная иконография этой монеты привлекала не одно поколение нумизматов, но до сих пор она хранит много неразгаданных тайн своей чеканки.

Итак, перед нами медный трифолларо — увесистая монета номиналом в три фолларо (фоллиса) (ил. 1).

На ее аверсе запечатлен всадник на коне в рыцарском облачении. На реверсе помещено изображение фигуры Богоматери с младенцем Христом на коленях. Своим внешним видом и весом эта монета полностью выбивается из стройной денежной системы норманнов, сложившейся на Юге Италии после завоевания Калабрии и Сицилии.

Композиция и стилистика изображения обеих сторон монеты не имеют прямых прототипов ни в нумизматике, ни в сфрагистике XI–XII вв. Так же мы не находим прямых аналогов в светском и в церковном изобразительном искусстве, которые могли бы послужить прототипом

Ил. 1. Великое графство Сицилии и Калабрии, Рожер I Боссо (1085–1101), медь, трифолларо м.д. Милето (или Мессина), 1098–1101 гг. чеканки, размер: 27 мм, вес: 13,02 г. D'Andrea, 2013. Ruggero № 59.
Монета из коллекции автора

для оформления монеты великого графа Рожера. Оба изображения оригинальны и заслуживают внимательного рассмотрения.

2. Норманнский рыцарь

На аверсе монеты помещена фигура всадника в шлеме, с большим миндалевидным щитом, прикрывающим левую сторону. Правой рукой воин держит на плече копьё со знаменем. О том, что перед нами изображен непосредственно сам правитель Сицилии, говорит круговая легенда: ROGERIVS COMES — Рожер Граф.

Даже архаичная грубость стиля, наивность рисунка и ограниченный набор изобразительных средств, доступный тогда резчикам штемпелей, не помешали детально передать характерные элементы рыцарского снаряжения и конской упряжи. Так, на монетах этого типа мы можем разглядеть на голове рыцаря шлем без наносника чаще всего конической формы, порой с ярко выраженным острым навершием. Но реже встречаются монеты со шлемами полусферическими или фригийского типа (ил. 2).

В левой руке граф держит норманнский миндалевидный щит, который прикрывает ближнюю к нам сторону всадника. Он чаще всего изображен без умбона, типичного для этого типа щитов, но встречаются редкие исключения (ил. 3).

Ил. 2. Основные типы шлемов на монетах Рожера I

Рыцарь одет в характерную для норманнов длинную кольчугу, свисающую складками до середины голени. Не ускользнули от резчика штемпеля и такие важные детали, как стремена, шпоры и высокое жесткое седло. Комплекс этого снаряжения определял тактику ведения боя норманнов, основанную на сокрушительном копейном ударе конницы. Копье также присутствует на изображении: всадник держит его правой рукой по-походному, лежащим на плече. К древку копья прикреплено военное знамя, что подчеркивает высокий статус всадника.

Необычным фактом является то, что изображения штандартов великого графа на всей эмиссии трифолларо не имеют единого образца

Ил. 3. Основные формы и типы щитов

Ил. 4. Основные типы штандартов

и отличаются деталями оформления. Постоянны лишь квадратное поле у основания знамени и продольные полосы, чье количество тоже варьируется на разных монетах от трех до пяти (ил. 4).

Несмотря на то, что композиция аверса является оригинальной и не имеет прямых аналогов или прототипов, по вышеперечисленным атрибутам снаряжения мы безошибочно узнаем норманнского воина конца XI в. В схожем снаряжении запечатлены норманны на известном так называемом гобелене из Байё, созданном в конце XI в. и изображающем сцены подготовки нормандского завоевания Англии (ил. 5).

Ил. 5. Норманнский рыцарь на так называемом гобелене из Байё, сцена № 49

Ил. 6. Слепок оборотной стороны восковой печати короля Англии Вильгельма I Завоевателя предположительно 1070 г.

Оригинал: Ch 11205

Ил. 7. Аверс трифолларо Рожера I

Однако ближайшим аналогом я бы назвал большую печать современника великого графа Рожера I — короля Англии Вильгельма I Завоевателя (и его сына Вильгельма II Руфуса), на которой норманнский правитель изображен в сходном вооружении с копьём и щитом, но скачущий вправо (ил. 6).

Круговая легенда печати гласит: «Вильгельм Покровитель Норманнов», словно подтверждая догадку, что изображение короля в образе воина на коне соответствовало самовосприятию норманнского правящего класса, было в духе идеалов рыцарства и могло косвенно послужить образцом для оформления аверса монет великого графа Рожера.

3. Образ Рожера

Несмотря на грубый стиль и условность изображения, мы находим в нем интересные подробности внешнего облика норманнов конца XI в. Так, на всех трифолларо этого типа великий граф Рожер изображен без бороды и с короткой стрижкой, по норманнской моде XI в. (ил. 7).

Точно так же гладкое лицо и короткая стрижка — атрибут внешнего облика норманнской знати на упомянутом гобелене из Байё и монетах короля Англии Вильгельма I Завоевателя (ил. 8 и 9).

Ил. 8. Гобелен из Байё, сцена № 12

Что примечательно: норманны, пришедшие с Первым крестовым походом в Левант, уже в первые десятилетия XII в. перенимали восточную моду на длинные волосы и бороды, что отразилось и в нумизматике государств крестоносцев на Святой земле. Свои монеты в Леванте чеканил близкий родственник Рожера — участник Первого крестового похода князь Антиохии Танкред из норманнского рода Отвилей и граф Эдессы

Ил. 9. Аверсы монет короля Англии Вильгельма I (1066–1087) чеканки монетных дворов: а) Ромни (1066–1068) SCBC 1250¹ и б) Лондона (1083–1086) SCBC 1257²

¹ SCBC. Coins of England and the United Kingdom (2022): Pre-Decimal Issues, London, United Kingdom.

² Ibid.

Ил. 10. а) Изображение князя Антиохии Танкреда на его медном фоллисе 1101–1112 гг. чеканки, MAL, Antioch 4;
 б) изображение графа Эдессы Балдуина II на его медном фоллисе 1110–1118 гг. чеканки, MAL, Edessa 9a

Балдуин II, внук соратника Вильгельма Завоевателя — Евстахия II Бульонского. На своих монетах эти правители тоже изображены в норманнском рыцарском вооружении, но уже с бородой и длинными волосами (ил. 10).

Великий граф Рожер, несмотря на более продолжительное соседство с арабами и греками, предпочел сохранить верность норманнским обычаям и захотел быть изображенным на своей монете в традициях своих предков.

Условная, почти схематичная фигура всадника на монете графа Рожера не позволяет нам говорить о каких-то портретных чертах ре-

Ил. 11. Реверс трифолларо Рожера I

Ил. 12. Фрагмент реверса трифолларо Рожера I с изображением спеленатого Младенца Христа

Ил. 13. Денарии XI в. с изображением Девы Марии в профиль чеканки:
а) Вердена, Flon³ 20 р. 324 и б) Страсбурга Вагон 58 (ссылка 11)

ального человека. Однако это изображение несло важную репрезентативную функцию и было призвано являть перед подданными образ идеального норманнского правителя: молодого и полного сил рыцаря на боевом коне.

4. Престол Мудрости

Если фигура всадника узнаваема и имеет близкие аналогии в изобразительном искусстве рубежа XI–XII вв., то образ Богородицы с Младенцем Христом на реверсе монеты является уникальным для своего времени. Необычна сама композиция, показывающая Марию сидящей вполоборота по отношению к нам на троне с высокой спинкой и подлокотниками. Лицо Богородицы изображено в профиль и обращено к сыну, который лежит на коленях, поддерживаемый рукой Марии. Увенчанная нимбом голова Богородицы покрыта мафорием, а лежащий на спине Младенец с характерным крещатым нимбом спеленат и смотрит на Мать. Вокруг центральной композиции помещена легенда: MARIA MATER DNI — Мария, Мать Божья (ил. 11).

Подобной иконографии образа Богородицы с Младенцем мы не встречаем ни в византийской, ни в западноевропейской традиции, современной Рожеру I.

³ Flon. *Dominique Flon*; 2002. Histoire monétaire de la Lorraine et des Trois-Évêchés / Tome 3. Quatrième partie: Les règnes de Léopold et de François III et la fin de la monnaie lorraine. Société Thierry Alix, Nancy, France.

Ил. 14. Фрагменты мраморных саркофагов IV–V вв. с изображением сцены Поклонения волхвов. Из собрания Музея христианского искусства (Пио-Кристиано)

Первое, что привлекает внимание, — профили Марии и Христа. К XI в. уже сложилась устоявшаяся иконография образов Богоматери с Младенцем, где Дева Мария обращена лицом к нам, держа одетого сына перед собой или сбоку. Изображения Спасителя и святых впол-оборота или в профиль являлись неканоничными и не использовались в официальном религиозном искусстве. Однако редкие примеры появления профиля Девы Марии встречаются даже в нумизматике XI в., современного графу Рожеру, например на монетах Вердена времен епископа Тьерри Великого (1047–1089) или монетах чеканки Страсбурга времен епископа Генриха (1048–1065) (ил. 13).

Еще одной интересной деталью на трифолларо великого графа Рожера является изображение новорожденного Христа в пеленах. Абсолютно на всех монетах этого типа Мария держит на руках туго спеленатого Младенца, где пелены показаны крестовой штриховкой (ил. 12).

В иконографии Спасителя подобные изображения встречаются исключительно в сценах Рождества и Поклонения волхвов. Самые близкие по композиции к рассматриваемому примеру аналоги восходят к барельефам на так называемых рождественских саркофагах IV–V вв. Их яркой особенностью является то, что Богоматерь предстает перед нами не лежащей или сидящей возле яслей с новорожденным Христом (как в поздней рождественской иконографии), а величественно восседает в кресле с Младенцем на руках, приветствуя волхвов (ил. 14).

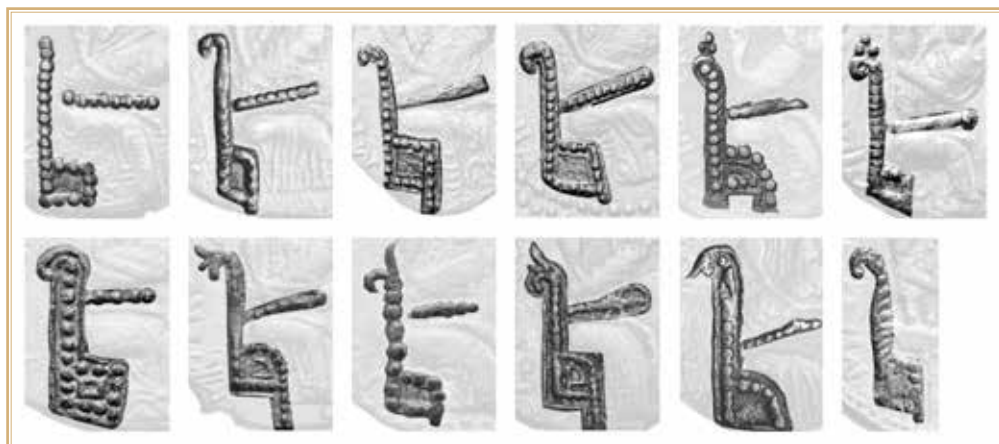
На нескольких барельефах мы даже встречаем идентичную композицию, где новорожденный Христос обращен лицом не к прибывшим волхвам, а смотрит на Мать, как на монетах Рожера (ил. 15).

Ил. 15. Фрагмент мраморного барельефа с изображением Богоматери и спеленатого Младенца, обращенного лицом к Марии. Саркофаг IV–V вв. из собрания Музея христианского искусства (Пио-Кристиано)

На показанных выше раннехристианских барельефах со сценами Поклонения Богородица сидит в высоких больших креслах или на складных стульях. Несмотря на то, что некоторые кресла показаны плетеными, по форме они схожи с деревянным или мраморным тронным местом.

На монетах Рожера I Богородица также восседает в кресле. Однако его конструкция, высокая загнутая назад спинка и длинные подлокотники говорят о том, что это парадное тронное кресло. Словно подтверждая это, мастер использовал весь скудный арсенал имеющихся у резчика штампея выразительных средств и обозначил декор трона узором

Ил. 16. Варианты оформления трона Богородицы на монетах Рожера I

Ил. 17. Романские скульптурные изображения Девы Марии с Младенцем типа «Престол Мудрости»:

- а) Оверни, 1175–1200 гг., из собрания Метрополитен-музея. 16.32.194а, б;
 б) Оверни, скульптура из базилики Нотр Дам д’Орсиваль, XII в.

из точек, которым обычно на монетах показывают драгоценные камни. На некоторых монетах изголовья кресла украшены декоративными на-вершиями (ил. 16).

Но несмотря на композиционное и сюжетное сходство барельефов рождественских саркофагов с изображением на трифолларо Рожера I, они вряд ли послужили прототипом для норманнских монет. Саркофаги с такой иконографией были редкостью даже для первых веков христианства, а чеканка трифолларо отстоит по времени от изготовления барельефов как минимум на 600 лет.

Скорее всего, основой для оформления реверса монеты послужил не древний артефакт или готовое плоскостное, или рельефное изображение Богоматери со схожей композицией, а более близкая по времени создания и использования объемная (круглая) скульптура⁴. Тип таких фигур Девы Марии с Младенцем, сидящей на троне, был уже известен в X в.

Для христиан Рождество напрямую связано не только с образом искупительной Жертвы Христа, явившегося на свет, но и воплощением Премудрости Божией, престолом для которой служит Дева Мария. Поэтому тип скульптурных изображений Богоматери на троне с младен-

⁴ Grierson P., Travaini L. *Medieval European Coinage*, vol. 14: Italy (3). South Italy, Sicily, Sardinia (Cambridge, 1998). 90 s.

Ил. 18. Так называемая Золотая Эссенская Мадонна.
 Аббатство Эссен, собор Святых Космы и Дамиана, ок. 980 г.:
 а) общее фото; б) фрагмент

цем на руках получил название «Престол Мудрости» (*Sedes Sapientiae*)⁵. Эти скульптурные изображения около одного метра в высоту изготавливались из дерева и имели полихромную роспись по левкасу либо покрывались тонкими пластинами металла.

Как и большинство других переносных скульптур, «Престол Мудрости» использовался в праздничных богослужениях и участвовал в торжественных процессиях при большом стечении представителей церковной общины (ил. 17).

«Престол Мудрости» выставлялся на всеобщее обозрение в храмах во время особых церковных служб или бедствий: войны, эпидемии, голода, когда люди особенно нуждались в заступничестве Девы Марии.

Для средневековых людей скульптуры «Престола Мудрости» являлись сакральным и зримым проявлением присутствия Богоматери на Земле. Поэтому их изготовление чаще всего приписывалось чудесному происхождению, а не труду ремесленников. К тому же некоторые скульптуры имели внутри полость и служили реликвариями⁶. Так, среди реликвий, связанных с Девой Марией, упоминаются пряди ее волос, капли молока, одежда: риза, омофор, пояс или их части. Обладание та-

⁵ *Ilene H. Forsyth. The Throne of Wisdom: Wood Sculptures of the Madonna in Romanesque France (Princeton University Press, 1972).*

⁶ *Ibid.*

кой святыней являлось бесценным и служило прославлению монастыря, храма или монарха.

Наибольшее сходство фигура Марии на монете графа Рожера имеет с одним из древнейших скульптурных изображений Богоматери — так называемой Золотой Эссенской Мадонной, относящейся к типу «Престол Мудрости» и датированной примерно 980 г. Это редкое изображение Богоматери с Младенцем, где Христос лежит на спине и смотрит на мать снизу вверх, в точности как на трифолларо (ил. 18).

Мы можем предположить, что во владениях великого графа была подобная особо чтимая реликвия, возможно, привезенная на Апеннинский полуостров из Нормандии и являвшаяся абсолютной ценностью для всей латинской общины Милето и норманнов Италии. Изображение такой узнаваемой и почитаемой святыни на монетах графа могло служить большему прославлению Рожера как победителя сарацин и покровителя христианства.

Средневековая нумизматика знает пример подобного изображения святыни, являющейся реальной скульптурой. Это гротто Луки, отчеканенные чуть больше чем через 100 лет после трифолларо Рожера, в начале XIII в. На этих монетах изображена древнейшая скульптура Христа «Святой Лик Лукки» (*Volto Santo di Lucca*), датированная VIII–IX в. и сохранившаяся до наших дней (ил. 19).

5. Обстоятельства чеканки

Несмотря на жесткое отвоевание у арабов Калабрии и Сицилии, норманны сохранили привычный местному населению уклад жизни, терпимо относясь к религии и традициям местного исламского и греческого населения. Также для поддержания лояльности мусульманского большинства, сохранения преемственности и стабильности товарно-денежных отношений на завоеванных территориях Отвили сохранили и традиционную местную чеканку, основанную на крохотных золотых и серебряных арабоязычных монетах: тари и харрубях.

Тем неожиданнее выглядит акцентированно рыцарский и подчеркнуто христианский характер оформления трифолларо Рожера I, выполненный без всякой оглядки на мусульманское большинство. Это особенно заметно на фоне остальных крохотных монет с исламскими легендами и арабским дизайном, где даже изображение христианского креста стыдливо стилизовалось под орнаментированную

Ил. 19. «Святой Лик Лукки»:

а) скульптура VIII–IX в.; б) фрагмент; в) изображение *Volto Santo* на аверсе серебряного гроссо Лукки, начало XIII в. CNI XI 4; CNG 87, Lot: 1746

букву Тау, чтобы не вызывать недовольства у мусульманского населения Сицилии.

Ближе всего рассматриваемая монета соотносится с редкими норманнскими эмиссиями медных фоллисов, подражающих византийским монетам, однако трифолларо разительно отличается от них самобытным оформлением.

Точное место чеканки не указано в легенде монеты, но предположительно это Милето в Калабрии. Бывший древнеримский каструм в 1059 г. был выбран великом графом Рожером в качестве столицы его обширных владений на Юге Италии и в Сицилии. Там норманнский правитель и сконцентрировал всю свою светскую, церковную и экономическую власть. Для этого Рожер выстроил роскошную резиденцию, являвшуюся одновременно и дворцом, и неприступным замком, где расположились его норманнская дружина и двор. В 1063 г. было возведено аббатство Святой Троицы, разрушенное лишь в XVIII в. землетрясением. Но за неимением точно подтвержденных данных и четкой локализации находок монет в качестве монетного двора рассматривается еще и сицилийская Мессина⁷.

А вот время чеканки трифолларо не вызывает у исследователей разночтений. Все нумизматы относят эмиссию монет с рыцарем и Богоматерью к последним годам жизни великого графа Рожера I Боссо 1098–1101⁸. Именно в 1098 г. папа римский даровал великому графу Рожеру

⁷ *Travaini L.* (1995). *La Monetazione nell'Italia normanna* (in Italian). Rome: Istituto Storico Italiano per il Medioevo. S. 277–278.

⁸ *D'Andrea A., Andreani C., Faranda D.* *Le monete Siciliane dai Normanni agli Angioini* (in Italian). Ed. D'Andrea, 2013. 127 s.

так называемую «Сицилийскую легацию», по которой Рожеру и его наследникам передавались полномочия папских легатов. Впервые папа римский добровольно предоставил светскому правителю множество административных привилегий, в том числе возможность управлять епископскими должностями, финансовыми активами епархий и учреждением митрополий!

И на этом фоне монетный двор великого графа приступил к массовой чеканке монет с изображением Рожера в образе норманнского рыцаря и Святой Марией с Младенцем Христом. Сюжет двух композиций и исторический контекст не оставляют вариантов к прочтению программы этой эмиссии, кроме как пропаганда власти норманнского правителя Сицилии и Калабрии — покровителя и защитника Церкви и христианства.

6. Метрология и тираж

Несмотря на то, что за монетой Рожера закрепилось название трифолларо — тройной фолларо, номинал монеты вызывает большие вопросы. Дело в том, что разброс в весе между монетами слишком большой для чеканки одного номинала, даже изготовленных *al-marco*, когда взвешивается не каждая монета, а их общий вес.

В нумизматической литературе⁹ имеется исследование метрологии 53 монет этого типа из коллекции венценосного нумизмата Виктора-Эммануила III — последнего короля Италии. Самая легкая монета в его собрании, по данным Лучии Травиани, весила 6,05 г, а самая тяжелая — 15,75 г при среднем весе 12,96 г. Меня смутило это исследование по целому ряду причин, но главная заключалась в том, что король мог выбирать для своей коллекции наиболее крупные номиналы или самые эффектные с коллекционной точки зрения, избегая приобретения монет маленьких, неказистых, среднего качества, например, с плохой чеканкой деталей или плохо центрованных. Чтобы проверить свои размышления и составить более актуальную картину по метрологии монет Рожера I, я собрал данные о проходах монет этого типа на международных нумизматических аукционах за последние 10 лет. Для исследования я отбраковал лишь несколько монет, явно потерявших в весе из-за сильной коррозии металла в земле или большого износа в ходе обращения.

⁹ *Travaini L. (1995). La Monetazione nell'Italia normanna (in Italian). Rome: Istituto Storico Italiano per il Medioevo. S. 277–278.*

Отчасти мои подозрения подтвердились, и данные разошлись с исследованием монет из королевской коллекции. Средний вес одной монеты из 61, чей вес мне известен, получился ниже, чем в коллекции Виктора-Эммануила — 10,87 г — на 2,09 г меньше, чем в исследовании Травиани. При этом вес самой легкой — 6,24 г, а самой большой — 14,93 г, что вполне коррелирует с исследованием Лучии Травиани. То есть если принять за факт, что все монеты являются одним номиналом, то разница между двумя монетами может составлять 8,69 г (9,7 г у Травиани), что приближается к весу средней монеты!

Но в главном, в чем наши исследования почти сходятся: по моим расчетам 39% монет, а в исследовании монет короля — 41,5%, были весом 10–12 г. То есть можно предположить, что больше трети монет составляют полновесные трифолларо 10–12 г, а около 2/3 эмиссии по расчетам были дифолларами — двойными фоллисами весом 6–9 г, при среднем весе одного фоллиса 3–4 г.

К сожалению, за неимением письменных источников не представляется возможным рассчитать или даже примерно оценить тираж «рыцарской» эмиссии графа Рожера. Но сопоставление короткого периода чеканки с 1098 по 1101 г. с огромным количеством известных нам штемпельных пар, абсолютно разных по стилю и уровню мастерства, говорит о том, что почти четыре года подряд десятки резчиков штемпелей и мастеров чеканщиков работали на монетном дворе не покладая рук. Все говорит о том, что это была не просто денежная эмиссия, а дело большой государственной важности, требующее мобилизации больших финансовых и человеческих ресурсов.

7. Вместо заключения

В 1098 г., на фоне получения от папы римского невиданных ранее полномочий, великий граф Рожер обрел всю полноту светской и духовной власти в Сицилии и Калабрии. В это же самое время на Святой земле шла самая острая и решающая фаза Первого крестового похода, в котором норманны, в том числе из Италии, сражались за освобождение Гроба Господня.

На фоне этих исторических событий граф Рожер повелевает отчеканить необычно крупную медную монету, прославляющую его рыцарские добродетели и славящую Богородицу. При этом граф не восполь-

Ил. 20. Аверс медного фоллиса герцога Апулии и Калабрии Роберта Гвискара, м.д. Салерно (1059–1085). СНИ XVIII 4

Ил. 21. Аверс свинцового токена, Иерусалимское королевство, г. Акра. Robert Kool. Fig. 16. 'Helmet and cross warrior' token (no. 117)¹⁰

зовался готовым византийским шаблоном для изображения своей персоны, как его брат Роберт Гвискар (ил. 20).

Великий граф Рожер создал в нумизматике абсолютно оригинальный, пусть и несколько наивный, образ идеального норманнского правителя. После смерти графа аналогичное изображение рыцаря на коне с копьем на плече появится на свинцовых печатях племянника Рожера — регента Эдессы Ричарда Салернского, отправившегося из Италии на Святую землю с Первым крестовым походом. Все отличие в изображениях Рожера и Ричарда заключается лишь в том, что автор матрицы печати прямо перенес композицию со всадником, без учета зеркальности изображения оттиска. В результате миндалевидный щит прикрывает правую сторону Ричарда, а копье он держит левой рукой. Можно смело предполагать, что Ричард был хорошо знаком с монетами своего родственника и для своей личной печати выбрал знакомый для норманнов Южной Италии сюжет (ил. 22).

Другая печать Ричарда Салернского тоже изображает правителя верхом на коне в рыцарском облачении, но отходит от заимствованной композиции, более совершенна по рисунку и стилю.

А через несколько десятилетий после смерти Рожера в Иерусалимском королевстве изготовят такую свинцовую тессеру, которая будет повторять предложенную Рожером композицию (ил. 21).

¹⁰ Kool R. Lead Token Money in the Kingdom of Jerusalem. The Numismatic Chronicle Vol. 173 (2013), p. 293–339 (53 pages). Published By: Royal Numismatic Society.

Ил. 22. Реверсы двух свинцовых печатей регента Эдессы Ричарда Салернского (1104–1108):
а) LAC Auction 44, Lot № 280; б) Nomisma Spa Auction 60, Lot № 28

Следуя моде и эволюции рыцарского доспеха, заложенная норманнами традиция изображать правителя в образе рыцаря на коне просуществует все Средневековье и даже войдет в Новое время.

Для изображения Богоматери граф Рожер также не стал использовать греческий канон, а повелел создать образ, известный и понятный лишь ему и его приближенным. Тем невероятнее, что это уникальное профильное изображение фигуры Святой Марии с Младенцем перешагнуло через море и тоже появилось на Святой земле, пусть и не нашло дальнейшего развития (ил. 23).

Рассмотренная эмиссия монет с рыцарем и Богоматерью явно была рассчитана на норманнское и латинское меньшинство. Ее нарочито христианское оформление разительно отличалось от основной массы арабоязычных денег, обеспечивавших казне ключевой доход и социально-экономическую стабильность в графстве. Явно эта эмиссия не предназначалась для торговли с арабами и дальнейшей циркуляции норманнского трифоллара в мусульманской общине.

При этом оформление аверса и реверса монеты создавало достаточно прозрачную и легко считываемую программу: граф Рожер, следуя идеалам рыцарства, стоит на защите Церкви, отождествляемой с Богоматерью, и готов поднять под свой штандарт все воинство!

Монета словно говорит, что Рожер I Боссо был первопроходцем на пути защиты христианства, лично отвоевавшим у сарацин половину Апеннинского полуострова и Сицилию. Тем самым он ничуть не уступает легендарным рыцарям-крестоносцам: Готфриду Бульон-

Ил. 23. Реверс свинцового токена с изображением Богоматери с Младенцем на троне, найден в Леванте. Предположительно, графство Эдесса. Ares Numismatics, Web Auction 1, 23 Aug 2019, Lot 695

скому и своим младшим родственникам — Танкреду и Боэмунду из рода Отвилей, отправившимся на Святую землю для освобождения Иерусалима¹¹.

Но, к сожалению, очень многие вопросы до сих пор остаются без ответа...

Для чего графу потребовалось такое огромное количество декларативной монеты, которая не покидала относительно маленькую латинскую общину Сицилии и Калабрии? Была ли это попытка денежной реформы, призванная со временем вытеснить арабскую монету? Что послужило источником такого количества меди? Какова стоимость этой идеологической акции? Добилась ли эта пропагандистская кампания своего результата?

Какова судьба скульптурного прототипа Богоматери, если таковое было? Прибыла ли скульптура на Юг Италии из Нормандии или была итальянской работы? Какое место в идеологии графства занимал праздник Рождества и был ли он связан с каким-то историческим событием?

Боюсь, ответы на эти вопросы будет искать еще не одно поколение историков и нумизматов. С уверенностью можно сказать лишь одно: великий граф Рожер I Боссо из рода Отвилей, пройдя славный путь завоеваний и побед над сарацинами, под конец жизни увидел величие по-

¹¹ Grierson P., Travaini L. *Medieval European Coinage*, vol. 14: Italy (3). South Italy, Sicily, Sardinia (Cambridge, 1998), 91 s.

строенного им нового государства. Более 900 лет назад он отчеканил самую норманнскую по духу монету, которая может служить символом его славного правления. И даже сквозь века это суровое изображение рыцаря дышит силой, храбростью и готовностью в любой момент идти в бой ради славы и веры!

REFERENCES

1. D'Andrea A., Andreani C., Faranda D. Le monete Siciliane dai Normanni agli Angioini (in Italian). Ed. D'Andrea, 2013.
2. Ilene H. Forsyth. The Throne of Wisdom: Wood Sculptures of the Madonna in Romanesque France (Princeton University Press, 1972).
3. Grierson P., Travaini L. Medieval European Coinage, vol. 14: Italy (3). South Italy, Sicily, Sardinia (Cambridge, 1998).
4. Travaini L. (1995). La Monetazione nell'Italia normanna (in Italian). Rome: Istituto Storico Italiano per il Medioevo.
5. SCBC. Coins of England and the United Kingdom (2022): Pre-Decimal Issues, London, United Kingdom.
6. MAL. Alex G. Malloy, Irene Fraley Preston, A. J. Seltman, Allen G. Berman; 2004 (2nd edition). Allen G. Berman Publications, Fairfield, Connecticut, United States.
7. Flon. Dominique Flon; 2002. Histoire monétaire de la Lorraine et des Trois-Évêchés / Tome 3. Quatrième partie: Les règnes de Léopold et de François III et la fin de la monnaie lorraine. Société Thierry Alix, Nancy, France.
8. CNI XI. Vittorio Emmanuele III di Savoia; 1929. Corpus Nummorum Italicorum / Volume 11. Toscana (zecche minori). Carlo Colombo, Rome, Italy.
9. CNI XVIII. Vittorio Emmanuele III di Savoia; 1939. Corpus Nummorum Italicorum / Volume 18. Italia Meridionale Constinetale (zecche minori). Carlo Colombo, Rome, Italy.
10. Kool R. Lead Token Money in the Kingdom of Jerusalem. The Numismatic Chronicle Vol. 173 (2013), p. 293–339 (53 pages). Published By: Royal Numismatic Society.
11. Baron. Alain Baron «Die Münzprägung der Bischöfe, Kaiser und Könige in Strassburg 751–1123».

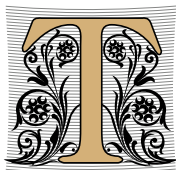

Ключевые слова:

Средние века, нумизматика, нормандцы, Латинский Восток, Сицилия, Рожер I Боссо, богородичная иконография.

Vladimir S. Khomutov

THE NORMAN COINAGE OF ROGER I THE GREAT COUNT

The article introduces the reader to one of the most fascinating numismatic monuments of Medieval Europe – the coin, minted by the Count Roger Bosso (1031–1101), the first Norman ruler of Sicily. The unique iconography of Roger's trifollaro continues to intrigue generations of numismatists (both collectors and researchers). Many of the coin's secrets remain resolved. In the article, the author tries to find the roots of the original composition that decorates the trifollaro, to trace the Norman influence on the selection of the imagery, studies the metrology of the given emission, and the coin's connection to the numismatics and sigillography of the Franks in the Levant. The author comes to the conclusion that the goal of the program imagery on the obverse and reverse of Roger's trifollaro is the propaganda of the Norman ruling class in Sicily and the glorification of Count Roger as the patron and defender of the Church and Christianity.

Key words: Middle Ages, Normans, numismatics, Latin East, Sicily, Roger I Bosso, Iconography of the Theotokos.

Vladimir S. Khomutov – numismatist, collector, editor of the numismatic portal Castle Coins.

 Хомутов Владимир Сергеевич

коллекционер-нумизмат, редактор нумизматического портала
Castle Coins

Рауль Канский

«ДЕЯНИЯ ТАНКРЕДА»

Главы 140–157

Заметки переводчика

«Деяния Танкреда» (*Gesta Tancredi*) являются одним из основных источников по истории Первого крестового похода, а также утверждения франкского (в том числе нормандского) господства в Леванте. Полное название произведения: «Деяния Танкреда в иерусалимском походе» (*Gesta Tancredi in Expeditione Hierosolymitana*)¹. Латинский текст и французский перевод были опубликованы в 1879 г. в Париже, в рамках сборника источников «Recueil des Historiens des Croisades»; «Деяния Танкреда» вошли в четвертый том «Западных источников» указанного сборника. Именно на эту версию оригинального текста, опубликован-

---

¹ Рукописи также известны под еще одним названием «Деяния Танкреда, сицилийского короля, в иерусалимском походе» (*Gesta Tancredi, Siciliae Regis, in Expeditione Hierosolymitana*), однако это название вызывает вопросы, так как рожденный в Южной Италии (возможно — на Сицилии) Танкред Антиохийский/Галилейский никогда не носил титул «короля», в отличие от другого представителя династии Отвиллей — Танкреда (1138–1194), занимавшего с 1189 г. сицилийский престол. Так что возможно, здесь речь идет об ошибке переписчика и путаницы двух «Танкредов де Отвиллей» (умершего в 1112 г. князя Антиохийского и почившего в 1194 г. короля Сицилийского).

ную в 1879 г., мы и ориентируемся в рамках данного перевода². В 2005 г. братьями Бернардом и Давидом Бахрах был опубликован не только английский перевод «Деяний», но также комментарий к ним, а также фундаментальное исследование, посвященное Раулю Канскому и его тексту³. На сегодняшний день это основная критическая работа, посвященная указанному источнику. Русский перевод фрагментов «Деяний Танкреда» (касающийся его кампаний в период Первого крестового похода — 1097–1099 гг.) был опубликован в 1887 г. М.М. Стасюлевичем и в 1977 г. М.А. Заборовым.

О жизни автора — Рауля Канского — нам известно больше, чем о многих других латинских авторах эпохи Первого крестового похода (Тудебода, Альберта Аахенского, Раймонда Ажилльского, Анонимного автора «Деяний франков»). С точки зрения «биографического наполнения», единственным конкурентом Рауля Канского является Фульхерий Шартрский, так же как и Рауль, бывший капелланом двух подряд государей Латинского Востока⁴. Если по поводу анонимного автора «Деяний франков» существуют лишь предположения, что он был нормандцем, то о Рауле Канском это известно точно. Как следует из его прозвища, он происходил из округи нормандского города Кан, и, вероятно, происходил из мелкой дворянской или зажиточной бюргерской семьи. Поступив в кафедральную школу при Канском соборе, он получил хорошее — по меркам Франции того времени — образование. В своем произведении Рауль приводит аллюзии к классикам римской литературы (Ливию, Цезарю, Саллюстию и др.), к латинским переводам Иосифа Флавия, к приемам античной логики — в частности, к взаимосвязи причины и следствия; к последним он прибегает столь регулярно, что это сказывается на ритме и художественной составляющей текста, явно утомляя читателя. Получив рукоположение и став каноником в Кане, Рауль в 1106–1107 гг. перешел на службу, в качестве капеллана, к князю Боэмунду I Антиохийскому. Очевидно, что молодой и образованный нормандский клирик был рекомендован прославленному князю Антиохийскому во время его триумфального западного турне, в преддверии «балканского крестового похода» (второго нормандского вторжения на Балканы). Когда к осени

² *Radulfo Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana* // RHC Occ. III. Paris, 1866.

³ *Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans. The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans in the First Crusade*. Aldershot, 2005.

⁴ Если Рауль был капелланом князей Антиохийских — Боэмунда I и Танкреда, то Фульхерий — капелланом королей Бодуэна I и Бодуэна II де Бурка.

1108 г. Крестовый поход Боэмунда I обернулся провалом, Рауль Канский покинул своего опозорившегося патрона и отбыл в Сирию, где перешел на службу — в том же качестве капеллана — к Танкреду. В этой роли он оставался до смерти второго князя Антиохийского, скончавшегося в декабре 1112 г. Отношение к Танкреду и Боэмунду I у Рауля Канского очень разное: Танкреда автор боготворит⁵, Боэмунда то прославляет, то критикует, в том числе за наглость, граничащую с глупостью, и за то, что он отбыл из Сирии, полностью подорвав ресурсы княжества Антиохийского. После смерти Танкреда Рауль покинул Антиохию, возможно, из-за конфликта с новым князем, Рожером, или же с Патриархом Бернардом Валенским. В случае добрых отношений с Рожером или с латинским Патриархом ничто не мешало бы Раулю провести остаток жизни в Антиохии, благоденствуя на положении княжеского капеллана или каноника собора Святого Петра, в роскошной скриптории которого ему ничто не мешало бы работать над своей книгой.

В кафедральной школе Кана Рауль учился у фламандского, тесно связанного с Нормандией клирика Арнульфа де Шоке, с которым связаны как рассвет, так и закат нормандского автора. Оставив Антиохию, Рауль отбыл в Иерусалим, где и провел остаток жизни. При покровительстве своего учителя Арнульфа де Шоке, ставшего Патриархом Иерусалимским, он вошел в число каноников Храма Гроба Господнего, в скриптории которого и начал работу над книгой, посвященной своему почившему духовному сыну и государю. Книга «Деяния Танкреда» осталась незавершенной, вероятно, в силу смерти автора. Поэтический рефрен к смерти не только Боэмунда I, но и его сына трактуется авторами как свидетельство того, что Рауль Канский дожил до 1130 г. и гибели Боэмунда II в битве у Аназарвы. Однако, со своей стороны, укажем на возможность того, что речь идет не о смерти Боэмунда II, но о кончине старшего сына основателя княжества — Жане/Иоанне, умершего около 1115 г. Следовательно, хронологические рамки жизни автора могут быть привязаны как к 1115, так и к 1130 г.

Примечательно, что Рауль Канский — автор, который провел почти четверть века на Востоке — не является первоисточником, когда дело касается событий Первого крестового похода или даже поздних событий, описываемых в своей книге. Как и Альберт Аахенский, он писал

⁵ За эту черту Рауль регулярно подвергается критике и даже насмешкам историков; в частности, сэр Стивен Рансимен открыто именовал его «сикофантом». См.: *Runciman S.A. History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954. Vol. II. P. (?)*.

со слов и свидетельств участников рассматриваемых событий. Однако двумя фундаментальными отличиями Рауля от Альберта (при гораздо более полном, детальном и фактическом наполнении «Иерусалимской истории...» последнего) стало то, что Рауль имел возможность говорить непосредственно с Боэмундом I и Танкредом, а также то обстоятельство, что он своими глазами видел Иерусалим, Антиохию, Латакию, киликийские и сиро-палестинские города.

Для данного перевода мы сознательно выбрали последние семнадцать глав «Деяний Танкреда», которые не связаны с известными по другим переводам описаниями основных этапов «пути в Иерусалим», но сосредоточены исключительно на становлении государств «Заморской земли» (Outremer), Латинского Востока, добрая половина которого находилась во власти нормандских князей Антиохийских. Хронологические рамки рассматриваемых глав охватывают период между весной 1100 г. и рубежом 1105–1106 гг., когда повествование Рауля Канского обрывается, бросив читателя в момент, когда Танкред вел параллельные осады двух великих городов сирийского тетраполя — Латакии и Апамеи.

Фундаментальной темой в этой части истории стало противостояние не только между нормандцами и другими франками, но и между двумя основными героями повествования — Боэмундом I и Танкредом, в котором автор неизменно занимает сторону последнего. Говоря о борьбе нормандцев с провансальцами, Рауль с открытым ликованием «смакует» такие эпизоды, как вероломное пленение, ограбление и унижение графа Раймонда Сен-Жильского Танкредом, а также открыто издевается над обретенной провансальцами реликвией — «Святым Копьем Антиохийским» — и над смертью нашедшего «реликвию» Петра-Варфоломея (умершего после «испытания огнем», устроенного учителем Рауля — Арнульфом де Шоке). При всей идеализации своего героя и самой идеи «пути в Иерусалим» и нормандского покорения Востока, Рауль открыто показывает всю сложность положения, в котором оказывались его собратья, и неоднозначность их отношений друг с другом, в том числе в походе. Описания отступления после битвы у Харрана (май 1104 г.) содержат истории о крайне характерных взаимоотношениях основной массы войска с высшей знатью и церковной иерархией. К примеру, как изможденные простые воины сбили собственную стражу с постов у брода, дабы начать бегство, в то время как князь Боэмунд I и представители высшего нобилитета спали в шатрах; или когда — при том же отступлении — Патриарха Бернарда Антиохийского, призывавшего расседлать коней, бросить поклажу и налегке уходить, фактически

игнорировало все войско, а помощь самому архипастырю — в обмен на отпущение грехов — оказал лишь один простой воин. Приводит Рауль и массу бытовых деталей: тот факт, что в походе под лучами ближневосточного солнца некоторые франко-нормандцы (по крайней мере чувствовавший себя в относительной безопасности нобилитет) предпочитали не надевать кольчуг, пока не окажутся в виду противника; или то, что вне ближнего боя кольчуга сдерживала попадание стрел, так как при осаде Латакии ромейские стрелы попадали франко-нормандским воинам «в лица и руки». Отдельного внимания заслуживает описание Латакии, ее топографии и архитектуры, гарнизона и населения этого города, бывшего в XI–XII вв. наряду с Антиохией одним из главных плацдармов православного мира в Сирии и центром византийского противостояния с нормандцами на всем Ближнем Востоке. Наконец, именно Рауль Каннский открывает для нас уникальное и крайне характерное воззрение нормандского завоевателя на покоренные и окрестные народы, когда он — при всей свойственной ему патетике — рассказывает о «добровольно-принудительном» изъятии средств у знатных восточнохристианских мужей Антиохии, о восстаниях сирийских и киликийских городов против франков, о том постоянном маятнике между триумфом и осажденным положением, в котором оказывались нормандцы (и другие «устроители» латинских государств) в Средиземноморье.

С.П. Брюн

Рауль Канский / Radulfus Cadomensis

**ДЕЯНИЯ ТАНКРЕДА
GESTA TANCREDI**

Главы 140–157

CXL.

Boamundus et Balduinus Jerusalem pergunt.

His diebus Boamundus et Baldoynus Gottifredi regis frater, de quo supradictum est, votum eundi Jerusalem complere cupientes, cum non parva militum manu iter arripiunt: qui dum per vallem Camelae et Damasci viciniam, nec non per Caesaream Philippi incederent, mirabile dictu per medios hostes, qui circumquaque exploraturi discurrebant, liberi transierunt: erat autem quadragesimalis diei tempus. Qui cum Jerusalem properassent, gaudia ibi paschalia cum rege Gottifredo celebrarunt. Quo videlicet tempore Daybertus Pisanorum episcopus vir in litteris potentissimus atque eloquentissimus; qui in multis navibus Joppem aggressus fuerat, eodem Boamundo juvante, in patriarchatum Jerusalem sublimatur. Arnulfus autem magnae indolis vir, quanquam dignitatis hujus electione donatus [0579B] fuerat, tamen libentissime annuit, sperans Christianitatem ibi magis in illo quam in se profuturam. Ordinantur ibi quatuor episcopi, scilicet Roggerius Tharsi, Mamystae Bartholomeus, Bernardus Artasii, Benedictus Edessae, qui cum Boamundo et Baldoyno in presbyteratus officio positi venerant. Expleta itaque solemnitate paschali, Boamundus cum tribus suis patribus revertitur, reddens singulis civitatibus praesules suos. Baldoynus quoque cum suo archiepiscopo Benedicto Edessam, cujus ipse comitatum tenebat, rediit.

Глава 140**Боэмунд и Балдуин отправляются в Иерусалим.**

В то время Боэмунд и Балдуин, брат короля Готфрида (о котором я говорил выше), желая исполнить свою клятву пути в Иерусалим, выступили со значительной военной силой. Когда они пришли в долину Камель

и окрестности Дамаска, они не только прошли Филиппову Кесарию, но и удивительным образом миновали своих врагов, которые рыскали здесь и там в надежде их обнаружить. Было время Великого поста. Когда они достигли Иерусалима, они с радостью отпраздновали Пасху с королем Готфридом. В то же время Даимберт, епископ Пизы, ученейший и красноречивый муж, прибыл в Яффу с великим множеством кораблей. При помощи Боэмунда он был возведен в сан Патриарха Иерусалимского. Арнульф, будучи мужем великой щедрости, свободно дал на это свое согласие, хотя он уже был избран в это достоинство. Он надеялся, что другой сможет успешнее его распространять христианство. Четыре других епископа были рукоположены там, а именно — Рожер Тарсийский, Мамистрийский Варфоломей, Бернард Артский и Бенедикт Эдесский; они прибыли с Боэмундом и Балдуином после своего возведения в пресвитерский сан. Когда пасхальные празднества завершились, Боэмунд вернулся со своими тремя отцами [епископами], поставив каждого епископа в его городе. Балдуин же вернулся с архиепископом Бенедиктом Эдесским в свое графство.

XLI.

Urbem Meletianam ab obsidione liberat Boamundus. Praelio commisso a Turcis captus abducitur.

Nec mora Boamundus ipse, cum audisset a relatoribus, urbem Meletianam Turcorum armis circumdatam esse, quae decem dierum itinere aut plus ab Antiochia distabat; coacto in unum exercitu, ad liberandum eam ire conatur. Verum Turci cognoscentes illum jam in proximo adesse, obsidionem ex industria dimittentes, ut eorum est consuetudo, recesserunt. Magis enim ipsi ad tempus vel horam terga vertendo, quam accedendo praevalent. Nam et fugiendo spicula ejiciunt, seseque insequentes vulnerant. Boamundus ergo cum civitati appropinquans Turcorum aciem non reperisset, consultum est sibi a suis quatenus urbem ingressus paululum ibi prius requiesceret; ac sic postea quiete refotis viribus suis, contra Turcos ad debellandum exiret. Qui non credidit eorum consiliis, sed ex stulta audacia immoderanter praesumens, absit, inquit, ut Boamundus quod nunquam fecisse meminit, modo facturum sit; hoc enim faciunt vulpes, quae mox ubi latrantes canes audierint, latebras quaerentes absconduntur. Ivit igitur post Turcos, eosque inveniens, cum eis praelium, quod utinam nunquam iniisset, mox inchoavit. Cumque hi et illi simul praeliarentur, Boamundus retinetur, ligatur, Mahummicolis magnum gaudium, vae miserabile Christianis facturum. Qui

deinde in Romaniam ad Anismam regem vinculis mancipandus perducitur: de cuius post captione Antiochia misera facta ita manebat, ut non esset qui adjuvaret eam, neque consolaretur.

Глава 141

Боэмунд освобождает град Мелитену от осады.

Однако при начале сражения он попадает в плен к туркам, которые увозят его.

Когда Боэмунд услышал о том, что град Мелитена был окружен войсками турок, он немедленно собрал свою армию и выступил, чтобы попытаться освободить город, хотя он лежал в десяти или более днях пути от Антиохии. Когда турки прознали о том, что он был в их краях, они преднамеренно сняли осаду и, как было у них заведено, отступили. Они чаще добивались успеха, по крайней мере кратковременно, отступая, а не атакуя, поскольку они привыкли стрелять из луков во время бегства, раня тем самым своих преследователей. Когда Боэмунд прибыл к городу и не увидел там турецкого войска, ему посоветовали войти в город — пусть на время — и отдохнуть. После, когда его люди восстановят силы, он смог бы снова выступить и сразиться с турками. Но он не последовал этому совету. Вместо этого, следуя собственной глупой наглости, он сказал: «Негоже Боэмунду сейчас делать то, чего он отродясь не делал. Они же ведут себя как лисы, которые ищут укрытия в тени, как только услышат лай собак». Так, он выступил против турок и вскоре вступил с ними в битву, в которую ему не следовало бы вступать. Во время сражения Боэмунд был захвачен и связан. Это стало поводом для великой радости магометан и несчастий для христиан. Его увезли, в цепях, в Романию, к царю Данишмендов (Anismam regem). После его пленения Антиохия оказалась в тяжелом положении, и никто не мог помочь или даровать утешение [городу/княжеству].

CXLII

Godefridi regis obitus.

Sequitur e vestigio miserrimus casus, quo Jerusalem non minori luctu affligebatur. Nam Gottifredus, rex optimus et timens Deum, capto mox Boamundo ex hac luce migravit. Erat enim jam annus unus evolutus ex quo regnare coeperat, cum ad obitum pervenisset. Qui tamen antequam

praesenti luce caruisset, dum corporis infirmitate teneretur, ad se patriarcham Daybertum atque Arnulfum, caeterosque accersiri jubet, quibus ille: «Ecce, inquit, viam universae terrae ingredior. Modo ergo adhuc me vivente consilium inter vos habeatur, et quis vice mei in Jerusalem regnare debeat praevideatur». At illi respondentes: «Nos, inquit, magis hoc in tua providentia ponimus, et quem nobis ad hoc ipsum elegeris, ei procul dubio subdemur». At ille: «Si, inquit, in mea dispositione statuitur, Balduinum fratrem meum ad hoc culmen suscipiendum idoneum judico». At illi Balduinum audientes, continuo unanimiter consentiunt, laudant, eique jurejurando fidelitate firmata subduntur; quoniam illum virum liberalem pecuniae, studiosum militiae, affatu humilem, magnanimitate sublimem cognoverant. Haec quippe omnia natura ipsa, ut ita dicamus, in eo manu propria exsculperat. Erat enim ille, sicut superius dictum est, in Rages quae et Edessa dicitur, dux constitutus ibique tunc morabatur.

Глава 142 Смерть короля Готфрида.

Новое несчастье пришло вслед за предшествующим, из-за чего Иерусалим страдал еще больше. Ибо Готфрид, великий король и богобоязненный муж, умер вскоре после пленения Боэмунда. С начала его правления и до момента его смерти миновал год. Однако до своей кончины, когда он еще пребывал в тисках своей телесной болезни, он призвал к себе Патриарха Даимберта, Арнульфа и других. Он сказал им: «Узрите, скоро я войду в мир вечный. Пока я еще живу, я хочу услышать ваш совет о том, кого следует поставить вместо меня, чтобы он правил Иерусалимом». Но они отвечали: «Мы доверяем твоему провидению. Кого бы ты ни выбрал, мы будем ему повиноваться без всякого сомнения». Тогда он ответил: «Раз таково ваше решение, я считаю, что подобает моему брату Балдуину занять это высочайшее из мест». Когда они услышали имя Балдуина, все немедленно с этим согласились, восхвалили сей выбор и поклялись — клятвой твердой — повиноваться ему. Они признавали в нем мужа щедрого в деньгах, ученого в войне, смиренного в своей славе и исключительно великодушного. Можно сказать, что природа своей рукой создала его [для этого служения]. В то время, как было сказано выше, он находился в Рухе (Rages), именуемой также «Эдесса», где он был утверждён в качестве герцога/дуки и где пребывал уже значительное время.

СХLIII

Balduinus succedit Godefrido in regno Jerosolymitano; Antiochiae sufficitur Tancredus, qui Mamystam, Adanam et Tarsum sibi subjicit.

Sed interim sepulto ante Golgotha rege praescripto, mittitur Edessam nuntius, cujus accitu Balduinus Jerosolymam veniat, germani sceptro successor creandus; idque magnae dissensionis et belli flammam suscitasset: sed eadem qua Balduinus accersitus necessitate, vocati ad regimen Antiochiae Tancredi abscessus litem praecidit. Substituti ergo haeredes, Jerosolymis Balduinus, Tancredus Antiochiae, certatim ad famam currunt; tum ne a seniorum virtute degeneret junior, tum alter alterius invidia succensi. Praeterea Marchisidam urget suspecta dignitas, quod magis hospes, quam princeps ipse sibi videtur: unde tanto experrectiorem esse eum oportuit, quo suspectior erat brevitatis principatus sub Boamundi reditum finem exspectans. His exercitus curis primo Balduinum a se exterminat, qui inter Antiochenos potentior, jugum novum indignabatur. Is sub Boamundo militiae principatum obtinuerat: sed jam erexerant ejus animos partim, ut fieri solet, princeps novus, partim tradita sibi ad regendum Edessa. Quo expleto, mox ad ampliandos fines animum Tancredus intendit, quos paulo ante, Boamundo regnante, Graeci contraxerant. Igitur Mamystam, Adanam, Tharsum, brevi, sed acri molimine debellat, secundoque suis legibus subjicit, praedecessoris incuriae primitus elapsas.

Глава 143

**Балдуин наследует Готфриду в королевстве Иерусалимском.
Танкред берет власть над Антиохией и завоевывает Мамистру,
Адану и Тарс.**

Но в то же время, после того как вышеупомянутый король был погребен у Голгофы, в Эдессу был направлен посланник, дабы Балдуин смог прийти в Иерусалим, куда он был призван, став нареченным наследником скипетра своего брата. Это вызвало пламя великой распри и войны. Но отбытие Танкреда — для принятия власти над Антиохией, вызванное той же необходимостью, что и призвание Балдуина, — упредило столкновение. Наследники заняли свои места, Балдуин в Иерусалиме и Танкред — в Антиохии, оба с готовностью устремляясь к славе. Младшие были не менее достойными, чем старшие, пусть каждый и горел ревностью друг к другу. Его новообретенное положение довлекло над сыном

маркиза, ибо он казался скорее гостем, нежели князем. Ему необходимо было проявить себя, ибо его княжеское правление обещало быть кратким. Он ждал, что правление его закончится, как только вернется Боэмунд. Трудясь в подобных условиях, он в первую очередь отстранил Бодуэна [Бодуэна II де Бурка — С.Б.] от командования войском. Балдуин был одним из властных мужей в Антиохии и с неприятием относился к новому ярму. Он получил командование над гарнизоном Антиохии при Боэмунде. Это обстоятельство, наряду с тем, что он стал новым князем и правителем Эдессы, как часто случается, вскружило его дух. Когда это было сделано [т.е. Бодуэн II де Бурк был отстранен от командования войсками. — С.Б.], Танкред преисполнился стремлением к расширению границ княжества, до тех пределов, которыми некогда правил Боэмунд, но которые незадолго до того были сокращены греками. По этой причине он провел краткий, но энергичный поход против Мамистры, Адамы и Тарса, подчинив их — вторично — своей власти, раз в первый раз они отпали из-за неосторожности его предшественника.

CXLIV

Laodiciam expugnat.

Inde revertens Laodiciam totis viribus aggreditur: sed naturae praesidio munita, viro obstitit, cui nec ferrum, nec calybs, nec marmor, nec prorsus hominum labor norant obsistere, Urbs ea, sicut hodie ex ruinis ipsius deprehendere est, quondam nobilis, ecclesias, populum, opes, turres, palatia, theatra, et hujusmodi quae habent aliae, inter alias cuncta habuit praeclara. Excipio Antiochiam, nulla per circuitum urbs tanta priscae nobilitatis reservat insignia. Columnarum ordo multiplex, aquae per abrupta ductus, turrium ad astra eductio, effigies per compita excubantes, omnia pretiosa, ars et materia de praeterita praesenti, de integra dirutae, de populosa desertae testimonium perhibent, utpote post tot soles, post tot grandines, opus adhuc insigne. Hujus longitudinem terminant ad ortum tumulus, ad occasum mare: latitudinem hinc inde planities: per circuitum aut murus aut ruina: infinitas populi nil reformidans, ipsa caeteris gentibus formido: suo tempore multo aggere includi spreuit, paucis munimine contenta. Sed redeo ad tumulum, quod jam solum adversus hostes supererat munimen. Ille arduus atque in vertice spatiosior cives receperat, qui dimissa planitie, illuc confugerant bellici fremitus terrore percussi. Arduitas ipsa vel sine muro repelleret obsessores: quo tamen coronata, duplex robur adversariis objicit, hinc artis, hinc naturae. His confisi claustris

Graeci Tancredum expectant adventantem: at princeps bellum et sciens et sitiens, aliquot praemittit cursores, qui aut elicitos capiant, aut eliciant capiendos. Graeci vero, ut semper vigilantissimi, adversus haec praecavent: quatenus nec deprehendantur vagi, nec exeant provocati. Dementiae ascribunt portas egredi: qui cum de turribus exclusos aspiciunt, inclusi tremunt. Ab hoc ipso princeps argumentum timoris accipit; et: «Io! comites, exclamat: aggrediamur ovile hoc; videtis arduum, scitote vacuum. Plenum est opibus, at sine viribus. Nulla est prorsus audacia militis, qui non erubescit includi portis. Conscendamus aggerem, murus, dico, aut securibus cedat, aut scalis». Jubet princeps, accelerat miles, curritur ad muros: malleus, ligo, securis, et hoc omne genus ad portas fremit: illae quamvis duplices, quamvis ferreae, non ferunt: tremunt quasi simplices ac vimineae. Videns civitas ferrum, marmora caedere ictibus; quin ipsam strenuitati naturam, diffisa claustris, ad arma vertitur. Molem saxeam de turribus pluit, nullum teli genus jactu vacat, nemo intra moenia otiosus. Expulerat pavorem hostis necis pavor; dumque effectus instat propior, efficacius repellitur causa efficiens. Praeterea commoditas ipsa populum invitat: quippe de turribus saxa demittere pronum est cuius aetati ac sexui. Sagittae contra ad turres volant, quibus saepe aut effoditur oculus, aut perfoditur manus. His decernitur vicibus; donec exhaustae tam vires, quam pharetrae refici postulant: praesertim ferrum calybs dum portas frangunt, ipsa quoque nunc dissiliunt, nunc franguntur.

Глава 144

Он атакует Латакию.

После этого, обратившись к Латакии, он атаковал ее со всей своей мощью. Это место, которое отлично защищено природными рубежами, сопротивлялось этому мужу, пред которым пали и железо, и сталь, и любые человеческие усилия. Руины того города указывают на то, что он был некогда благородным, с церквями и обильным населением, с богатством, башнями, дворцами, театрами и всеми другими вещами, которые придают место величие. Кроме Антиохии, ни у одного другого города не было — внутри его стен — столь великих признаков древнего благородства. Множественные ряды колонн, акведуки, бегущие над пересеченной местностью, башни, вздымающиеся к небесам, статуи, лежащие в подходящих местах, все созданные из драгоценных материалов. Все эти достопримечательности, сохранившиеся после столь длительного времени и стольких разорений, свидетельствуют о прошлом города в сравнении с его настоящим, о его

былом состоянии в сравнении с его разрушенными остатками, о его многолюдном населении в сравнении с нынешней заброшенностью. В восточном направлении город устремлялся к небольшому холму, в западном — к морю. Вдоль одной из его окраин простиралась равнина. Город окружали либо стены, либо руины. Многолюдное население не боялось ничего и, напротив, само служило источником страха для окрестных народов. В свое время он [город] решил не замыкаться в части, окруженной стенами, довольствуясь лишь немногими укреплениями. Но я вернусь к малому холму, который служил единственной защитой от врагов. Этот сложный и крутой холм принимал на своей просторной вершине горожан, бежавших с равнины, когда они преисполнялись страхом от ужасов битвы. Крутого подъема было бы достаточно, даже без стен, для отражения осаждавших. Но поскольку холм был увенчан стеной, он предоставлял двойную защиту против врагов, одна линия которой была возведена природой, другая — усилиями людей. Защищенные этими стенами, греки наблюдали за приближением Танкреда. Но этот вождь, бывший знатоком войны и одновременно преисполненный нетерпением, выслал вперед множество застрельщиков, дабы они смогли захватить тех, кто вышел [за стены], или выманить их наружу. Но греки, как обычно, были весьма бдительными и со всей осторожностью следили за тем, чтобы никто не был захвачен, бродя за стенами, и ни одного из них не удалось спровоцировать к вылазке. Они считали каждого, вышедшего за линию обороны через врата, безумцем. Когда они смотрели на тех, кто был за пределами их башен, они дрожали от ужаса, несмотря на то что сами оставались под защитой. Видя подобное поведение, Танкред пришел к выводу, что они были в страхе. Он воскликнул: «Соратники мои, давайте же атакуем этот загон для овец! Вы видите, что это сложно, но вы знаете, что внутри он пуст. В нем множество богатств, но в нем нет мужей. Любой настоящий воин постыдится прятаться внутри врат. Давайте же нападём на холм. Говорю вам, стена падет перед нашими топорами и нашими лестницами». Князь отдал приказ, а его воины атаковали. Они просились к стенам. Молоты, кирки, топоры и все прочие инструменты подобного рода покрывали ударами врата. И несмотря на то, что они были двойными вратами, выкованными из железа, они не смогли выстоять и дрожали так, словно бы это были лишь одинарные врата, сплетенные из прутьев. Видя, что железо, и камень, и даже сама природа сдавались под этими ударами, граждане оставили безопасность своего укрытия и взялись за оружие. Тяжелые камни падали с башен. Ни у одной из сторон не было недостатка в копьях. Никто внутри стен не отдыхал. Страх смерти изгнал страх перед врагами. Воистину, чем больше их охватывало

следствие их страха, тем эффективнее им удавалось отгонять его причину. Более того, само это место подталкивало людей к участию. Любой человек — любого пола и любого возраста — мог сбрасывать камни с башен. В свою очередь, стрелы также летели с башен. Они часто пронзали глаза и руки. Так действия обеих сторон привели к тому, что каждой необходим был роздых, когда и силы, и колчаны оказались совершенно опустошенными. Тем более что железо и сталь, используемые для сноса врат, сами, в свою очередь, разлетелись и были разбиты.

CXLV

Raimundus comes Tripolim obsidet; auxilium ab imperatore deposcit; captus Antiochiam cum opibus ducitur.

Sed dum sic pugnatur annus transit, in quo tamen aliquando Raimundus comes Graecis opitulari volens, repellitur: aliquando Turci principes disperguntur. Postremo laboranti Hierusalem strenuissime subvenitur. Haec unus omnia operatus est, sic tamen ut obsidionem non solveret Tancredus, illa semper incolumi. Ipse Persas, ipse Aegyptios, ipse Provincialem, ut diximus, comitem debellavit. Comes ille mirae audaciae vir Tripolim obsidebat, tot millia unus circiter 400 partim pedites partim milites habens Christianos. Eo fretus numero, colliculum urbi vicinum muro et turribus munire coepit, quem etiam montem peregrinum, urbana quadam comitate, quod commune erat, sibi minime usurpans nuncupavit. Illic residens, urbem proximam crebris assaultibus infestabat, nec minus urbani novum illud municipium pene diruebant. Perquam rarissimus fulgebat dies qui sequestram planitiem utroque, sive alterutro sanguine conspersam non videret. Adeo multitudinis opes alios, alios paucitas inops ad bellum stimulabat: quoniam ubi rarus est bellator, ipsa sua raritas animos accendit: ubi multus, dispendia cruoris facile tolerantur, fitque voluptati horror bellicus. Sic recalcitrando castrum, et civitas, diminutio popelli sui Raimundum terret: eadem ipsum transfretare atque a Graeco imperatore auxilium implorare compellit. Fert secum apocrypham illam cuspidem, cujus supra mentio facta, inventorem suum per flammam temporales ad aeternas transmisit; hanc, inquam, secum asportat Alexio munus. Remuneratur et ipse summopere, gratus quidem quod sua, longe autem gratior quod seipsum obtulerit: eundo namque Jerusalem invitatus nescivit supplicare, redux supplicat; inde, quanto ante fuerat surdior rogatus; tanto post fit exauditor, rogans. Cumulat gratia concors odium Antiochia tam huic, quam illi inimica. Remittitur ergo cum magnis, ut dixi,

muneribus ad expugnandum hostem amborum Marchisidam. Deliberant [0582D] intra homines: judicat qui sedet super Cherubim in coelo Deus. Mittis Alexi Tancredo gazas, dum Raimundi biremes, donis tuis refertae pene submerguntur; quae felicibus tamen auspiciis multa infelicitatis loca praeterlapsae in hostilem fiscum ad portum Tharso proximum deferuntur: nothis agitatae furentibus, inimicorum manus nequeunt declinare. Volante autem ad aures principis fama, praecipitur comitem Graecasque opes Antiochiam duci; eum, ad servandum; eas, ad spargendum. Nec tamen diu tenetur quidquid jubetur, abjurat et jurat. Sicque adjurato claustra panduntur, alioquin vita comite servando claudenda. Volvuntur caetera fortunae nutu, fit modo quispiam de paupere dives, item pauper de divite

Глава 145

Граф Раймонд осаждаёт Триполи. Он требует помощи от императора. После пленения его увозят в Антиохию вместе с его сокровищами.

Множество, множество битв прошло на протяжении этого года. Граф Раймонд, желавший помочь грекам, был изгнан. Вожди турок были изгнаны. Наконец Иерусалим получил помощь во время великого треволнения. Один человек смог совершить все это. При этом Танкред не останавливал осады Латакии, но продолжал ее. Как мы сказали, он изгнал персов, египтян и провансальского графа. Этот граф, человек поистине удивительной наглости, осадил Триполи; один человек против многих тысяч. У него было около 400 воинов-христиан, включая тяжеловооруженных конных воинов и пехотинцев. Доверившись этому числу воинов, он начал укреплять стеной и башнями небольшой холм близ башни. Он назвал его Горой Пилигримов [Монт Пелерен], узурпировав титул, который принадлежал всем. Оставаясь там, он снаряжал многочисленные нападения на город. Горожане, со своей стороны, едва не уничтожили его крепость. Редким был день, когда кровь с обеих сторон не проливалась на разделявшую их равнину. Одна сторона черпала силы из своего великого богатства, другая — малостью своего войска и нищетой. В подобных условиях, когда так мало войск, сама эта малочисленность воспламеняет дух. Однако, когда в наличии множество воинов, легче терпеть пролитие их крови, что начинает восприниматься лишь как фактор в ужасах войны. Но, в то время как крепость и город противостояли друг другу, ослабление собственного войска устрало Раймонда. Это, в свою очередь,

принудило его отправиться и молить греческого императора о помощи. Он привез с собой апокрифическое копьё, упомянутое выше, которые отправило обретшего его в пламя мирское и пламя вечное. И эту вещь, говорю я, он привез с собой Алексею в качестве дара. В ответ он получил щедрые награды. Будучи благодарным за привезенный дар, [Алексей I Комнин] был еще более благодарным за то, что [Раймонд] явился лично. Ибо, когда он отправлялся в Иерусалим, он не желал просить о помощи, даже когда ему ее предлагали. Теперь же он вернулся как проситель. В то время как тогда он обращал глухое ухо к просьбам, прося о помощи, он обратился в хорошо внимлющего. Ненависть — вот общий фактор, соединивший их [Алексея I и Раймонда]. Антиохия была врагом каждому из них. Так, говорю я, Раймонд был отослан обратно с великими дарами, ради того, чтобы сразиться с их общим врагом, сыном маркиза. Люди решают дела на земле, а Господь, восседающий над херувимами, решает в раю. Алексей, Ты даровал сокровища Танкреду, когда галеры Раймонда, нагруженные твоими дарами, чуть не потонули. Пройдя множество мест, что сопровождалось недобрыми знаменьями, они [сокровища] были доставлены со счастливыми знаменьями в сокровищницу твоего врага, то есть в близлежащий порт Тарса. Потрепанные бурями, они не смогли избежать рук их врагов. Когда известие об этом достигло ушей князя, он приказал, чтобы графа и греческие сокровища привезли в Антиохию, дабы они послужили ему и чтобы никто не расхитил их. Однако графа там держали не долго. Он отрекался от всего и клялся во всем, что ему приказывали. После принесения клятвы ворота города были ему открыты. В этом отношении граф спас свою жизнь, но существенно сократил свои возможности. Так дела меняются волею судьбы; бедные становятся богатыми, а богатые становятся бедными.

CXLVI

Laodicia anno et semis expugnata capitur.

At Tancredus semper in eodem agone permanet, quod semel coepit nunquam deserit. Laodiciam obsidet, nec nisi captam dimissurus. Jam tamen annuae ac pene semis morarum taedere coeperat: cum Deus artem qua posset capi civitas inspiravit. Assueverant clausi insidiari clausoribus, et dum in meridie foris dormiretur: aliquando cum impetu de intus erumpebant: ut non sine caede et rapina somni rumparentur. Clamore facto exciti Franci armabantur; Laodicenses interim re peracta illaesi redibant: ita semel, secundo, tertio

quoque exercitum fallentes, ipsos se fallendi viam ostenderunt: quoniam ubi saepius nec dissimiliter idem iteratur, Tancredus ut arte artem deludat, insidiis insidias rependit. Praecipit tentorium construi, cujus capacitati par nullum ante visum fuerat nec auditum: quaeritur quoque pinus altissima tanto oneri columna sustinendo. Dixit, et facta sunt. Igitur arbor, sinus spatiosi per gyrum explicantur, funes, laquei telas et coronant et tendunt. Putant qui vident superbe actum, uti solent, ob fastum sublimare palatia in urbibus urbani. At Tancredus in ortu luciferi militiam vocat, et eam sub umbraculo stipat equis insidiantes, ubi opus fuerit, nihil cunctaturos, quibus nec calcar deerat ad bellandum. Sole autem orto partem non modicam exercitus in oculis hostium frumentatum mittit, reliqui sumpto cibo sopori vacare simulantes, spem rapinae atque opportunitatem spectatoribus promittunt. Videntes oppidani altum omnia tenere silentium, sperant quoquomodo consueverant turbare exercitum, celerique reditu improvisae tarditatem evadere ultionis. Egre diuntur ergo certatim currentes ad spolia, alii aliis praecursum invidentes. Paucis manentibus fere exeunt omnes, adeo incautos fallebat opportunitas simulata: currunt ad praedam et indulgetur: oneratis jamque ad portas regredientibus, intercurritur. Nam qui obumbrati et parati exspectant, confestim via patefacta accelerant, portis oppositi, reditum excludunt. Tancredus super exclusos irrui, sine cunctatione aut capiuntur, aut necantur. Perterriti itaque reliqui custodes et paucissimi facti, neque muris, neque sibi confidunt: petunt ultro pacem, reseranda offerunt claustra, ad ingressum invitant, tuti commercio egressus. Placet principi, sicque post labores diutinos, quietis domum Antiochiam revisit.

Глава 146

Латакию захватывают спустя полтора года.

Но Танкред всегда преуспевал в задачах, которые ставил себе. Когда он начинал что-то, он не отступал от намеченного. Он мог осадить Латакию и не оставлял города, пока он не был захвачен. Теперь же прошло полтора года, и Господь вдохновил его, открыв ему путь, благодаря которому город мог быть захвачен. Осажденные привыкли устраивать засады для осаждающих. Посреди дня они иногда вырывались, атакуя, и тревожили тех, кто спал, часто сея смерть и грабежи. Когда поднимали тревогу, пробужденные франки вооружались. Но к тому времени мужи Латакии возвращались невредимыми после своего нападения. Они нападали на войско один раз, второй, третий. Но тем самым они указали на маршрут, которым они пользовались для нападений, ибо они

часто возвращались по одному и тому же пути. Дабы ответить хитростью на хитрость, Танкред устроил засаду для устраивавших засады. Он приказал поставить шатер, размер которого превышал любой, который кто-либо видел или о котором кто-либо слышал. Надлежало найти самую высокую из возможных сосен, дабы она служила опорой для великой тяжести [шатра]. Танкред сказал, и это было сделано. Дерево было найдено, и его объемные изгибы были поставлены в центр окружности, а его ветви были покрыты и перевязаны. Горожане видели это горделивое деяние, думая, что это пышное зрелище призвано превзойти дворцы города. Но на рассвете Танкред призвал своих тяжеловооруженных воинов и поставил их в тени, верхом. Когда настанет время, им надлежало броситься в атаку без промедления, при помощи своих шпор. После восхода солнца Танкред отправил значительную часть своего войска собирать зерно, и сделал это на глазах у противника. Когда они [воины Танкреда] ушли, он поел и сделал вид, что отправляется спать, тем самым дав надежду наблюдавшим на наживу. С высоты горожане смотрели в тишине и надеялись на то, что, по установившейся привычке, они смогут потревожить войско и сбежать, быстро отступив до того, как противник сможет — в силу своей неспешности — попробовать им отомстить. Оставив лишь небольшое число мужей, почти все они выступили. Подстроенная возможность обманула неосторожных горожан. Они часто выступали за добычей. Затем, нагруженные, они сталкивались друг с другом, возвращаясь к своим воротам. Теперь же, те, кто приготовился и прятался в тени, без промедления атаковали, как только путь был открыт. Они удержали позицию у врат, обратившись против возвращавшихся. Тогда же Танкред набросился на тех, кто оказался запертым снаружи, перебив или пленив их без всякого промедления. У них не было надежды ни в стенах, ни в себе. Они искали мира и предложили сдать стены наступающим, если будет достигнуто соглашение о их безопасности. Это устраивало князя. Так, после долгих трудов он вернулся домой, в Антиохию.

CXLVII

Archiepiscopus Mediolanensis cum comite Pictavensi contra Danisman superatur; redimitur Boamundus.

Tunc temporis Anselmus Mediolanensis archiepiscopus, Willelmusque comes Pictaviensis contra Danisman in Romania praeliati, archiepiscopus

interimitur: comes vero vix Turcorum manus evasit fuga lapsus; tandem vero pauper, inops, nudus ad Ciliciam confugiens, ubi ad Tancredum pervenit, Tancredum invenit. Omnium enim bonorum opulentia cumulatur susceptus, qui omnium suscipitur egenus: exin confortatus, ad montem peregrinum transit, illic qui Jerusalem eant, a comite accipit comitatum. Ea tempestate Boamundi redemptio sollicitat populum, praecipue Balduinum comitem, qui Tancredi praecipuus erat inimicus. Is monendo, spondendo, increpando, Antiochenos pulsat, ut carcerem Boamundo aperiant. Bernardus quoque patriarcha recens summopere nititur, quasi retribuens quod eum de ipso carcere sublimaverit Boamundus: nec Tancredus tamen huic studio obviat, licet Boamundi redditio prosperitati ejus obviatura videatur. Partim his, partim illis aspernantibus: Boamundus revertitur decem miriadibus Michelatorum. Reddit ei Tancredus quod acceperat, et quod non acceperat: alterum quidem libens, atque alterum coactus. Laodiciam, Mamistam, Adanam, Tharsum proprio sudore partas, reddere cogitur, alioquin catenis et ferro mancipandus. Sic bonis omnibus, socia etiam militia nudato, vix tandem oppidula duo supplici suppleantur.

Глава 147

Архиепископ Милана и граф Пуатье разбиты данишмедами. Боэмунд выкуплен.

В то время Ансельм, архиепископ Миланский, и Гильом, граф Пуатье, сразились с данишмедами в Романии. Архиепископ был убит, а граф едва спасся от турок. Он бежал истощенным, безнадежным и голым в Киликию. Там он (...) нашел Танкреда. Тот, кто был найден лишенным всего, был принят и ему были предоставлены с избытком все блага. Так, утешенный, он отправился на Монт Пелерен. Отправляясь в Иерусалим, он принял эскорт от графа [Раймонда Сен-Жильского]. В то время сбор выкупа за Боэмунда лежал тяжким бременем на народе, особенно на графе Балдуине [Балдуине II Эдесском], кто был особенным врагом Танкреда. Балдуин обременял антиохийцев предупреждениями, мольбами и укорами, дабы они добились освобождения Боэмунда. Недавно возведенный в сан Патриарх Бернад также предпринимал великие усилия, чтобы отплатить Боэмунду за то, что тот вызволил его из темницы. Танкред не препятствовал этим усилиям, хотя казалось, что возвращение Боэмунда пресечет его продолжавшееся благоденствие. Боэмунд вернулся, будучи выкупленным за

10 000 «Михаилов». Танкред вернул ему как то, что он получил от него, так и то, что он не получал от него. Первое он сделал добровольно, второе — против воли. Он был принужден передать Латакию, Мамистру, Адану и Тарс, которые он получил ценой собственных усилий, тому, кто был освобожден из оков и цепей. Так, лишенный всех своих владений и даже общества войска, он вынужден был вымалывать два малых города.

CXLVIII

Bellum movent Assyrii, Edessam circumdant, praelium committunt.

Interea bellum movent Assyrii, vicinamque infinita multitudine Edessam circumdant. Volat Antiochiam rumor: Boamundus opem ferre oratus non differt: transit Euphraten, patriarcha cum eo et Tancredus, Goscelinus quoque, qui tunc temporis urbem regebat Maresium, et ipse transit, secum ducens quidquid virium habet. Turci adventu Boamundi audito, Edessam dimittunt, abscedunt paululum Martis avidi, sed dissimulantes: ea quippe astutia fugam simulant, ut fallant advenas inconsulte secuturos: ut hi per nota ad tuta deveniant, illi ad periculum per ignota; ut hi ad panem, illi ad famem; ut hi ad armorum supplementa, illi ad detrimenta. Sic paulatim triduo ultra Carras urbem eliciendo, alii fallunt, atque alii falluntur: donec ad flumen Chobar venitur et transitur. Illi urbi belli dilatio Turcis jam sufficit; fugae obmissa simulatione, bellum cient, bellum voce, bellum manu exercent: consummatum esse de nostris putant, quasi transgressis fluvium erepta sit fugae libertas, fatigatis ex itinere vires. Nec longe a vero putandum est: sic est actum. Christiani ternis agminibus incedebant, Boamundus dextra: sinistra et parte et sorte comes Balduinus; ambo inermes, indeparati, improvidi. Tancredus in medio paratus, providus, armatus; Turci antecedeabant non longe quasi praevii, prope habentes excubias quae statum omnem Francorum nuntiarent. Lucis quadrans supererat, transierat dodrans, cum Franci castrametari incoeperant in ordine praescripto. Ergo ubi quis paratus, quis non, ab exploratoribus Turci agnoscunt: repente conversi, armatum Tancredum declinantes, hinc Boamundi, inde Balduini exercitum perturbant: neutri tegmina induere licet, nudo capite pugnant et pectore. Antiocheni resistere nituntur, nudi nequeunt, castris excedere coguntur. Illic hostibus circa sarcinas ambitiosamque suppellectilem occupatis, nostri respirant: sero qua licet, bello se aptantes, rerum damno salvant corpora, eas amittere lucrifacere vocant.

Глава 148

Ассирийцы идут войной и окружают Эдессу. Начинается битва.

В то время ассирийцы пошли войной и окружили Эдессу и ее окраины своим бесчисленным множеством. Когда его попросили о помощи, Боэмунд не медлил. Он пересек Евфрат в сопровождении Патриарха, Танкреда и Жослена, который в то время правил городом Мараш, привозя с собой все войска, что у него были в распоряжении. Когда турки прослышали о наступлении Боэмунда, они оставили Эдессу и отошли на небольшое расстояние от города, по-прежнему готовые к битве, но притворяясь, что дело обстоит иначе. Они разыграли отступление со всей искусностью, дабы без предупреждения напасть на преследовавших врагов. Одни прошли по знакомым тропам в безопасное место, в то время как другие шли неизвестными дорогами напрямик к опасности. Одни преследовали к припасам, в то время как другие продолжали путь навстречу голоду. Одна сторона следовала к подкреплениям, в то время как другая шла напрямик к потерям. Так они шли на протяжении трех дней, пока не миновали город Каррес [Харран], притом что одна сторона обманывала другую, а другая позволила себя обмануть. Все это продолжалось, пока они не достигли реки Чобар. Промедление в битве показалось туркам достаточным. Они отбросили свой обман и приготовились к войне устами и руками. Они думали, что обыграли наших мужей, что раз они пересекли реку, то для них нет надежды и что вся их сила иссякла. Вскоре за мыслью поспело дело. Христиане продвигались тремя колоннами. Боэмунд вел правую, граф Балдуин — левую. Никто из них не был облачен в доспехи [в кольчуги], оба были не готовы и оба не знали ничего о планах противника. Танкред был поставлен в центре. Он был на страже, готов и вооружен. Турки, бывшие неподалеку от них, впереди, словно авангард войска, посылали разведчиков, которые были близко и докладывали о положении в стане франков. По мере того как день перешел к четвертой четверти, а три четверти дня миновали, франки стали ставить лагерь в вышеуказанном порядке. Когда турки узнали от своих разведчиков, кто был на страже, а кто — нет, они предприняли неожиданное нападение. Они избежали войск Танкреда и атаковали армии Боэмунда и Балдуина. Ни один, ни другой не успели облачиться в доспехи и сражались они с непокрытой головой и открытой грудью. Антиохийцы пытались сопротивляться, но оказавшись беззащитными, они вынуждены были бросить свой обоз. Тогда, в то время как враги были заняты с их обозом и богатыми товарами, наши мужи смогли перехватить дыхание. Так, несмотря на

то, что они были искусными воинами, их тела были спасены потерей их имущества. Они почли эту потерю за удачное обретение.

CXLIX

Captivus ducitur Balduinus et Benedictus archiepiscopus qui a Tancredo liberatur.

At Edessani subito pereunt, nec sua, nec se tueri licet; capitur Balduinus, vinctusque abducitur; Benedictus quoque infelix archiepiscopus captus trahebatur, imposita humeris geminorum sarcina clavengorum. Is cum ante aciem Tancredi duceretur: Tancrede! Tancrede! fer opem exclamat, moveat te miseri poena Benedicti. Auditus est clamor, atque ubi, cujus esset, Marchisides agnovit; illico incurrit, liberat ac reducit, liberatum multo restituit, propter se dicit assistere, trementem solatur, praesente se docet nihil esse timendum. Dehinc ardenti hostes aggredi, vesper obstat, militiaeque dehortatio, noctis viciniam adesse objiciens: eadem objectio Boamundum tenet; placet in crastinum bellum differre. Interea noctis caligo orbem involvit, dispositis excubiis, principes corpora dant sopori; at vulgus, et quos non alebat curia, fugae invigilant .

Глава 149

Плененного Балдуина увозят, а Архиепископа Бенедикта спасает Танкред.

Но тогда мужи Эдессы неожиданно сдали. Они не смогли спасти ни своего обоза, ни себя самих. Балдуин был захвачен в плен и уведен в узах. Несчастливый архиепископ Бенедикт был также схвачен и уведен. Обоим закованным в цепи мужам навалили на плечи добычу. Но когда последнего уводили, в виду войск Танкреда, он крикнул: «Танкред! Танкред! Помоги мне! Да страдание Бенедикта подвигнет Тебя к жалости!» Когда сын маркиза услышал этот возглас и понял, откуда он идет и кто был перед ним, он бросился вперед, освободил его и отвел в безопасное место. Он предоставил освобожденному мужу мула. Поскольку он сказал, что поможет ему, он утешил трясущегося мужа и остался с ним, уверяя его, что более ему нечего бояться. В то время уже наступала ночь, и воины Танкреда высказались против его стремления вступить в битву. Эти же возражения остановили и Боэмунда, который решил воздержаться от боя до следующего

дня. Так, отправив вперед своих разведчиков, вожди легли спать. Однако простые воины, лишённые придворных удобств, думали о путях бегства, боясь судьбы, которая была им уготована на следующий день.

CL

Christiani fugam capiunt

Obstabat fluvius reditui, unum duntaxat habens vadum, reliqui cursus ripas prominentia sua impervias, illam quasi portam unicum vigiles observabant: ne per eam genti exterritae refugium pateret. Igitur tentatores fugae dum pauci sunt, vado arcentur: ubi multi, nequeunt arceri. Contemnitur edictum principis, ubi populum conturbat formido mortis: rumpunturque claustra prohibita, cum multiplicatur exundans turba. Sed et alii aliorsum a ripa ad ripam ligna trajecerant, quibus pro ponte utebantur: custodes itaque cedunt coacti, Boamundum excitant, custodiae vim illatam quaeruntur, fugam produnt, Tancredum quoque jam excierat rumor, parant reditum ambo, derelictos se a populo conspicantes. Aliis festinare libet ac praecurrere, Tancredo subsequi ac morari: ipse pro muro secuturis hostium telis opponitur, alii fugam maturant; ipse frenis, alii calcaribus utuntur. Misertus est tamen plebi suae Deus. Turcis fugitur ignaris, illos habebat sopor altus; dum fuga vigil calles supellectile ornat pretiosa: abjiciunt vestes, papiliones, vasa argentea aureaque, et quidquid grave est fugamque moratur: ipsa etiam vitae praesidium arma. Imber male fecerat vias, pulverem in lutum converterat, equi et pedi lubrico, et caudae sarcina tardabantur. Aderat Bernardus patriarcha, et ipse cum fugientibus fugiebat, et mula ejus lutosa cum tardis tardabatur. Nemo eis instabat, instantes tamen strictis ensibus, arcubusque intentis infinitos videre videbatur. Quam turbatus erat a timore oculus ejus, non minus interiore exterior! Igitur consortes fugae rogans rogat: «Audite, filii, audite patrem, abscidite hoc quod a puppi pendet remigium, non modo cursum non moderans, verum etiam tenens; abscidite, inquam, non erubescio in tempestate hac jumentum tergum premere decurtati, dummodo levati; abscidite, sic peccata vestra Deus abscidat, ego autem abscissoris omnia absolvo». Multi obseratis auribus transeunt, timor caecus aures obserabat, ne minis alium miserebat, adeo sua singuli affligebantur miseria: jam rauscerat clamando, cum a milite confuga, tandem remedium accipit, remissionis tamen praescriptae commercio. Absolvuntur scilicet duo in facto uno: miles a noxa, jumentum a cauda; miles dum caudam metit, in benedictionibus seminat, metit quoque de benedictionibus: dum ei patriarcha ore et corde et dextra benedicit. Messor itaque cum simul et caudam et

benedictionem messuisset, ad usque Edessam exinde sociat, cum eo currit cui facultatem currendi reddiderat ereptam.

Глава 150

Христиане отступают

Река преграждала им путь к отступлению, через нее был лишь один брод. Остальная же часть ее русла ограждена крутыми берегами. Стражи охраняли это место, словно бы это были [крепостные] врата, и дабы оно не позволило бежать испуганным людям. Они могли удерживать брод, если беглецов было немного. Однако, если бы бежавших было много, это было бы невозможно. Приказы командиров были отброшены приведенными в замешательство войсками из-за страха смерти. Так, они бросились к вратам, где разбухавшая толпа становилась все больше. Некоторые перебрасывали доски с одного берега на другой, в разных местах, надеясь использовать их как мост. Стражи были вынуждены отступить пред лицом такой силы. Стражи разбудили Боэмунда и пожаловались ему на войска, столкновение с которыми окончилось их бегством. Эти же известия подняли Танкреда. Оба вождя приготовились к отступлению, узнав, что они брошены собственными воинами. Некоторые отправились вперед, пока Танкред медлил, чтобы остаться позади. Он стал стеной против вражеских копий. Остальные приготовились к бегству. Одни использовали поводья, другие — шпоры. Господь сжалился над своим народом. Турки остались в неведении об отступлении. Они пребывали в глубоком сне, в то время как осторожное бегство христиан покрывало тропы ценностями из обоза. Они бросали одежду, палатки, серебряные и золотые сосуды и все остальные тяжелые предметы, которые замедляли их продвижение. Они даже бросали свое оружие, защищавшее их жизнь. Дождь испортил дороги, превратив пыль в грязь. Конные и пешие воины были скованы скользкой дорогой и тяжестями, что тащили за собой. Там был Патриарх Бернард. Он бежал с бежавшими, а его покрытый грязью мул увяз вместе с увязшими. Им казалось, что вокруг них бесчисленные полчища врагов с вынутыми из ножен мечами и луками. Его глаз был встревожен страхом, окружавшим его, [страхом] проявлявшимся не только в душах, но и на лицах. Поэтому, призвав своих товарищей по отступлению, он воззвал: «Услышьте меня, сыновья мои! Внемлите своему отцу! Отрежьте весло, прикованное к вашей корме. Оно не только не ведет вас по намеченному курсу, оно вас удерживает. Отсеките же его, говорю я вам. Мне не постыд-

но будет в эту грозу толкать зад этого животного, когда оно будет расседлано и освобождено от бремени. Освободите их. Как Господь отсекает ваши грехи, так я дарую отпущение всем, кто сейчас отсечет ненужное». Многие прошли мимо, с закрытыми ушами — ушами, закрытыми страхом. Никому не было дела до другого, каждый был охвачен собственным несчастьем. Тогда один человек, покинув ряды бегущего войска, принял предложенное в обмен на обещанное отпущение. Так, два вопроса были разрешены единым деянием. Воин получил отпущение грехов, а животное — освобождение от бремени. Когда воин освободил животное от бремени, он сеял благословения и пожинал их, поскольку Патриарх благословил его своими устами, своим сердцем и своей десницей. Так, воин стал жнецом, одновременно пожавшим и поклажу, и благословение. Вместе они проследовали в Эдессу; [архиерей] бежал вместе с тем, кто вернул ему возможность бежать.

CLI

Servanda datur Edessa Tancredo; hostes, captis vicinis oppidis, Arthasium ingrediuntur.

Populus quoque reliquus illuc conveniunt, et qui primatum obtinebant, postremi. Illic etiam conferunt quem Balduino debeant creare successorem, qui suae tantae molis pondera valeat sustinere. Tancredus eligitur dignus, ipse manet et regit: Boamundus vero Antiochiam remeat. Igitur divulgato [0586C] per urbes finitimas Francorum damno, Cylices, Syri, Phoenices exsultant, subacti pariter atque subigendi. Hi metum de corde excutiunt, illi de vertice jugum. Tharsum, Adana, Mamista in jus suum revertuntur, Graecos suscipiunt, nostrates extrudunt. Turci ingrediuntur Arthasium, totam usque pontem Farfar viciniam populantur. Postremo naves Graecae quam maxima multitudo Laodiciae portum replent; et ipsae armis plenae non minus fabrilibus atque bellicis bellum simul gerentes et fabricam. Caemento caementariisque advectis, fabricare incipiunt; saxa poscentibus parietinae abundant, munitur portus, surgit fabrica. Vix Boamundus rumorem acceperat, cum imperfecti operis spe impulsus, adventans omnia [0586D] invenit imperfecta. Stabat supra portus portam antiqua turre de nomine sancti Eliae cognominata, solius interstitio portus a novo opere ab juncta. Hanc quoque muniunt Graeci, et castro suo continuant, fabricato arcu super portum, usus gratia inter se ab hac praevii ad illud, et muniminis firmi ad remigium hostile arcendum.

Глава 151

Эдесса после своего спасения передана Танкреду.
Враг атакует Арту, захватив окрестные города.

Народ собрался там, и наконец туда явились предводители. Они держали совет о том, кого назначить преемником Балдуина и кто будет способен нести это тяжкое бремя. Танкред был избран как достойный и остался там, чтобы править. Боэмунд вернулся в Антиохию. Когда известие о поражении франков разнеслось по городам, Киликия, Сирия и Финикия возрадовались, [возликовали] как те, кто был покорен, так и те, кто мог быть покорен. Последние сбросили бремя страха со своих сердец, в то время как первые сбросили ярмо со своих шей. Тарс, Адана и Мамистра возвратились к собственному правлению. Они пригласили греков и изгнали наш народ. Турки атаковали Арту и разорили все земли до самого Оронта. Наконец, огромное число греческих кораблей наполнило порт Латакии. Корабли были наполнены оружием, а также мастерами и оружием, чтобы они могли одновременно вести войну и строить необходимое. Привезя с собой обработанный камень и каменщиков, они начали строить. Там было множество обрушившихся стен, нуждавшихся в камне. Гавань была укреплена, и строительные работы начались. Едва эти известия достигли Боэмунда, он в надежде, что работы еще не завершены, выступил, чтобы обнаружить, что все достроено. Старая башня, названная в честь святого Илии, возвышалась над воротами. Теперь ее отделяли от нового укрепления лишь ворота. Греки укрепили и их и соединили со своей крепостью. Отныне с цитаделью, возведенной над воротами, ворота служили для передвижений туда и обратно и для защиты от прохода вражеских кораблей.

CLII

Boamundus revocat Tancredum.

Videns Boamundus omnia adversari, Antiochiam revertitur, moxque de statu principatus sui in commune tractare disponit: Tancredum revocat, cui cum partiatur curas, apprime necessarium: vocatus ille nil pigritans adest, qui nihil unquam pigritando fecit. Habita itaque intra beati Petri basilicam concione, Boamundus sic orditur:

«Magna opus est, o proceres, hac in tempestate providentia, quam si negligimus, perimus. Invaluit contra nos gentilitas, vias nobis circumcirca obstruxerunt Graeci et Turci: geminas totius orbis opulentissimas

exasperavimus potestates; Constantinopolim et Persida. Oriens nos per terram territat, occidentis vero et terra et mari: nam ut alia omittam, Arthasium hactenus Antiochiae clypeus fuit, modo arcus intendit, modo in nos acuit sagittas: nos pauci sumus, et tamen semper de paucis fimus pauciores: valde imminutus est numerus noster, ubi unus est amissus comes Edessanus. Proinde vigilate, considerate attenti, quid in tanto rerum cardine sit agendum; ego quod sentio breviter exponam. Expetendae sunt nobis vires transmarinae [al. transalpinae], Galliarum populi concitandi, audacia illa aut nos liberabit, aut nulla. Utimini me, me, inquam, hoc in negotio ministro; ego pro salute vestra non recuso laborem, gratissimus est mihi meus ille labor, per quem vobis paretur quies».

«Prudenter atque manifeste expositam, o proceres! audistis tam robur hostium, quam infirmitatem nostram, originem quoque ac finem, causas et remedium. Pulchre, bene, recte super his disseruit dominus princeps noster Boamundus, nec dedignatus est morbo medicinam quaerere se offerre ministrum. Verum, o proceres! quorsumnam istud? an in nobis non est qui mitti possit? nisi is elongetur, qui potius longe positus fuerat acclamandus. Circumdante caulas luporum agmine, praesentia pastoris opus est non absentia; ille praesens periculo se opponit, canes incitat, praedones arcet, gregem liberat; idem, si absit, cessat latratus, crudescit rapina: ipse quiescit, grex dissipatur. Valde et merito socordiam meam increpabit auditor, ubi sonuerit Boamundum abiisse, mansisse domi Tancredum. At fortasse in verbo illo tentatus sum: ut quid animi habeam, audito eo, manifestem. Palam est voluntas mea, non reprimo aestuantem. Hoc pro salute communi periculum mihi expostulo, tutus aggredior, pro munere amplector: utque petitio assensum impetret, coram Deo polliceor sedulitatem in obsequio, celeritatem in reditu; ac ne qua forte ingenium meum crapula turbet, latice contentus, vinum nesciam, donec reducem me Antiochia excipiat. Subinde etiam fas mihi esto sub iisdem tegulis biduanam agere quietem; ante vero nefas. Haec meis si jusseritis onera libens humeris imponam: gravioribus ultro onerandus, si graviora imposueritis». Objicit Boamundus: «Magna res est de qua agitur, magno volumine tractanda, severae vix cuiquam personae impenetrabilis. Propositi est nostri graves excire potestates: hoc non cuiusvis hominum contingit, non potest gravia movere nisi gravis, magno opus est flatu, ut possit quercus alta radicibus evelli. Non audient Tancredum: vix, ah! vix, utinam Boamundum audiant, qui ad exsilii laborem vocandi, nunc placida compositi pace principantur. Quapropter de caetero jam, ne cujuspiam temeritas dispositioni meae occurrat, ire proposui: non est mutabile, stat fixum, solvendum est votum, quod mea fecit ferro compedita devotio. Absolverunt me beati Leonardi suffragia, ego votum visitandi eum, aut praemoriar, aut absolvam».

Глава 152

Боэмунд отзывает Танкреда.

Боэмунд, видя, что всё против него, вернулся в Антиохию. Вскоре после этого он обсудил состояние княжества со своими людьми. Он отозвал [в Антиохию] Танкреда, с которым он больше, чем с кем-либо, разделял бремена, привнесенные нуждой. Услышав призыв, Танкред не стал медлить, так как он никогда ни в чем не медлил. После того как собрание было созвано в базилике Святого Петра, Боэмунд обратился [ко всем] со следующими словами: «Задача, лежащая перед нами, о благородные сиры, поистине велика. Народы восстали против нас во всеоружии. Греки и турки окружают нас со всех сторон. Мы раздражили две величайшие державы мира, Константинополь и Персию. Восток устрашает нас с суши, Запад устрашает нас и с суши, и с моря. Более того, я не могу не сказать и о том, что Арта, которая была щитом Антиохии, теперь натянула лук и направляет на нас стрелы. Нас мало, и даже это наше небольшое число сокращается постоянно. Наши силы страшно ослаблены потерей графа Эдесского. Внемлите мне и подумайте хорошенько о том, что следует нам сделать в этот роковой час. Я расскажу вам вкратце, что я считаю нужным предпринять. Мы должны искать помощи у наших людей, за морем. Народы галлов должны быть подняты. Или их храбрость освободит нас, или нас уже ничто не спасет. Используйте меня, говорю я вам, используйте же меня! Я буду вашим агентом в этом деле. Дабы обеспечить вашу безопасность, я не отступлюсь от намеченного. Я приветствую эти труды, дабы через них я даровал вам роздых». Когда он закончил и сел, Танкред встал и сказал: «О благородные сиры, эта задача представлена нам мудро и ясно. Вы слышали о силе врага, о нашей слабости, об истоках и исходе, о причинах и исцелении. Наш господин князь Боэмунд обрисовал все великолепно, ясно и верно. Он не преминул назвать лекарство от этой болезни и изъявил готовность лично его доставить. Но благородные сиры, почему это должно быть так? Неужели среди нас нет никого, кто мог бы быть отправлен, и неужели среди тех, кто пребывает вдалеке от нас, никто не может быть призван? Когда стая волков окружает овчарню, задача пастыря быть со стадом, а не покидать его. Когда он пребывает со стадом, он призывает собак, он отгоняет воров, он освобождает стадо. Но когда пастырь отсутствует, лай собак прекращается, а грабежи учащаются. Когда он безмолвствует, стадо разбегается. Слушающий справедливо и со всей силой будет порицать меня за глупость, когда просльшит о том, что, когда Боэмунд уедет, Танкред останется дома. Но, возможно, именно эта мысль меня и сдерживает, и я вынужден ясно

открыть, что лежит у меня на душе, после того, что было произнесено. Это моя ясная воля, и я не намерен молчать о своем желании. Ради общего блага я оставляю себя в опасности. Я выступаю, будучи надежно прикованным к этой задаче. Дабы моя просьба нашла должную поддержку, я обещаю перед Богом, что я буду преследовать указанную цель [путешествие на Запад для созыва нового крестового похода. — С.Б.] со всем возможным рвением и что я быстро вернусь. Более того, дабы пьянство не расстроило моих намерений, я буду довольствоваться лишь водой и откажусь от вина до возвращения в Антиохию. Разрешите мне остаться на два дня под этой крышей — это просьба, которой я раньше постыдился бы. Я добровольно возложу эту задачу на свое плечо и понесу более тяжкие бремена, если вы возложите их на меня». Боэмунд возразил на эти слова: «Дело, которое сейчас мы рассматриваем, имеет огромное значение и едва ли увенчается успехом, даже под руководством человека с великим опытом. Наша цель — поднять многочисленные войска. Это не то, чего может добиться обычный человек. Нужен опыт, чтобы осуществить столь важные деяния. Для того чтобы вырвать великий дуб вместе с корнем, нужен великий ветер. Они не послушают Танкреда. Те правители, ныне живущие в мире, едва ли внемлют некоему Боэмунду, когда их призовут потрудиться вдали от дома. Так, покамест чье-то еще рвение не воспрепятствовало моему намерению, я вызываюсь поехать. Это устремление должно быть осуществлено, и свою веру я дополню своим мечом. Милости святого Леонарда освободили меня. Я исполню свою клятву, посетив его, или я умру, пытаюсь».

CLIII

Boamundus relicta Tancredo Antiochia omnibus destituta transfretat.

Conticitum est de caetero, neque ultra a quoquam voluntati principis obviatum, quoniam quidem notum est in populis proverbium, lex sequitur regem, quo vult rex ducere legem. Paratur ergo navigium, habent remiges paratos denae biremes, quibus trinae simplicis remigii sociantur, quas vulgo sandalias vocant. Hoc Boamundus contentus numero, in conspectu classis Pelasgae transfretat, relicta Marchisidae Antiochia. Asportantur aurum, argentum, gemmae, pallia; urbs absque tutela, absque stipendiis, absque stipendiariis Tancredo relinquitur. Habuisse me veridicos memini relatores, qui in ea penuria illum vini abstinuisse praedicarent, aquae simplicis haustu contentum. Dumque vel modico uti Lyaeo propter stomachum

blande moneretur: Sinite me, aiebat, cum abstinentibus abstinere; fixum fixi de genimine vitis nolle accipere, donec omnibus sufficiam dare: absit ego crapula distendar, commilitones mei inedia marcescant!

Глава 153

Оставив Танкреду Антиохию лишенной всего ее богатства, Боэмунд отбывает.

Все застыли, и никто не возражал воле князя, поскольку все знали пословицу: «Закон следует королю туда, куда король желает повести закон». Так, был подготовлен флот. Там было десять галер и три других корабля с одним рядом весел, именуемых «сандалии» [sandaliae]. Боэмунд был доволен этим числом. Он проплыл в виду греческого флота, оставив Антиохию сыну маркиза. Он забрал золото, серебро, драгоценные камни и одежды. Город был оставлен Танкреду без защиты, жалованья или наемников. Честные мужи говорили мне, что Танкред был оставлен в такой нищете, что он воздерживался от вина и довольствовался водой. Когда его призывали отпить немного вина, для лечения желудка, он говорил: «Оставьте меня воздерживаться с воздерживавшимися. Я принял решение не вкушать от плода виноградной лозы, пока его не будет в достатке для того, чтобы дать каждому. Не подобает мне размягчать себя в пьянстве, пока мои товарищи-воины истощаются от голода».

CLIV

Jamque soles fere quadraginta inopia pertingebat, cum pleno cornu copia adest, aurumque non modicum coeli pluunt. Quidam de civibus penuria curiae audita, misericordia motus Tancredum adit, postulansque mercedem statim impetrat, ut penuriam levet, opem ferat. «Habet, inquit, urbs ista centenos cives, singulis quorum marsupiis facile est aureos effundere millenos. Rogati non tenebunt; tu, domine, roga, ego nomina patefaciam quae roges». Obtemperatur consilio, nominantur scribendi, scribuntur vocandi, vocantur rogandi, rogantur intus missi. Incusatur urgens necessitas, in quo petitio praesens excusatur, fulcit excusatam retributio promissa, ut non tam sub nomine doni quam mutui peti videatur: nec reticetur vicina hostilitas, non repellenda nisi armati occurrerint, nec occursuri nisi auro intercedente provocati. Tot confluentibus in unum causis, demum efficitur, ut praescriptus

aureorum numerus impetretur; quibus receptis Marchisides confortatus, militiam confortat, jacentem suscitatur, inermem armat, supplet numerum qui exciderat, neque donec deficiat aureus, cessat augere militarem. Exinde prostrata resurgere coepit Antiochia, et de territa fore terribilis. Arthasium statim aggreditur, quae cum aliis matrem infestabat, omnium tam acerbissima quam proxima Syrorum. Hanc igitur primam Tancredus circumdat ad cujus ictus vix stant turres silicibus concussae; quod audiens Raduanus Kalepti rex cum triginta millibus accurrit adversus paucitatem in multitudine confidens: Arthasienses quoque illi se jungunt, omnes adversus Antiochiam.

Глава 154

Миновало почти сорок дней, когда с небес обрушился огромный запас зерна и множество золота. Один из горожан, прослышав о нищете двора, был тронут жалостью и пришел к Танкреду. Он потребовал награду и получил ее, дабы сбросить эту бедность. Он сказал: «В городе сотни граждан, у каждого из которых есть кошелек, способный излить тысячи золотых монет. Если их попросить, они не утаят их. Попроси же, господин мой, я дам тебе имена тех, кого следует попросить». Танкред последовал этому совету. Имена этих мужей были названы и записаны. Когда их приводили [во дворец], они их просили. В качестве причины для текущих требований была названа срочная нужда. Обещание награды подкрепляло требования. Не умолчали они и о врагах, которые были близко и которых нельзя было изгнать без воинов. Было также указано, что воинов нельзя отправить без золота. Все эти аргументы проистекали вместе, так что требуемая сумма золота была, в конце концов, собрана. Когда Танкред получил золото, сын маркиза, наконец, был утешен и, в свою очередь, утешил воинов. Он вселил дух в тех, кто пребывал в упадке, вооружил тех, у кого не было доспехов, заменил тех, кто умер. Пока ему позволял собранный запас денег, он не прекращал наращивать свои военные силы. Антиохия, лежавшая ниц, теперь начала восстанавливаться. Испытывая ужас, она начинала внушать ужас. На Арту напали немедленно. Это место, вместе с другими, само напало на свою мать [Антиохию]. Воистину, это было самое близкое [к нам] и самое горькое [для нас] поселение во всей Сирии. Танкред вначале окружил поселение; затем, под ударами камней, едва устояли ее [Арты] башни. Когда Рыван, царь Алеппо, прослышал об этом, он выступил во главе 30 000 воинов против малого войска, доверившись своей многочисленности. Мужики Арты присоединились к нему, и все они выступили против Антиохии.

CLV

Arthasio Raduanum expellit.

Erat media inter eos planities scopulosa, per quam utcunque caballis ire, currere vero omnino non licebat: vel si quando ad cursum quispiam cogeretur, nec pedem ungula, nec ungulam ferrum tueri poterat, quin cautes aspera calcem permoleret equinam, equus atque eques ruerent prostrati. Tancredus, ea re cognita, paululum secedit, illuc hostibus permittit accedere, qua loci difficultas fugam remoretur, quod Raduanus aut negligens, aut ignorans, hac militiam impetit Christianam; illa tanquam [0589B] torpida loco manet, sustinet donec lancea suum habeat tempus. Jamque praetergressis loca aspera Turcis, Tancredus quasi a somno excitatus in mediis fulminat: illi facile terga vertunt sperantes, ut est moris, fugiendo gyrare, gyrando sagittare. Delusae sunt aut eorum spes et artes, deluserunt eas lancea et via: altera urgens, altera cursus impatiens: haec tergum fodit, illa gradum sistit. Inutiles igitur equi, pharetrae et arcus abjiciuntur, confiditur pedibus propriis, ubi diffiditur alienis, suis quantum licet utuntur: humani sunt, mallent esse cervinos: ne tamen nihil egerit Raduanus, paucos Christiani nominis sagittavit, reliquam operam dedit fugae; sagittarii ejus, pars evadit saucia, nonnulli caesi prosternuntur.

Глава 155

Изгнание Рыдвана у Арты

Между Антиохией и Артой расположена каменистая равнина, через которую лошади могут пройти, но не галопом. Если бы там заставили лошадь бежать, копыто не защитило бы ее ногу, а подкова — копыто. Острые камни пронзили бы лошадиные ноги, и лошадь вместе с всадником повалилась бы наземь. Танкред, зная об этом, отступил немного и позволил противнику наступать, дабы препятствия самой местности сделали бы невозможным его отступление. Рыдван либо не обратил внимания на это обстоятельство, либо вообще не знал о нем; он атаковал христианское войско. Христиане держали строй, как оцепенелые, пока их копья не были готовы. Тогда, когда турки прошли по жесткой местности, Танкред бросился вглубь их рядов, словно бы пробужденный ото сна. Турки быстро отступили, надеясь, как было у них принято, развернуться и стрелять при отступлении. Однако их надежды и уловки были расстроены — копья христиан и сама местность от них ничего не оставили. Первые давили их, вторая — замедляла их путь. Копья били их в спину, а путь преграждал их бегство. Их лошади были бес-

полезны. Они отбросили свои колчаны и луки и доверились собственным ногам. Когда их лошади не справились, им осталось лишь полагаться на самих себя. Они были людьми, но желали [в этот час] стать оленями. Надеясь избежать полного поражения, Рыдван пускал стрелы в некоторых христиан. Однако остальные пустились в бегство. Некоторые из его лучников остались невредимыми, но многие были убиты.

CLVI

Antiochiam victor revertitur. Apamiam circumdat.

Victor itaque Tancredus Arthasium recipit: ea munita, Antiochiam revertitur; confortata spoliis infidelium fides, imo quasi a mortuis resurgens expergiscitur, renovato principe gaudet fortunam renovari: ipse etiam accipitri conformandus, cui negata diu volandi licentia, longus carcer animos tabefecit; ea demum reddita, si missi ad rapinam primos impetus fortuna juverit, in desiderio sunt secundi, visaque gruum caterva, tenentem vexat, opportune, importune super volitans. Ardore pari Tancredus inflammatur, ubi nactus victoriam, spoliis Calepti ditescit. Jamque Laodiciam novam aggressurus, monetur veterem multiplicatis bellatoribus fulcire: ipse Apamiam reliquo exercitu circumsepiat; factumque est ita. Repondit Tancredus Graecis vicem, qui castrum castro opposuerant, nunc contra ipse Castrensibus Castrenses obfirmat: Apamiam vero non plurimo, sed strenuo milite circumdat, quasi morti addicto et ipse addictus. Prope Sysara, prope Haman, prope Raphania, prope alia complura tam oppida quam urbes, omnia minis plena et hoste fremiscunt. Obsident ergo Christiani urbem unam, Christianos vero urbes multae; annonam qui quaerere egent nequeunt, nisi bipertito exercitu; pars altera maneat, altera exeat: sic divisi periculum declinant, quod vix sufficiant congregati. Deo sunt haec ascribenda, non viribus humanis, palam pro Christianis Christus dimicat.

Глава 156

Танкред возвращается в Антиохию как победитель.

Он осаждает Апамею.

Танкред взял Арту, как победитель. Затем, оставив там гарнизон, он возвратился в Антиохию. Верные были утешены добычей, взятой у неприятеля, и были пробуждены, словно восстав из мертвых. Радостно было и то,

что удача обновленного князя также была обновлена. Но он был подобен ястребу, которому долгое время не давали летать и чей дух ослаб из-за долгого плена. Когда его наконец-то освобождают и удача дарует ястребу возможность схватить добычу, это кажется ему уже второстепенным. Если он заметит стаю журавлей, он вначале нападет на сокольника, а затем вознесется ввысь, чтобы атаковать [журавлей]. Танкред горел таким же рвением. Когда он обрел победу, он разбогател благодаря алеппской добычи. Теперь же, готовясь напасть на новую Латакию, он был предупрежден, что старый город был укреплен многочисленными войсками. Сам же он выступил с остальной частью своего войска к Апамеи. Так было сделано: Танкред оплатил грекам сполна, тем, кто поставил крепость против его собственной крепости. Теперь же он блокировал гарнизон своим собственным гарнизоном [речь идет о блокаде Латакии, протекавшей параллельно с осадой Апамеи. — С.Б.]. Он окружил Апамею малочисленным, но сильным войском. Все они были готовы к смерти, как сам он был [всегда] готов к смерти. Рядом были расположены города Сисара [Шейзар], Хама, Рафания и многие другие — большие и малые — города. Все они были преисполнены опасностями [для франков] и наполнены врагами. Христиане осаждали один город, а множество городов осаждали христиан. Когда им нужно было зерно, они не могли выйти на его поиски, не разделив свое войско надвое. Одна часть оставалась на месте [держит осаду], вторая выступала [на сбор фуража]. Будучи так разделенными, они смогли отвращать напасти, которые едва могли отбивать вместе. И это обстоятельство следует приписать скорее Господу, нежели силе человеческой. Христос открыто воевал на стороне христиан.

CIVII

Summa Laodicensium necessitas.

Nuntiatumque ei de Laodicensium suorum penuria, quod data pascendis ipsis alimenta defectum minarentur: in proximo aut ingressuram fore cererem, aut egressuram manum bellatricem. Ingressum autem prohibebat magnus hostium numerus, qui per compita insomnes excubabant. Turbatus nuntio princeps (noverat enim quia sola fames urbes asserit, nescit plebes jejuna timere) in partes varias animum fundit: ane habendum postponat habito, an habitum habendo. Durum est multum labore partam Laodiciam abdicere, grave Apamiam ex facili parandam dimittere: nam quasi impossibile constat esse, ut et hoc faciat, et illud non omittat. At virtus quae sola res

impossibiles ad possibilitatem redigit, virum confortat: monet petentibus opem cursim succurrere, mansuros ad castrorum regimen milites sic hortari: «Eia, Christi martyres! parate fundi atque fundere pro eo sanguis; constantes estote: bene coepistis, bene consummate: non vos terreat paucitas vestra; non est victoria in numero, sed in Dei virtute».

Глава 157

Великая нужда мужей в Латакии

Танкред получил известия о бедственном положении своих людей в Латакии. Несмотря на то, что отправляя им провизию, они столкнулись с нехваткой, от которой страдали. В ближайшем будущем либо они должны были получить зерно, либо же войска вынуждены будут отойти. Великое множество врагов не давало им возможности передвигаться, поскольку они без устали держали дозор у дорог. Князь был встревожен этим известием, потому что знал, что только голод способен спасти города. Голодающий народ не знает страха. Он взвешивал различные обстоятельства. Он думал о том, что ему дороже: [дороже ли] то, что он может получить в будущем, чем то, чем он владеет сейчас? Дороже ли то, чем он владеет сейчас, чем то, что он может получить в будущем? Было сложно отказаться от осады Латакии после стольких усилий. Было сложно отказаться от осады Апамеи, когда ее уже можно было с такой легкостью взять. Казалось бы, невозможно предпринять одно без другого. Но храбрость — единственное, что делает невозможное возможным, — принесла утешение этому мужу. Он уведомил тех, кто обращался к нему с просьбой, что он скоро придет им на помощь. Он ободрил воинов, оставшихся оборонять лагерь, словами: «Услышьте меня, мученики Христовы! Приготовьтесь к тому, что и вашу кровь прольют, и вы прольете кровь во славу Его! Оставайтесь стойкими! Вы хорошо начали. Завершите начатое столь же хорошо. Да не испугает вас ваша малочисленность. Победа дается не числом, но силой Божией!».

Radulfus Cadomensis (Ralph of Caen)

GESTA TANCREDI

In the 40th issue of the Historical Reporter, in the Sources section, the reader will find the Latin original and Russian translation of the final 18 chapters of The Deeds of Tancred (Gesta Tancredi) by Ralph of Caen. This is the first attempt, in Russian historiography, to translate the aforementioned part of the well-known work, which has notable significance for the study of Norman expansion in the Mediterranean, the Crusades and the formation of the landscape that became known as «Outremer» («The Land Beyond the Sea») or the Latin East. The re-publication of the original (Latin) text and the first ever publication of the Russian translation are aimed at drawing the attention of professional researchers, as well as a wide range of readers, to the part of Ralph's history, that deals with the first five years that followed the Crusader conquest of Jerusalem (1100–1105), and which – taking into account the author's rather emblematic worldview – depict the events not merely from a generally «Latin» or «Frankish», but from a peculiarly Norman perspective.

In the seventeen chapters, Ralph of Caen describes the Easter pilgrimage of Prince Bohemond I of Antioch and Count Baldwin I of Edessa to Jerusalem; the election and enthronement of the first Latin Patriarch of Jerusalem; Bohemond I's capture in the Battle of Melitene; the death of Godfrey of Bouillon; the succession of Crusader rulers in Antioch, Edessa and Jerusalem (1100–1101); the Tancred's conquest of Cilicia (1101); the Second Norman Siege and capture of Latakia (1101–1103), supplemented by a unique description of the city itself; the Battle of Harran (1104), with the subsequent retreat to Edessa and the series of military disasters for the Normans (including the second Komnenid conquest of Cilicia and Latakia); Bohemond I's departure to the West; the start of Tancred's new campaigns, notably, the sieges of Apamea and Latakia (1105–1106).

Introduction and translation of the text by:

Sergei P. Brun – research fellow at the Moscow Kremlin Museums.

Перевод текста и комментарии:

 Брюн Сергей Павлович

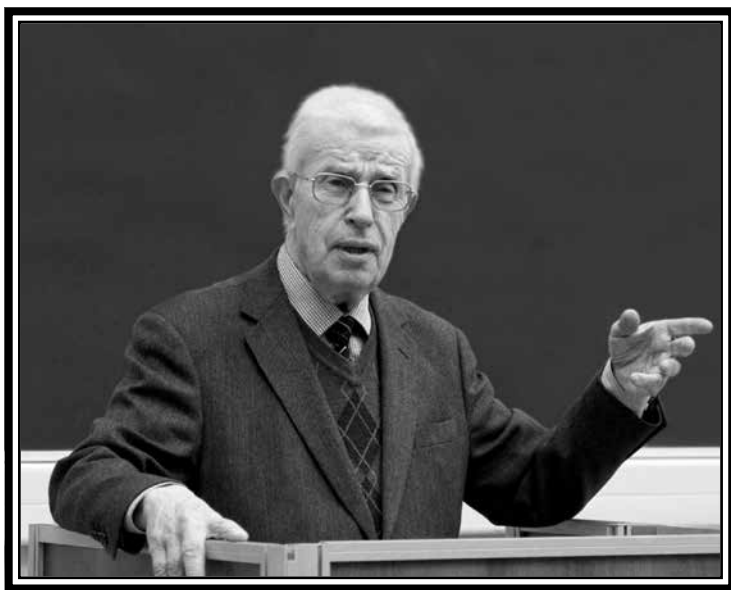
научный сотрудник Музеев Московского Кремля

МИХАИЛ СЕРАФИМОВИЧ МЕЙЕР (30 АВГУСТА 1936 — 19 АПРЕЛЯ 2022)

19 апреля 2022 г. ушел из жизни президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, член редакционного совета журнала «Исторический вестник», доктор исторических наук Михаил Серафимович Мейер.

Выдающийся историк-востоковед, ученый с мировым именем, М.С. Мейер внес огромный вклад в развитие отечественной научной школы изучения истории Османской империи и современной Турции, стран Ближнего и Среднего Востока. Михаил Серафимович Мейер всю свою научную жизнь посвятил МГУ. В 1960 г. он окончил Институт восточных языков при МГУ (сегодня — Институт стран Азии и Африки МГУ), в 1965 г. стал кандидатом, в 1990 г. — доктором исторических наук. Будучи профессором кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, с 1994 по 2012 г. занимал должность директора ИСАА МГУ, а в 2012 г. стал президентом ИСАА МГУ. На протяжении своей долгой научной и педагогической деятельности профессор М.С. Мейер содействовал развитию отечественного востоковедения. При его участии был создан ряд новых кафедр и учебно-научных центров стран Востока и Запада, налаживались и развивались научные связи ИСАА МГУ с дру-

гими российскими востоковедными центрами и с иностранными университетами.

Михаил Серафимович Мейер был одним из глубочайших исследователей истории Османской империи. Он опубликовал более 150 научных и учебно-методических работ, придав тем самым новое дыхание отечественной школе османских и турецких исследований, воспитал несколько поколений учеников, в том числе кандидатов и докторов наук. Многие воспитанники М.С. Мейера по окончании ИСАА МГУ стали специалистами по истории стран Ближнего и Среднего Востока, доцентами и профессорами МГУ и других российских университетов, успешными журналистами, дипломатами, государственными деятелями.

Монография М.С. Мейера «Османская империя в XVIII в.: черты структурного кризиса» (М., 1991) в свое время стала настоящим научным прорывом в османистике, задав новые стандарты в углубленном изучении социально-политической проблематики османской эпохи на основе широкой источниковой базы. Тот период османской истории, который ранее нередко воспринимался как «темный век упадка», предстал на страницах исследовательского труда М.С. Мейера как крайне интересный для изучения ключевой период на историческом пути Османской империи, постепенно превращавшейся из сильнейшей державы своего времени в один из периферийных элементов созданной Западом капиталистической системы. М.С. Мейер на основе комплексного анализа обширного исторического материала раскрыл причины и механизмы той трансформации османского общества и го-

сударства, которая напрямую повлияла на дальнейшие судьбы целого ряда регионов юго-восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, живших под властью османских султанов. Творческое влияние и высочайший научный авторитет М.С. Мейера вдохновляли его учеников и последователей, в результате чего исследования по истории стран Ближнего Востока и Северной Африки в османскую эпоху стали одним из магистральных направлений научно-исследовательской деятельности возглавляемой им кафедры.

Михаил Серафимович был блестящим лектором и при этом всегда проявлял искреннюю доброжелательность к студентам, которые отвечали ему неизменным уважением. Он запомнился коллегам и ученикам как настоящий Учитель и наставник, ученый и руководитель с самыми высокими деловыми и моральными качествами.

Помимо огромной научной, педагогической и общественной деятельности, М.С. Мейер уделял большое внимание организации научных публикаций. На протяжении долгих лет он занимал пост главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение», а в последние годы также был членом редакционного совета журнала «Исторический вестник», на страницах которого опубликовал несколько блестящих научных работ. Интеллектуальное влияние М.С. Мейера во многом вдохновило его учеников и коллег на создание ряда тематических выпусков «Исторического вестника» по таким темам, как «Россия и исламский мир», «Феномен Османской империи», «Османская империя и Россия». Растущий в отечественной научной среде интерес к изучению различных аспектов многовековой истории османской державы как удивительного феномена, одновременно сочетавшего в себе цивилизационные черты Востока и Запада, которые сохранились в облике современной Турции, — это, во многом, личная заслуга профессора М.С. Мейера.

Члены редакционного совета журнала «Исторический вестник» вместе со всеми родными и близкими, коллегами и друзьями Михаила Серафимовича Мейера сохраняют его образ как выдающегося ученого-историка и старшего товарища, в котором мудрость и глубина научных суждений сочетались с искренней душевной теплотой.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора – Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Следующий номер
«Исторического вестника»
будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке